

ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Недбаило, Борис Николаевич

1. Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.)

1.1. Российская государственная библиотека

Недбайло, Борис Николаевич

Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.) [Электронный ресурс]: Историческое исследование : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 .–М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки)

История. Исторические науки -- Россия -- Период первой мировой войны. Вторая революция в России (1914–февраль 1917 г.) -- Россия в годы первой мировой войны. Назревание революционного кризиса -- Участие России в первой мировой войне -- Зверства немцев. Военнопленные. Беженцы. История. Исторические науки -- СССР -- Период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920) -- Первый период интервенции и гражданской войны (лето 1918–весна 1919 г.) -- Мятеж корпуса чехословацких военнопленных (май–ноябрь 1918 г. . . . Отечественная история

Полный текст:

<http://diss.rsl.ru/diss/05/0175/050175031.pdf>

Текст воспроизводится по экземпляру,
находящемуся в фонде РГБ:

Недбайло, Борис Николаевич

Чехословацкий корпус в России (1914–1920 гг.
)

М. 2004

Российская государственная библиотека, 2005
год (электронный текст).

61:04-7/974

ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

НЕДБАЙЛО Борис Николаевич

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС В РОССИИ (1914 – 1920 гг.):
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Научный руководитель – доктор
исторических наук, профессор В.Н. Воронов

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	стр. 3
РАЗДЕЛ I. ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ВОЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	стр. 21
РАЗДЕЛ II. ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС В БОРЬБЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1918 г.	стр. 69
РАЗДЕЛ III. УЧАСТИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В ПРОТИВОБОРСТВЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ	стр. 119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	стр. 177
Список источников и литературы	стр. 187
Приложения	стр. 207

ВВЕДЕНИЕ

До сих пор российское общество ощущает на себе последствия Гражданской войны 1917-1922 гг. – одной из наиболее жестоких и кровавых за всю многовековую историю России. Около шести лет длилась вооруженная борьба между различными политическими силами и социальными группами, имевшая в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия и проходившая при активном вмешательстве иностранных военных сил. В те драматические события были вовлечены многие иностранные граждане, оказавшиеся в это время в России в составе военных формирований противоборствующих сторон. К числу таких формирований относится Чехословацкий корпус – регулярное соединение, сформированное еще в годы Первой мировой войны из военнопленных чехов и словаков – бывших военнослужащих австро-венгерской армии.

Основой корпуса стала «чешская дружина», создание которой с началом Первой мировой войны отразило подъем патриотического духа и стремление к национальному освобождению чехов и словаков – подданных Российской империи. Подобные формирования из числа чехов и словаков создавались и в других государствах Европы, а затем и в США. Но «чешский легион» (еще одно название чехословацких формирований в России) был самым многочисленным и боеспособным из них. И, как следствие, именно на него чехословацкое политическое руководство возлагало наибольшие надежды, связанные с завоеванием независимости Чехословацким государством.

Однако, события, развернувшиеся в России в 1917 г. и в последующие годы, предопределили корпусу иную судьбу. Предназначенный для национально-освободительной борьбы своих народов против австро-венгерского владычества, он стал орудием в руках политических сил, которые боролись за политическую власть не на родине, а в России, ударной силой в лагере политических и военных структур антибольшевистской направленности. Его

активное участие в Гражданской войне в России, независимо от субъективных устремлений отдельных военачальников и деклараций чехословацкого руководства о единственной цели – эвакуации в Западную Европу, стимулировало консолидацию и наращивание сил Белого движения, что придало этой войне невиданный до того размах и ожесточенность.

Актуальность темы. Всестороннее исследование истории иностранных вооруженных формирований, в частности Чехословацкого корпуса, действовавшего на территории России в годы Первой мировой и Гражданской войн и военной интервенции, представляет, на взгляд диссертанта, особый интерес и имеет большое научное и практическое значение для Российского государства и его Вооруженных Сил.

Актуальность избранной диссертантом темы обусловлена следующими обстоятельствами:

во-первых, общественной потребностью в формировании подлинно исторического мышления, в научной реконструкции прошлого нашей страны. В этом смысле можно с полным основанием утверждать, что объективное изучение действий Чехословацкого корпуса на территории России в 1914–1920 гг. позволяет нарисовать более достоверную картину Первой мировой и Гражданской войн, иностранной военной интервенции, дает ключ к пониманию сущности происходивших событий как в стране в целом, так и в отдельно взятых регионах Поволжья, Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока;

во-вторых, необходимостью ввести в научный оборот ранее недоступный исследователям массив архивных документов, связанных с действиями Чехословацкого корпуса на территории России и проливающих дополнительный свет на участие иностранных военных формирований в Гражданской войне и интервенции стран Антанты. Актуальным представляется и преодоление бытовавшего в науке выборочного отбора источникового материала, связанного с вооруженными формированиями белых общественно-политических движений и иностранных армий. Диссертант убежден, что без

обращения к альтернативным историческим источникам воссоздать всестороннюю картину происходившего невозможно. Кроме того, новые исследовательские возможности открываются в связи с устранением былой изолированности друг от друга отечественных и иностранных публикаций, в том числе источниковедческого характера, что позволяет выработать консолидированный взгляд на многие драматические страницы прошлого;

в-третьих, потребностью с помощью исследования истории Чехословацкого корпуса исправить, углубить, дополнить имеющиеся в науке представления по следующим проблемам, еще окончательно не разработанным: особенности формирования чешской дружины в 1914 г. и ее деятельность на фронтах Первой мировой войны; характер взаимоотношений между органами Советской власти и командованием Чехословацкого корпуса с октября 1917 г. по май 1918 г.; попытки противоборствующих в России политических сил использовать в своих интересах Чехословацкий корпус; конкретные действия корпуса, способствовавшие краху режима А.В.Колчака в Сибири в 1919 г., и другие. Без объективного освещения и осмысления действий чехословацкого командования и военного руководства различных политических сил России невозможно правильно понять их взаимоотношения, практическую политику, достижения и просчеты, а значит, адекватно представить историю Гражданской войны и иностранной интервенции;

в-четвертых, значением исторического опыта и уроков прошлого для государства и его Вооруженных Сил. Строго научный подход к извлечению уроков из истории Чехословацкого корпуса, по мнению автора, дает возможность продвинуться в решении ряда проблем, связанных с существованием на территории современной России и в ближайшем зарубежье вооруженных формирований, в том числе иностранных, выступающих против законной власти, а также с противодействием таким формированиям.

Сказанное дает основание диссертанту надеяться на то, что результаты его исследования не только явятся определенным вкладом в изучение исто-

рии Первой мировой и Гражданской войн в России, но и могут быть использованы в практике современного военного строительства.

Степень научной разработанности. Проблема формирования на территории России Чехословацкого корпуса и его активное участие в событиях Гражданской войны и иностранной военной интервенции привлекла внимание отечественных и зарубежных авторов еще в 20-е годы прошлого столетия. За минувшие десятилетия вышел в свет ряд монографических исследований и иных публикаций, тематически пересекающихся с темой настоящей диссертации.

Хронологически имеющуюся литературу, по мнению диссертанта, целесообразно разделить на три группы. К первой из них следует отнести публикации различного характера с 1918 по 1940-е гг.

В начала данного периода сделаны первые попытки обобщить и проанализировать события, связанные с формированием и участием Чехословацкого корпуса в Гражданской войне в России. В этом – большая заслуга самих участников событий Первой мировой и Гражданской войн как с одной, так и с другой стороны¹. Стоит отметить, что большей частью их труды были пронизаны глубоким субъективизмом и носили идеологический характер. При этом большинство авторов стремилось к разоблачению теорий противоположной стороны и их преступной деятельности или к доказательству своей правоты в совершении того или иного действия. К числу исследователей, отстаивающих советскую историческую позицию по отношению к «вооруженному мятежу Чехословацкого корпуса», как заранее разработанному страна-

¹ См.: Валеховский Ф. Чехословаки в России. Екатеринбург, 1918; Зиновьев Г.Е. Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс. М., 1927; Ильин Н. Чехословаки: (Самостоятельное чешское государство. Чехия под властью Австрии. Чешский народ в период Европейской войны.). Уфа, 1918; Каржанский Н. Чехо-словаки в России. М., 1918; Holeček. Naše vojsko. Irkutsk, 1919. S. 58 – 59; Подшивалов И. Гражданская война на Урале (1917 – 1918 гг.). М., 1925.

ми Антанты и направленному прежде всего на удушение молодой Советской Республики. Работы сторонников этой позиции также делятся на две подгруппы. К первой автор диссертации относит те из них, которые не отличались исследовательской направленностью и носили пропагандистский характер. А собранные в них факты, как правило, не подвергались обобщению и теоретическому анализу в связи с узостью источниковой базы, недоступностью многих архивных документов¹. Ко второй исследователь относит труды тех авторов, которые создают более углубленные по своему содержанию работы, опирающиеся на архивные материалы, которыми они доказывают выдвинутую ими гипотезу². Эти работы принадлежат, как правило, второй половине 20-х – середине 40-х гг.

Среди зарубежных издателей рассматриваемого периода автор выделяет три подгруппы. К первой он относит сторонников научной позиции советских исследователей³. В другую включает зарубежных исследователей, придерживающихся той точки зрения, что чехословацкое выступление было закономерным явлением и несло в себе рациональное зерно, так как было на-

¹ См.: Левидов М. К. История союзной интервенции в России. Л., 1925; Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири: Сб. документов. М., 1926; Парфенов П.С. Гражданская война в Сибири 1918–1920. М., 1925.

² См.: Гуговский А.И. Ликвидация Пермской катастрофы (И.В. Сталин и Ф.Э. Дзержинский на Восточном фронте (1918 – 1919 гг.) М., 1939; Какурин Н. Е. Восстание чехо-словаков и борьба с Колчаком. М. – Л., 1928; Он же. Как сражалась революция. М. – Л., 1925. Т. 1; Парфенов П.С. Гражданская война в Сибири 1918-1920. М., 1925; Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. Куйбышев, 1932; Софинов П. Чехословацкий мятеж. // Исторический журнал. № 12, 1940; Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940; Цыпкин С., Шурыгин А., Булыгин С. Октябрьская революция и Гражданская война на Дальнем Востоке. М. – Хабаровск, 1933; Филиппов Н.С. Поезд смерти. Куйбышев, 1940.

³ См.: Каржанский Н. Чехословаки в России. М., 1918; Шмераль Б. Чехословаки и эсеры. М., 1922.

правлено против пособников германизма и отступников от демократии¹. К третьей группе исследователей автор отнес тех, кто не разделяют взглядов советских ученых и одновременно не пытаются представить чехословаков чуть ли не спасителями России, а, наоборот, показывают враждебность и негодуют по поводу того, что делали легионеры².

Ко второй группе публикаций автор диссертации относит работы, относящиеся ко второй половине 40-х – середине 80-х гг. В этот период, как считает диссертант, было положено начало преодолению догматических подходов в исторической науке. В связи с образованием во второй половине 40-х гг. Чехословацкой Социалистической Республики у советских ученых появилась возможность использовать материалы зарубежных архивов³. Создан был целый ряд работ (середина 60-х – вторая половина 70-х г.), отличающихся хотя и фрагментальным освещением проблемы участия Чехословацкого корпуса в Гражданской войне, но содержащих в себе очень глубокий

¹ См.: Голечек В. Чехословацкое войско в России. Иркутск, 1919; Крахвил Я. Путь революции. Прага, 1922; Janin M. Moje účasť na československém boji za svobodu. Praha (без даты). S. 131 – 132; Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России (1914 – 1920). Париж – Прага, 1928; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири: В 3-х ч. Белград, 1930.

² См.: Сахаров К.В. Белая Сибирь: внутренняя война (1918 – 1920 гг.) Мюнхен, 1923.; Он же. Чешские легионы в Сибири (чешское предательство). Берлин, 1930.

³ См.: Вендрих Г.А. Декабрьско – январские бои 1919 – 1920 гг. в Иркутске. Иркутск, 1957; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983; Наумов В.П. К историографии белочешского мятежа в 1918 г. // Ученые записки. М., 1958. Вып. 40; Минц И.И. Год 1918-й. М., 1982; Панкратов Н.Р. Разработка В.И. Лениным военной программы пролетарской революции. М., 1980; Попов Е.И. Политика США на Дальнем Востоке (1918 – 1922). М., 1967.

содержательный материал по отдельным вопросам¹. Особенно диссертанту хотелось бы отметить труды, посвященные проблеме взаимодействия на различных этапах Гражданской войны командования Чехословацкого корпуса и эсеро-меньшевистских партий. В них ученые попытались установить точки соприкосновения, общее и разное в их политике². Наиболее полным и комплексным исследованием этого периода, связанным с историей формирования и участием Чехословацкого корпуса в Гражданской войне в России, автор считает труды А.Х. Клеванского³. В них использован большой объем материалов как отечественных архивов, так и зарубежных.

К третьей группе научных исследований автор относит работы периода второй половины 80-х гг. по настоящее время. Особенности их содержания обусловлены изменением общеполитической обстановки в стране. Снятие

¹ См.: Абрамовский А.П., Машин М.Д. Героическая борьба трудящихся Южного Урала весной и летом 1918 г. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1971; Голуб П. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов. Киев, 1958; Зыков Е. М. Образование Чехословацкой группы РКП (б) и ее деятельность в России по интернациональному сплочению и мобилизации трудящихся чехословаков на защиту Советской Республики (1918 – 1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1964; Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918 – 1920 гг.). Владивосток, 1972; Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918 – 1919 гг.). Саратов, 1974; Сташевский Т.П. Подрывная деятельность дипломатов и разведок держав Антанты на территории Советской Республики в 1918 г. (заговор Локкарта): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

² См.: Гармиза В.В. Крах эсеровских правительств. М., 1970; Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975; Попов Е.И. Заговор Политцентра // Политика США на Дальнем Востоке (1918 – 1922 гг.). М., 1967; Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России. М., 1968; Шишкин В.И. Сибирские эсеры и колчаковщина (конец 1918 – начало 1920 г.) // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и учениями. М., 1983.

³ См.: Клеванский А.Х. Классовая борьба чехословацкого пролетариата в годы послевоенного революционного подъема (1918 – 1920 гг.): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1958 г.; Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и военные формирования в России 1914 – 1921 гг. М., 1965; Некоторые проблемы истории военнопленных и интернационального движения. М., 1967.

секретности с большого количества архивных документов и материалов, упрощенный доступ к ним, создание в исторической науке обстановки терпимости к различным оценкам и точкам зрения на происходившие события и явления в отечественной истории позволили исторической науке выйти на новый рубеж в изучении истории Чехословацкого корпуса в России. Эта проблема частично нашла свое отражение в ряде монографий, книг, научных статей¹, защищенных диссертаций².

¹ См.: Левчук А.П. Еще раз о «проданном корпусе»: (К вопросу о возникновении чехословацкого мятежа) // В кн.: Из истории революций в России: первая четверть XX в.: Вып. 2. Томск, 1996; Новиков П.А. Части чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май – август 1918 г.) // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2000. № 8; Плотникова М.Е. Колчак и эсеровская оппозиция // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3; Поршнева О.С. Война и мир? Идейная борьба вокруг Брестского мира в ноябре 1917 – марте 1917 г.: (На материалах Урала) // Урал в событиях 1917 – 1921 гг.: Актуальные проблемы изучения. (К 80-летию прекращения действий на Урале. Материалы регионального научного семинара 24 – 25 апреля 1999 г.). Челябинск, 1999; Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902 – 1924 гг. Иркутск, 1994; Сидоров А.Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917 – 1922 гг.) М., 1998; Солнцева С.А. Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) // Вопросы истории. 2000. № 4; Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000.

² См.: Волков Е.В. Офицерский корпус вооруженных сил адмирала А.В. Колчака: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2000; Воронов В.Н. Вооруженные формирования на территории Сибири в период Гражданской войны и военной интервенции 1917 – 1922 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999; Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики в общественно-политической жизни Сибири 1919 – 1924 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995; Казанчиев А.Д. Уфимская директория 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1995; Каревский А.И. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима – осень 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; Константинов С.И. Деятельность коммунистической партии по созданию и укреплению Восточного фронта в годы военной интервенции и Гражданской войны (1918 – 1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; Он же. Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны: Дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1998; Тымчик В.И. Гражданская война и иностранная военная интервенция на Востоке России (1918 – 1922 гг.): проблема информативности источников: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995; Струк Е.Н. Ис-

Таким образом, историографический анализ позволяет сделать вывод о том, что историческая наука на сегодняшний день не располагает самостоятельным научным комплексным исследованием проблемы формирования и участия Чехословацкого корпуса в России.

В качестве объекта исследования диссертантом избран Чехословацкий корпус в период его пребывания в России в 1914 – 1920 гг.

Предметом исследования является участие Чехословацкого корпуса в событиях Первой мировой и Гражданской войн в России.

Хронологические рамки исследования охватывают шестилетний период от начала формирования корпуса в 1914 г. и до его эвакуации с территории России в 1920 г.

Избранные хронологические рамки, по мнению диссертанта, позволяют комплексно рассмотреть процесс формирования и участия Чехословацкого корпуса в событиях Первой мировой и Гражданской войн в России, обстоятельно осветить ту борьбу, которую вели за влияние на него противоборствующие политические силы в указанный период.

Учитывая актуальность темы и одновременно ее слабую разработанность в исторической науке, диссертант поставил перед собой следующую цель: на основе изучения разнообразного, в основном впервые вводимого в научный оборот материала комплексно исследовать деятельность Чехословацкого корпуса в России в 1914–1920 гг. и ее дать целостную картину.

Исходя из указанной цели, автор поставил перед собой следующие задачи:

тория формирования оппозиции правых эсеров режиму Колчака А.В. в Восточной Сибири: Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000; Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия. Май – декабрь 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000; Рынков В.М. Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири, вторая половина 1918 – 1919 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998; Медведев В.Г. Белое движение в Среднем Поволжье в мае 1918 – 1919 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 1995.

- раскрыть процесс формирования Чехословацкого корпуса, его место и роль в Первой мировой и Гражданской войнах в России;

- проанализировать участие сил корпуса в осуществлении политических и военных замыслов, которые имели основные противоборствующие силы на территории России – органы Советской власти, антибольшевистские режимы, интервенты, либо в противодействии таким замыслам;

- сделать обобщенные выводы и сформулировать практические рекомендации, вытекающие из исследования, расширить научную аргументацию, устранить имеющиеся в литературе неточности, сознательные или невольные искажения в освещении темы.

Источниковую базу диссертации составили главным образом документы и материалы, изученные в архивах и библиотеках страны. Это прежде всего: приказы и распоряжения членов имперского правительства и представителей военного командования России; указы советского российского правительства, документы высшего политического и военного руководства Советской России, подчиненных им органов; указы и распоряжения правительств Поволжья, Урала, Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, документальный материал Белого и повстанческого движений периода Гражданской войны и военной интервенции, документы иностранных государств, имевших отношение к Гражданской войне и военной интервенции как в России, так и в восточных ее регионах; периодическая печать противоборствующих сторон и зарубежья (она, как правило, глубоко политизирована, не всегда убедительна. Однако именно периодика позволила автору более зримо представить позиции сторон в происходивших событиях); литература, хранящаяся в отечественных центральных и региональных библиотеках (многие источники, вводимые в оборот, были ранее неизвестны или малоизвестны); архивные материалы, которые существенно расширили информативную базу и конкретизировали фактологические и оценочные сведения исследования.

Количество источников, ставших предметом исследования, достигло около 250. Среди них различные научные и специально-литературные и исторические источники по исследуемой проблеме. Автор выборочно изучил около 15 докторских и кандидатских диссертаций, а также современную периодику и пользование современными информационными системами.

Немаловажную роль в исследовании темы сыграла военно-историческая научная и специальная литература, военно-теоретические труды, монографии и статьи ученых, в той или иной степени затрагивающие проблемы данной диссертации. Большую помощь диссертанту оказали воспоминания активных участников вооруженной борьбы в восточных регионах рассматриваемого исторического периода. При всей субъективности воспоминаний эти источники позволяют шире охватить исследуемую проблему, конкретнее представить ее многогранность, а также оценить степень ее разработанности в отечественной исторической науке. Кроме того, соискатель исследовал и имеющуюся художественную литературу, в которой в той или иной мере отражены действия Чехословацкого корпуса.

Необходимо выделить работы русского зарубежья, которые образуют собой специфическое направление в отечественной историографии.

Исходя из анализа рассмотренных источников диссертационного исследования, автор выделил среди них несколько групп.

Первая группа источников включает в себя законодательные акты о прохождении службы иностранными подданными, проживающими в России в период Первой мировой войны. Они опубликованы в полном собрании законов (ПСЗ), Своде военных постановлений (СВП), в отдельных сборниках документов военного ведомства. Особый интерес вызывает ведомственная переписка, включающая в себя донесения, служебные телеграммы, запросы и отчеты.

Автором изучены и проанализированы документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва), Российском

государственном военно-историческом архиве Российской Федерации (РГВИА, г. Москва), в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), в Российском государственном военном архиве (ГАРВ г. Москва), Российской государственной библиотеке, Государственной исторической библиотеке. В диссертации непосредственно использованы материалы 30 фондов центральных архивов, 5 дальневосточных архивов: Приморского (ГАПК), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Амурского (ГААО), Архивного отделения администрации г. Уссурийска РГИА ДВ (АОАГУ РГАИ ДВ)

Большое количество материалов, дающих объективное представление о затронутой диссертантом проблеме Чехословацкого корпуса, находится прежде всего в таких архивах, как РГВИА, РГВА, ГАРФ. Наиболее активно автором диссертации был изучен фонд № 2003 – «Штаб Верховного главнокомандующего. (Ставка)» Российского государственного военно-исторического архива, где был рассмотрен материал о формировании Чехословацкого корпуса в годы Первой мировой войны. В Государственном архиве Российской Федерации значительный материал по теме диссертационного исследования сосредоточен в фонде № 130 – «СНК РСФСР – Совет Министров РСФСР. 1917 – 1991 гг.». В этом фонде ценность представляют: документы, связанные с положением на Восточном фронте; переписка Народного комиссариата по военным делам с местными советами о положении дел; материалы о контрреволюционном выступлении в Сибири и на Дальнем Востоке Чехословацкого корпуса, действиях военных интервентов.

Вторую группу источников составляют многочисленные дневники, мемуары, записки видных деятелей партий большевиков и правых эсеров. Наиболее полно они представлены в творческом наследии видных политических

деятелей противоборствующих сторон в России и зарубежья¹, военачальников, офицеров и генералов русской армии начала XX в. и командиров и начальников Красной Армии. Так, материалы, содержащиеся в работах бывших военных, участвовавших в боевых действиях на стороне Белой Армии генералов К.В. Сахарова и А. Будберга², однозначно указывают часто на предательство командования Чехословацкого корпуса осенью 1919 г. того дела, которому они были верны летом 1918 г. Другие представители данной группы стоят на позициях защиты интересов командования Чехословацкого корпуса. Это относится прежде всего к политикам, эмигрировавшим в Чехословакию из России. К примеру, работы А.А. Аргунова, В.С. Драгомирецкого³.

Третья группа – периодическая печать. Анализируя материалы, изданные в газетах, журналах, альманахах разных лет представителями различных политических сил, можно окунуться в атмосферу реальных событий тех лет, почерпнуть фактические сведения для доказательства тех или иных предпо-

¹ См.: Бенеш Э. Речи и статьи: Вып. 1 Прага, 1925; Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное Собрание. Париж, 1932; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Харбин, 1921. Т. 1 ч. 1; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак: поворотный момент русской истории. 1918 – 1920 гг.: Впечатления и мысли члена Омского правительства. Пекин, 1921. Т.2; Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918 – 1920 гг.) М., 1932; Klecanda V. Bitva u Zborova. Praga, 1927. 157 s; Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М. – Пг., 1923; Масарик Т.Г. Мировая революция: Воспоминания: В 2-х т. Прага, 1926 – 1927; Он же. Cesta demokracie. I. Praha, 1933. 193 s.

Ольгин И. Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак. Харьков, 1919; Рябиков В.В. Центросибирь. Новосибирск, 1949; Садуль Ж. Записки о большевистской революции 1917 – 1919. М., 1990; Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири: 1918 – 1922. М. – Пг., 1923; Чехо-словаки в Самаре. М., 1918.

² См.: Будберг А. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея). Л., 1929; Гай Г.Д. Борьба с чехословаками на Средней Волге. М., 1931; Сахаров К.В. Белая Сибирь: внутренняя война (1918 – 1920 гг.) Мюнхен, 1923; Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж – Берлин, 1921 1926; Подвойский Н.И. Правда о чехословаках. М., 1918; Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири (чешское предательство). Берлин, 1930.

³ См.: Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919; Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России (1914 – 1920). Париж – Прага, 1928.

ложений. Наибольший интерес у исследователя вызвали следующие периодические издания: чехословацкая газета «Ческословенски денник»; газеты и журналы советского периода «Известия ВЦИК», «Симбирское слово», «Отечественная история», «Исторический журнал»; современные журналы «Родина», «Белая армия. Белое дело».

Четвертая группа объединяет в себе сборники документов, справочники, обзоры и другие издания, которые оказали существенную помощь в раскрытии исследуемой проблемы.

При работе над диссертацией также использовались труды советских и российских историков, которые в той или иной степени относятся к исследуемой теме. В их числе докторские и кандидатские диссертации, авторефераты, монографии и статьи, которые автор уже называл.

Проведенный историографический и источниковедческий анализ показал, что история Чехословацкого корпуса в России не получила отражения в исторической науке с должной полнотой и целостностью и потребовала самостоятельного исследования.

Теоретико-методологические основы исследования. Автор опирался на диалектико-материалистическую теорию познания, изложенную в трудах ряда видных представителей отечественной и мировой науки.

Исследование проблемы осуществлялось, исходя из принципов исторической науки – историзма и объективности.

Рассматривая методологию как систему методов и определенных подходов к изучению данной научной проблемы, диссертант опирался на следующие методы: общенаучные – логический и исторический, специально-исторические – периодизации, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, а также на специальный метод сопоставления исторических документов.

С помощью названных методов автор выполнил следующую работу: выявил основные направления развития исторического процесса, связанного

с ролью государственных органов власти и общественных объединений по влиянию на деятельность Чехословацкого корпуса; проследил хронологическую последовательность образования чехословацкого легиона в России; установил особенности его функционирования, организационное строение, численность и социальный состав, материальные ресурсы и истоки их пополнений, противоречия и деформации в этом процессе; сгруппировал источники и литературу по предмету диссертации, проанализировал всесторонность и глубину разработанности темы другими исследователями; сформулировал результаты, основу которых составил анализ и синтез обширного фактического материала; проследил связь истории и современности.

Принципы, методы и подходы, которыми руководствовался автор, отражают стратегию исследования, которую можно представить в виде принципиальных положений, составляющих общую концепцию диссертации:

1. Формирование иностранных военных формирований несло в себе множество скрытых неожиданностей для будущего Российского государства. Данное обстоятельство требовало от властей глубокого изучения этой проблемы и тщательного прогнозирования развития событий с участием хорошо организованных и боеспособных частей иностранных войск.

2. Экономическая и социально-политическая ситуация в России в период Гражданской войны и военной интервенции повлияла на развитие молодого Советского государства.

3. На содержание и основные направления действий Чехословацкого корпуса на территории России оказали как внутренние, так и внешние факторы.

4. Деятельность Чехословацкого корпуса в период Гражданской войны и военной интервенции в Сибири – процесс глубоко противоречивый, неразрывно связанный не только с деятельностью государственной власти, но и с жизнью и интересами русского, чешского и словацкого народов.

5. Детальный анализ существования Чехословацкого корпуса на территории Сибири в годы Гражданской войны и военной интервенции дает возможность получить урок для настоящего и будущего нашего государства.

Научная новизна исследования состоит в следующем. Во-первых, на базе основополагающих принципов исторической науки всесторонне и комплексно изучена крупная и самостоятельная проблема – формирование Чехословацкого корпуса и его участие в вооруженной борьбе в России в период Гражданской войны и военной интервенции.

Во-вторых, на основе вновь вовлеченных в научный оборот документов и материалов рассмотрены различные аспекты формирования и участия Чехословацкого корпуса в событиях периода Первой мировой и Гражданской войн в России, выявлены основные тенденции, характерные черты и результаты этого процесса.

В-третьих, впервые показана роль Чехословацкого корпуса в борьбе за власть в России противостоявших друг другу политических сил.

В-четвертых, выявлен круг исторических персоналий и в необходимой степени охарактеризована их деятельность, которая была непосредственно связана с формированием и действиями Чехословацкого корпуса в 1914 – 1920 гг.

В-пятых, сформулированы теоретические выводы и научно-практические рекомендации, которые, на взгляд диссертанта, могут быть использованы в ходе строительства Вооруженных Сил Российской Федерации.

На защиту выносятся:

1. Результаты комплексного научного исследования процесса формирования Чехословацкого корпуса и его участия в вооруженной борьбе в России в период Первой мировой и Гражданской войн и военной интервенции.

2. Авторские суждения и оценки по проблемам, связанным с участием Чехословацкого корпуса в борьбе различных политических сил за власть в России и носящим дискуссионный характер.

3. Сформулированные диссертантом теоретические выводы, практические рекомендации и предложения, сделанные на основе анализа проблемы.

Практическая значимость диссертации обусловлена главным образом реальным приращением исторических знаний по вопросам создания чехословацких вооруженных формирований и их роли в вооруженной борьбе в период Гражданской войны и военной интервенции в России, которые могут быть использованы профессорско-преподавательским составом кафедр, преподающих отечественную историю.

Критический анализ общественно-политической и боевой деятельности Чехословацкого корпуса позволяет представителям дипломатического корпуса нашего государства использовать накопленный им опыт как для улучшения межнациональных отношений в целом, так и в практике совместных действий русского, словацкого и чешского народов.

Материалы диссертации, сделанные в ней обобщения и выводы вносят определенный вклад в изучение деятельности политических партий и общественных движений России взаимодействию с командованием Чехословацкого корпуса в 1917 – 1920 гг. и позволяют давать углубленные знания по политологическим дисциплинам в вузах.

Обобщенные материалы исследования могут использоваться для написания преподавателями истории учебных пособий по истории Гражданской войны и военной интервенции в Поволжье, на Урале, в Сибири, Забайкалье, Дальнем Востоке и в России в целом.

Содержание диссертации может оказать и значительную помощь профессорско-преподавательскому составу, слушателям и курсантам военных учебных заведений при изучении истории формирования и деятельности Чехословацкого корпуса на территории России в 1914 – 1920 гг.

Апробация результатов исследования. Основные идеи и теоретические положения диссертации апробированы и получили положительную оценку

на заседаниях кафедры, а некоторые из них нашли отражение в виде сообщений на научно-практических конференциях и в ходе проведения различных форм занятий с курсантами и слушателями Военного университета.

По теме диссертации имеются две публикации общим объемом 6,4 печатных листа.

РАЗДЕЛ I. Чехословацкие военные формирования в годы Первой мировой войны

Формальной точкой отсчета в создании чехословацких военных формирований стало начало Первой мировой войны¹. К этому времени в царской России проживало около ста тысяч чехов и словаков. Основная их масса обосновалась на Волыни, небольшие колонии были на Кавказе, а также в Петербурге, Москве, Киеве и Варшаве. Колонистам чехам и словакам была предоставлена возможность свободного выбора занятий, поэтому многие добились значительных успехов и жили весьма зажиточно. Например, в Киеве, где находилась наиболее многочисленная диаспора чехословаков, насчитывалось немало фабрикантов, крупных торговцев, пивоваров, булочников и т.д. Многие из чехословаков обрусели. В России издавалась чехословацкая газета, работали национальные школы, общественные организации². Условия проживания в царской России были приемлемы для чехословаков, и они безоговорочно поддерживали существовавшую власть.

Но отношение к ним могло коренным образом измениться после вступления России в Первую мировую войну против стран Тройственного союза, в который входила и Австро-Венгерская империя, включавшая в то время историческую родину Чехии и Словакии. Если чехи и словаки, бывшие подданными Россий-

¹ Первая мировая война (19 июля (1 августа) 1914 г. – 11 ноября 1918 г.) стала результатом основных противоречий между крупнейшими капиталистическими странами, их борьбы за распределение колоний и «сфер влияния» в конце XIX – начале XX века.

1 августа в нее вступили Россия и Германия, 4 августа – Великобритания, 6 августа – Франция. В последующем в войну вступили на стороне Антанты: 23 августа 1914 г. – Япония; 23 мая 1915 г. – Италия; 27 августа 1916 г. – Румыния; 6 апреля 1917 г. – США; 30 июня 1917 г. – Греция и другие. На стороне Германии: 29 октября 1914 г. – Турция; 11 октября 1915 г. – Болгария. В войне участвовало 38 государств с населением 1,5 млрд. чел. – 3/4 тогдашнего населения Земли. За время войны в армии воюющих стран было мобилизовано почти 74 млн. чел.

² См.: Веселы И. Чехи и словаки в революционной России 1917 – 1920 гг. М., 1965. С. 19.

ской империи и поддерживавшие личные связи с различными политическими организациями, редакциями газет, торговыми, финансовыми и промышленными учреждениями в Австро-Венгрии, вызывали у русских властей подозрение в возможной нелояльности, то подданные Австро-Венгрии, временно или постоянно жившие в России, по законам военного времени подлежали интернированию, высылке в отдаленные губернии или даже заключению в лагеря¹. Такова была обычная практика для всех воюющих государств.

Но не только угроза секвестра или конфискации имущества заставила чешскую диаспору публично заявить об особой лояльности к российскому престолу и подтолкнула к решительным политическим шагам. Важнейшим фактором было сознание славянского единства трех народов – русских, чехов и словаков.

По словам чешского историка Ф. Штейдлера, занимавшегося проблемами национального освободительного движения, чехи в России пробудились политически, когда к ним долетели слова царского манифеста о борьбе славянства с германизмом, и в связи с этим славянское сознание и русофильские тенденции ожили повсеместно². Не удивительно поэтому, что те, кто вначале вывешивали траурные флаги и публично выражали горе по поводу убийства наследника австро-венгерского престола, теперь заговорили о желании выступить с оружием в руках против «Габсбургов – извечных врагов славянства».

Начавшаяся война вселила в чехов и словаков надежды на получение независимости от Австро-Венгрии. В конце июля 1914 г. в южных районах России прошли большие манифестации в поддержку движения, направленного на получение Чехией независимости при непосредственной поддержке царской России. Подобные манифестации прошли также в Петрограде, Москве, Одессе и других городах. Одновременно многие из чехов и словаков отказывались от

¹ АВП РИ, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 83, л. 88.

² См.: Драгомیرهцкий В.С. Чехословаки в России 1914 – 1920 гг. Париж – Прага, 1928. С.12.

подданства Габсбургам и переходили в русское подданство, принимали православие.

Виднейшие представители диаспоры, будучи на приеме у Николая II 20 августа 1914 г., в доказательство своей преданности вручили царю письмо, в котором говорилось: «Великий Государь! Чехи всегда были сторонниками славянского единения... Близится долгожданный час – час освобождения чешских земель... Дело освобождения славян, начатое светлой памяти Вашим дедом, довели до конца Вы, Великодержавный Государь, – освободитель Червонной Руси и всего западного славянства... Да засияет свободная, независимая корона Святого Вацлава в лучах короны Романовых!»¹ Тем самым представители чехов, проживавших в России, давали понять, что они надеются в случае разгрома Австро-Венгрии создать из чешских земель зависимое от царской России королевство с представителем дома Романовых на троне.

Одновременно с этим Российские военные власти, давая согласие на формирование особых чешских подразделений, преследовали, прежде всего, политические цели. В связи с этим 14 августа 1914 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего начальнику штаба Юго-Западного фронта писал: «Формирование означенных частей производится главным образом из политических соображений, имея ввиду, что при действиях наших войск в пределах Австрии части разобьются на отдельные партии, дабы стать во главе чешского движения против Австрии»².

Проведенное автором исследование показало, что решение о создании органа, объединяющего все чешские и словацкие общества в России, было принято на съезде представителей чешских общин Петербурга, Москвы, Киева и Варшавы, состоявшемся с 10 по 18 сентября 1914 г. в Петербурге. Причем если первоначально предполагалось создать будущий руководящий центр под названием «Совет чехов в России», то после «консультации» с правительственными органами он получил название «Союз чешских (в дальнейшем чехосло-

¹ Цит. по: Веселы И. Чехи и словаки в революционной России.... С. 20.

² РГВИА, ф. 4067, оп. 1, д. 2985, л. 4.

вацких) обществ в России». И уже в декабре 1914 г. министерство внутренних дел утвердило устав Союза. В соответствии с принятым уставом основными задачами союза стали: объединение всех проживающих в России чехов и словаков для развития «национального сознания, любви и преданности» славянству и России – его защитнице; создание чешской дружины добровольцев, выступавшей на стороне русской армии; сбор денежных средств в пользу жертв войны, вдов, сирот и калек-воинов, сражавшихся в русской армии. После окончания войны Союз ставил своей задачей «содействие культурному и экономическому развитию и объединению всех славян»¹.

Диссертант полагает необходимым обратить особое внимание на решении о поддержке организации военной дружины в строю русской императорской армии. Тем более что создание первого национального военного формирования, получившего название «чешская дружина», в составе русской армии из числа чехословацких колонистов было санкционировано еще в конце июля 1914 г. Советом министров Российской империи.

Первый съезд Союза чехословацких общества состоялся 22 – 26 февраля 1915 г. в Москве². Он принял решение о создании чехословацкого войска и политическую декларацию, сформулированную в духе предшествующих программных документов. «Самостоятельное Чехословацкое государство, – говорилось в ней, – во главе которого должен стать король славянский, может удержаться лишь в полном единстве со всем славянским миром, особенно же с Россией, своей великой заступницей»³. На съезде местонахождением правления Союза был избран Петроград; военной комиссии – Киев и ревизионной – Москва. В соответствии с этим и сами руководящие органы были составлены из лиц, проживавших постоянно в этих городах. Председателем правления Союза стал Б.Чермак, товарищем председателя – Я. Моравец, секретарем – И. Клецанда и

¹ АВП РИ, ф. Особый политический отдел, оп. 474, д. 222, л. 2.

² См.: Kudela J. Přehled vývoje čsl. Revolučního vojska na Rusi. Praha, 1923. S. 347; Масарик Т.Г. Мировая революция... С.60.

³ Za svobodu. Obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi 1914 – 1920. Praha, 1926: D. I. S. 109.

членами – А. Вельц и Ф. Рейф¹. Военную комиссию возглавили В. Вондрак и Л. Тучек².

Как показали дальнейшие события, чехословаки, создавая воинское формирование, имели в виду не только помощь императорской армии людскими ресурсами, а, по мнению первого генерал – квартирмейстера Ставки верховного главнокомандующего И.П. Романовского, изложенного в докладе военному министру, они хотели заложить в пределах России основу будущей национальной армии, которая своей боевой деятельностью на фронтах войны в составе русской армии приобретет авторитет и мировое признание их самоотверженной деятельности по «низвержению немецко-мадьярского деспотизма в целях восстановления свободной Чехии»³.

9 октября 1914 г. «чешская дружина» в количестве 701 добровольца была направлена из Киева в распоряжение Командующего 3-й армией генерала Радко Дмитриева, расположенной в Западной Галиции и ведущей боевые действия против Австро-Венгерской армии. Дружину повзводно распределили между пятью дивизиями для несения разведывательной службы. В дальнейшем, когда армии генерала Р. Дмитриева пришлось вести бои против частей германской армии, чешские подразделения были переданы 7, 8 и 11-й армиям, против которых действовали австро-венгерские войска.

Анализ документов и материалов показал, что команды чешских дружинников выполняли задания разведывательного характера на передовых позициях, и в тылу противника, одновременно несли службу связи, охраны штабов, сопровождали в тыл пленных, помогали при реквизициях продуктов, ловили дезертиров, участвовали в обысках и облавах, то есть использовались для несения полицейской службы⁴.

В то же время, как установил диссертант, на начальном этапе приток добровольцев в ряды «чешской дружины» был незначительным. Тем более, что

¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 545, л. 63.

² АВП РИ, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 93, л. 121.

³ Каржанский Н. Чехо-словаки в России. М., 1918. С. 8 – 9.

⁴ *Za svobodu*. Praha, 1926: D. I. S. 38.

инициаторы вначале не помышляли о создании крупных воинских частей¹, считывая исключительно на чехов и словаков – австрийских подданных, так как русские поданные несли воинскую повинность в обычном порядке. Так к началу 1915 г. она насчитывала не более 1000 человек, и за весь этот год в неё влились лишь 1200 человек. Потери к концу года составили 41 человек убитыми, 95 ранеными и 25 без вести пропавшими.

Все же в декабре 1915 г. было признано необходимым преобразовать «дружину» в стрелковый полк имени Яна Гуса численностью немногим более 2000 человек. Полк состоял из 8 пехотных рот, а также из одной пулеметной, одной резервной, одной нестроевой рот и оркестра². В рядах полка начинали службу будущие лидеры чехословацкого выступления в 1918 году в России, а впоследствии видные политические деятели Чехословацкой Республики: поручики Я. Сыровы, С. Чечек, капитан Р. Гайда.

Заметный численный рост чехословацкого военного формирования начался в 1916 г. Диссертант полагает, что это напрямую связано с расширением кадровой базы вследствие увеличения численности солдат и офицеров австро-венгерской армии, попавших или сдавшихся в плен.

Как установил автор уже в конце 1914 г. в ответ на просьбу военной комиссии о зачислении в дружину добровольцев из числа военнопленных, было разрешено набирать их, но лишь непосредственно в прифронтовой полосе и при условии ручательства за их политическую благонадежность³.

¹ В предписании штаба Киевского военного округа о формировании чешской дружины от 20 августа 1914 г. указывалось: «В настоящее время предполагается, что добровольцев явится около 540 человек и потому проектируется сформировать дружину двухротного состава» (Е. Mařin Česká Družina. Praha, 1922, S. 103.)

² См.: Веселы И. Чехи и словаки в революционной России ... С. 22.

³ Этот шаг военной комиссии был обусловлен тем, что уже в конце 1914 г. слабый приток добровольцев из числа чехов и словаков австро-венгерских подданных совершенно иссяк. Поэтому Л. Тучек, помощник командира чешской дружины, сначала просил начальника штаба Верховного главнокомандующего посылать в дружину не только чехов и словаков – австрийских подданных, но и русских подданных, попавших в другие части, а вслед за этим во-

На сторону русских добровольно переходили целые подразделения и части с полным снаряжением. Еще в октябре 1914 г. в Галиции в боях на реке Сан сдались в плен шесть чешских пехотных рот, в апреле 1915 г. во время боев в Карпатах в полном составе перешли два батальона 28-го Пражского пехотного полка, а в дальнейшем сдалось значительное число солдат и офицеров 18-го, 21-го, 36-го и 98-го полков¹. Во многом этому способствовала пропагандистская деятельность чехословацких добровольцев среди военнослужащих австро-германской армии.

Вместе с тем, как считает диссертант говорить о всеобщей добровольности при вступлении в ряды национальных формирований, предназначенных для ведения боевых действий на стороне русской армии, нельзя. Те, кто сдавались в плен потому, что интересы войны им были чужды, естественно, не хотели снова идти на фронт. Поэтому требовалась большая разъяснительная работа. До начала февраля 1916 г., как свидетельствует рапорт представителей Союза чехословацких обществ в России Л. Тучека и З. Реймана начальнику штаба Верховного главнокомандующего, поступило лишь 300 заявлений от военнопленных, изъявивших желание вступить в чехословацкий стрелковый полк².

В то же время положение чехословацких военнопленных было самое незавидное. Их, как дешевую рабочую силу, жестоко эксплуатировали, не считаясь с их потребностями. Им приходилось выполнять тяжелые сельскохозяйственные работы, строить железные и шоссейные дороги, строить оборонительные сооружения. Чешские промышленники также не гнушались применять труд соотечественников на своих предприятиях. Стремление предпринимателей получить максимальную выгоду от использования труда военнопленных на своих предприятиях стало одной из причин медленного набора добровольцев в

енная комиссия начинает привлекать и военнопленных. Однако и среди них нашлось не много добровольцев. С 15 декабря 1914 г. до 1 февраля 1915 г. желание поступить в дружину высказали лишь 248 военнопленных (РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 324, л. 24; ф. 2067, оп. 1, д. 2985, л. 61).

¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 544, л. 48 – 51.

² Там же, д. 324, л. 238.

ряды чехословацких формирований. Да и русские промышленники и крупные землевладельцы, испытывающие в период войны острую нужду в рабочих руках всячески противились широкому привлечению военнопленных чехов и словаков в воинские части¹.

Другой важнейшей причиной, тормозившей расширение чехословацких воинских формирований, являлось противодействие русских правящих кругов. Правительство России в первые годы войны не испытывало острой нужды в людских резервах для армии. С точки зрения внутривосточной создание крупных чехословацких национальных формирований было бы «дурным примером» для других народов России. Кроме того широкое участие чехословацких частей в военных действиях могло вынудить имперское правительство более серьезно считаться с требованиями чехословацких политиков и создавало широкие возможности для закулисных политических интриг западных союзников России.

Чтобы проверить военнопленных чехов и словаков и в массовом порядке допустить их в боевые порядки русской армии, военно-политическому руководству России требовалось время. Наиболее важным аргументом в пользу такого решения оказались факты массовой сдачи в плен австрийских военнослужащих чешской и словацкой национальности.

К концу марта 1916 г. на фронте действовали уже два полка, которые в мае были сведены в бригаду. К декабрю она насчитывала в своем составе 5750 человек (3250 – в первом полку и 2500 – во втором), которые в большинстве были военнопленными².

Первому полку бригады было присвоено имя Святого Вацлава, а второй был назван именем святых Кирилла и Мефодия. Уже названия полков указыва-

¹ Во второй половине 1916 г., количество занятых на различных работах военнопленных достигает миллиона, а к концу 1916 г. и в первой половине 1917 г. превышает 1,5 млн. человек. (РГВИА, ф. 13554, оп. 3, д. 575, л. 1 – 4; ф. 2003, оп. 2, л. 550, л. 17, 58; АВП РИ, ф. Дипломатическая канцелярия, оп. 617, д. 86, л. 29).

² См.: Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914 – 1920 гг. С. 25.

ли на атмосферу, в которой рождалась «чешская дружина», – атмосферу борьбы за национальное освобождение чешского народа.

Диссертанту представляется важным раскрыть юридический статус, которым обладала «Чешская дружина» с начала формирования до реорганизации ее в бригаду. Вербовали добровольцев в лагерях военнопленных специальные уполномоченные Союза чехословацких обществ в России. Основным условием зачисления в дружину был переход в российское подданство. Многие дружинники принимали православное вероисповедание.

Сначала «чешская дружина» не представляла собой единого целого, а состояла из самостоятельных подразделений, которые, как уже говорилось, отдельными командами были распределены по воинским частям русской армии на огромном пространстве от Пинских болот до румынской границы. Соответственно у «Чешской дружины» не было единого командования. Подразделениями командовали русские офицеры.

Подобные формирования использовались командованием в зависимости от потребностей войск. Так, знание немецкого языка многими чехами и словаками позволило использовать их в каждом корпусном радиотелеграфном отделении. Около 50 человек были направлены в штабные структуры для замещения должностей технических операторов¹.

Недостаточная определенность правового статуса «чешской дружины» все более не устраивала руководителей диаспоры. Поэтому в июне 1916 г. правление Союза чехословацких обществ в России обратилось к российскому императору с ходатайством о разрешении организовать самостоятельную чехословацкое соединение по типу сербской дивизии, сформированной в Одессе весной того же года. Оно опиралось на согласие Николая II освободить славянских пленных, данное им 21 апреля 1916 г. Союз при этом заявлял не только и о желании увеличить численность русской армии, но и стремлении воспитывать своих соотечественников в духе «самого тесного единения с Россией» и братства по оружию.

¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 326, л. 47.

Ходатайство было встречено благосклонно. Государь наложил на нем резолюцию: «Солгасен»¹. 10 июня Николай II подписал рапорт военного министра генерала Д.С. Шуваева, ходатайствовавшего о разрешении формировать отдельное чехословацкое соединение из числа военнопленных².

В соответствии с планом, предложенным правлением Союза чехословацких обществ, новое соединение должно было подчиняться непосредственно Верховному главнокомандующему (Главковерху) и начальнику его штаба (Наштаверху) и руководствоваться воинским уставом русской императорской армии. На Союз возлагалась ответственность за «политическую благонадежность, нравственную безупречность и физическую пригодность принимаемых воинов». Ядром будущего чехословацкого соединения должна была стать уже существовавшая бригада³.

Анализ документов, проведенный диссертантом, показал, что организационно соединение строилось из частей всех родов войск. Если, первоначально планировалось формировать пехотные части, затем по мере возможности конные, артиллерийские и механизированные. Местом их сосредоточения был избран Киев.

Мобилизация в чехословацкие части должна была проводиться на основе решения Всеобщего съезда представителей чехословацкого народа и России, который планировался на сентябрь 1916 г. До принятия этого решения специальной комиссии рекомендовалось составлять списки кандидатов на основе переписи. Однако провести эту перепись, по предположению начальника Генерального штаба, можно было не ранее окончания осенних полевых работ. Набор в чехословацкие части ограничивался и тем, что мобилизация не коснулась рабочих оборонных заводов.

В целом выполнение намеченных мероприятий затягивалось по ряду субъективных и объективных обстоятельств. Положение о формировании чехо-

¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 326, л. 96 – 96 об.

² См.: Масарик Т.Г. Мировая революция ... С. 173.

³ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 326, л. 98 – 99.

словацкого соединения из числа военнопленных было утверждено Военным советом Российской империи лишь 28 ноября 1916 г.¹ Даже имея соизволение императора, российские власти осторожно шли на создание иностранного военного формирования на территории своей страны, что особенно в условиях войны было, как считает диссертант, хорошо объяснимо. Как показали события после 1918 г., такая предосторожность была не лишней.

После дополнительных указаний Верховного главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича принимать в ряды «чешской дружины» военнопленных чехов и словаков Союз чехословацких обществ начал проводить активную агитационную работу среди них. Союз исходил из того, что чем в худших условиях находятся пленные, тем больше будет у них желания добровольно вступить в ряды вооруженных формирований. Это обстоятельство было широко использовано Союзом при проведении кампании по набору добровольцев².

В Дарницком лагере, расположенном недалеко от Киева, куда попадали все военнопленные Юго-Западного фронта, была организована специальная команда из чехословаков – добровольцев. Целью этой команды стало ведение агитации среди прибывающих пленных. В средствах при этом не стеснялись: для несогласных вступать в военные формирования создавались жесткие бытовые условия, им угрожали направлением на тяжелые физические работы и т.п. Это отрицательно сказалось на формировании частей, на что обратило внимание русское командование.

По мнению Главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А.А.Брусилова, низкие темпы набора добровольцев из военнопленных чехов и словаков были «следствием отсутствия надлежащей организации в поддержании славянства в плену и правильного надзора за ними... Бессистемность в содержании военнопленных имеет крайне вредные последствия... Вместо при-

¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 326, л. 84 об.

² См.: Солнцева С.А. Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) // Вопросы истории. 2000. № 4. С. 102.

влечения к себе людей, преданных России, получается систематическое отталкивание ранее расположенных к нам элементов, ради которых ведется вся война». Об этом А.А. Брусилов в записке доложил начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генералу М.В. Алексееву. Он предлагал немедленно приступить к «проведению в жизнь» намеченных мероприятий по «улучшению быта военнопленных славян в России, дабы поддержать в братских нам народах веру в благожелательное и покровительственное отношение борющейся за них России, и тем облегчить нашим войскам победу»¹.

По мнению диссертанта, докладная записка генерала А.А. Брусилова не оказала значительного влияния на деятельность военных и государственных органов по решению проблем, поднятых главнокомандующим, но все же смягчила атмосферу вокруг них.

Выявились и другие трудности в комплектовании чехословацкого соединения. Будущий президент Чехословацкой Республики Т.Г. Масарик, рассматривая вопрос набора военнопленных, писал: «...когда в Дружину начали записываться пленные, то стало ясно политическое неравенство между дружинниками, русскими гражданами, и нашими, пришедшими из дому. Многие русские офицеры были против нерусских граждан, но после преодоления всех трудностей, которые чинили русские учреждения, был разрешен набор среди надежных пленных...»²

В октябре 1916 г. приказом Штаверха было возобновлено формирование чехословацкой дивизии. Правда, вскоре оно было приостановлено. Основной причиной отмены приказа стало изменение порядка набора добровольцев из числа военнопленных. Прежде за их благонадежность должен был отвечать Союз чехословацких обществ в России. Но ввиду того, что правление Союза поддержало профессора Т.Г. Масарика в его стремлении к республиканскому устройству будущего Чехословацкого государства при протекторате Франции и отказе от прежней идеи монархического государственного устройства во главе

¹ Цит. по: Каржанский Н. Чехо-словаки в России. С. 18 – 19, 23.

² Масарик Т.Г. Мировая революция ... С.167.

с князем из дома Романовых, ему было отказано в доверии. Набор добровольцев из числа военнопленных в ряды бригады был временно прекращен¹. Право заниматься набором было предоставлено Й. Дюриху, представителю другого чехословацкого политического течения, выступавшего за единение с Россией² и который выражал готовность действовать по указанию царских чиновников. С приходом Й. Дюриха борьба внутри чехословацких группировок в России разгорелась с новой силой. Каждая из них стремилась признать его своим и тем самым задавить соперников³.

Диссертант считает необходимым акцентировать внимание на том, что командование русской армии при отборе добровольцев постоянно держало в поле зрения вопрос их политической лояльности. Иначе и быть не могло, поскольку чехословакам предстояло воевать на стороне бывшего противника против вчерашних товарищей по оружию. В октябре 1916 г. командир чехословацкой бригады полковник А. Троянов в своем рапорте начальнику штаба 3-й армии писал в связи с этим: «Принимать военнопленных чехов как низших чинов, так и офицеров без удостоверений в политической благонадежности и преданности России за подписью чехов, живущих в пределах России не следует... приказом по Австро-Венгерской армии выдано распоряжение сдаваться в плен для ведения агентурной работы и сбора сведений попав в «чешские дружины»... Таким образом, из всего сказанного, следует, что нельзя считать каждого военнопленного чеха идейным воином и необходимо всех, изъявивших желание служить в чешских частях процеживать»⁴.

Безусловно, формирование «чешской дружины» и последующая ее реорганизация проходили в непростой политической обстановке. Уже на этом этапе стали приходиться в противоречие расчеты руководителей чешской диаспоры и российского военного командования. Если силы, которые представлял Т.Г. Масарик, создавая чехословацкие военные формирования, преследовали цель ис-

¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 326, л. 106.

² Там же, л. 130 – 133.

³ См.: Каржанский Н. Чехо-словаки в России... С. 31.

⁴ РГВИА, ф. 2003, оп.2, д. 326, л.19.

пользовать их в развертывании национально-освободительной борьбы, то русское командование рассчитывало на «чешскую дружину» как на дополнительную военную силу на фронте. Эти разногласия, а также разумная осторожность властей в создании на территории страны иностранного военного соединения сдерживали набор военнопленных чехословаков даже в добровольном порядке.

Однако, как считает диссертант, Т.Г. Масарик предпочитал трактовать причины подобного положения дел в удобном для себя духе. По его мнению, оно возникло «из самой сущности официальной России и ее главных основ: самодержавие – православие – народность (официальная русская). Для царской России мы были братьями и славянами второго сорта»¹.

В доказательство того, что правительство России рассматривало чехов и словаков как материал «второго сорта», Т.Г. Масарик приводил в качестве примера сербскую диаспору. Последняя, действительно, легко получила разрешение царского правительства на формирование из военнопленных австро-венгерской армии сербских легионов. Но у такого отношения русских властей были веские основания: наличие самостоятельного православного Сербского государства, которое было союзником России. Это был существенный аргумент в пользу формирования сербских военных частей.

Приход к власти в России после Февральской революции Временного правительства первоначально незначительно ускорил решение проблемы комплектования чехословацких военных формирований. После отречения царя от престола в марте 1917 г. председатель Союза чехословацких обществ В.Вондрак обратился с восторженной телеграммой к председателю Совета министров Г.Е. Львову: «Приветствуем доблестных спасителей родины. Преклоняемся пред величием духа вождей, осуществивших величайший в истории человечества подвиг переустройства государства. Просим признать нас народом дружественным, союзным, дать нам право и возможность самоорганизации, для чего исполнить давнее ходатайство Союза чехословацких обществ о разреше-

¹ Масарик Т.Г. Мировая революция ... С. 177.

нии освобождать верных чехов и словаков из плена, размещать на заводах обороны, принимать добровольцев на фронт»¹.

В своей докладной записке, последовавшей за телеграммой, В.Вондрак просил признать за чехословацким народом права союзного и дружественного России народа и право на государственную самостоятельность. А до получения государственной независимости Чехии и Словакии позволить организовать свои вооруженные силы в России, для чего освободить от плена всех славян, за которых поручится Союз чехословацких обществ или другая объединенная организация.

На данный вопрос в правительстве смотрели по-разному. Министр иностранных дел П.Н. Милюков заявил, что главной задачей русского правительства на предстоящем мировом конгрессе будет освобождение австро-венгерских славян и создание чехословацкой державы. Как видим, собственно военной стороны дела Милюков благоразумно не коснулся.

Военные руководители, которым пришлось бы практически решать вопрос создания чешских частей, были значительно более сдержанны. На записке В. Вондрака товарищем военного министра генералом А.А. Маниковским была наложена следующая резолюция: «Начальнику Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). Министр (им был А.И. Гучков. – Авт.) решил: никаких «войск» из чешско-словацких военнопленных не образовывать, а дать специалистов из них на наши заводы для работы на оборону»².

Несмотря на данное требование, очевидно, при содействии П.Н. Милюкова и генерала А.А. Алексеева³ 24 марта 1917 г. на заседании Военного совета было утверждено положение о формировании чехословацких войсковых частей из добровольцев-военнопленных. В документе предписывалось, чтобы командный язык устанавливался в зависимости от преобладания в них представителей того или иного народа. Делопроизводство предполагалось вести на русском

¹ Цит. по: Каржанский Н. Чехо-словаки в России. С.43 – 44.

² Там же. С. 53.

³ См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 1. Вып. 2. С.130.

языке, старший командный состав должен был быть русского происхождения, все хозяйственные должности (казначей, начальник хозяйственной части и т.д.) замещались русскими по национальности. Должности командиров рот замещались добровольцами. Форму одежды установили такую же как в русской армии.

Общее руководство формированием чехословацких частей возлагалось на «Главного начальника» Киевского военного округа при содействии ГУГШ (Главного управления Генерального штаба). Непосредственное руководство формированием частей возлагалось на особую, подчиненную «Главному начальнику» Киевским военным округом комиссию под председательством генерала русской армии, которого назначал штаб Верховного Главнокомандующего. С формированием части после принятия присяги на верность службе России и чешскому народу и получения знамени она направлялась в действующую армию¹.

В заявлении, сделанном Союзом чехословацких обществ спустя две недели, говорилось, что военнопленные чехословаки сознавали, как победа России и ее союзников может содействовать восстановлению прочного мира и освобождению их народа от «чужого ига». Поэтому они охотно заявляли о своей готовности стать в ряды чехословацкого войска или идти на оборонные заводы. Члены Союза поддерживали политику Временного правительства, направленную на провозглашение права народов на самоопределение, и просили дать полный ход набору добровольцев².

В апреле 1917 г. Главное управление Генерального штаба направило телеграммы всем «Главным начальникам» военных округов с указанием, как вести формирование чехословацких войсковых частей из добровольцев – военнопленных: предполагалось, что набор контингента будет сосредоточен в руках особой Военной комиссии при штабе Киевского военного округа; право набора добровольцев до создания в России центрального чехословацкого органа предоставлялось Союзу чехословацких обществ в России. Для облегчения взаимо-

¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 342, л. 78.

² См.: Каржанский Н. Чехо-словаки в России. С.61.

действия уполномоченных комиссии по набору добровольцев с местными властями распоряжением «Главного начальника» Киевского военного округа могут быть назначены сопровождающие из числа офицеров русской армии. Набор военнопленных чехов и словаков для формирования чехословацких войск производить при строгом соблюдении интересов промышленности. Призыву подлежали исключительно чернорабочие, специалисты оставались на производстве и не подлежали набору¹.

Председателем комиссии по набору добровольцев из числа военнопленных был назначен генерал русской армии Я. Червинка – чех по происхождению.

Но, как свидетельствуют изученные диссертантом документы, и после указания ГУГШ формирование чехословацких частей не отличалось высокими темпами. Прежде всего не доставало оружия и материальных средств. Главком-верх М.В.Алексеев прямо увязывал возможность формирования чехословацких отрядов с наличием «материальной части», необходимой для их обеспечения. Полковник А. Обручев, «Главный начальник» Киевского военного округа, даже приостановил формирование, ссылаясь на то, что оно не приносит пользы ввиду дороговизны и отсутствия «материальной части». Но благодаря указаниям из штаба Верховного Главнокомандующего (Ставки) и требованиям генерала Я.Червинка, настаивавшего на формировании хотя бы небольших боевых подразделений, оно было возобновлено.

По плану, начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала А.И. Деникина, в апреле четыре пехотных батальона стали разворачивать в полки 4-батальонного состава, приступили к формированию артиллерийской бригады.

Настороженность по отношению к военным формированиям из добровольцев, представляющих военнопленных вражеской армии, проявил и новый военный министр А.Ф. Керенский. В мае 1917 г. он распорядился приостано-

¹ См.: Каржанский Н. Чехо-словаки в России. С. 62.

вить формирование чехословацких частей¹. Прибывшим к нему представителям диаспоры он заявил, что осуждает избранный чехами путь к перемене формы государственного устройства. «Имея конституцию, – говорил он, – они могли свергнуть ненавистное правительство, но идти на фронт сдаваться противнику, к таким нерыцарским поступкам не могу иметь симпатий»².

После некоторой паузы формирование чехословацких частей все же продолжилось. Добровольцев из числа пленных и гражданских лиц сосредоточивали в четырех сборных пунктах: Бобруйске, Дарнице, Борисполе и Березине. Здесь из них формировали воинские части, где они проходили строгую проверку на предмет политической благонадежности и преданности России.

К концу мая 1917 г. в рядах добровольцев – чехословаков находилось уже более 26 тысяч солдат и около 300 офицеров³. Новый орган власти – Чехословацкий Национальный Совет, или Временное правительство⁴ вынашивал идею формирования из них не менее трех дивизий. Существовавшая чехословацкая стрелковая бригада вместе с запасными ротами насчитывала к этому времени 6–7 тыс. человек⁵.

По мнению диссертанта, процесс формирования новых частей и соединений ускорился в результате успешных действий стрелковой бригады на фронте. На фоне неудачного наступления Юго-Западного фронта в июне 1917 г. бригада, насчитывая вместе со вспомогательными подразделениями около 3580 человек, под Зборовом при переходе к обороне стойко отражала натиск немецких и австрийских дивизий⁶. Более того, 19 июня она, получив приказ произвести

¹ РГВИА, ф. 2067, оп. 2, д. 513, л. 81, 735-786.

² Цит по: Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914 – 1920 гг. С.30.

³ См.: Каржанский Н. Чехо-словаки в России. С. 66.

⁴ Чехословацкий Национальный Совет, или ЧНС (Временное правительство) был организован во второй половине 1916 г. В его состав вошли: председатель – профессор Т.Г. Масарик; заместители – Й. Дюрих и доктор М.Р.Штефаник; генеральный секретарь – доктор Э. Бенеш. 12 мая 1917 г. на Киевском съезде представителей чехословацких обществ создано отделение ЧНС в России, ставшее преемницей Союза чехословацких обществ.

⁵ Cervinka J. Az kam ? Praha, 1923. S. 20 – 22.

⁶ Klecanda V. Bitva u Zborova. Praha, 1927. S. 57.

на своем участке отвлекающий контрудар, сумела прорвать оборону противника. За успешные действия полки чешско-словацкой бригады получили почетные наименования «Полков 18 июня» и георгиевские ленты на свои знамена¹.

Успешные действия чехословацкой бригады под Зборовом были использованы в пропагандистских целях русским правительством, его союзниками и чехословацкими политиками в России и за ее пределами. Так, Ставка Верховного главнокомандующего 20 июня 1917 г. сообщала: «19 июня около 15 часов после жесточайшего и упорного боя... доблестные войска... чехословацкой бригады овладели сильно укрепленными позициями противника на высотах западнее деревни Зборова и укрепленной деревней Коршилув...»²

Верховный главнокомандующий генерал А.А. Брусиллов телеграфировал председателю Чехословацкого Национального Совета Т.Г. Масарику, что среди наступающих частей «особенно отличилась чешско-словацкая бригада, единодушным порывом смявшая коварного врага и покрывшая себя неувядаемой славой»³.

Данное событие сразу сказалось на темпах создания чехословацких военных формирований в России. По мнению генерала Я. Червинки, «только после доблестного выступления чехословацкой бригады под Зборовом... последовала отмена распоряжения Главнокомандующего Юго-Западным фронтом об ограничении чешско-словацких войск существующей бригадой»⁴.

В результате, генерал-квартирмейстер Ставки Н.Н. Духонин в середине июня 1917 г. распорядился довести существующую чехословацкую бригаду до штата стрелковой дивизии, состоящей из четырех полков с артиллерией и инженерными средствами, 4-ротный запасной батальон развернуть в 8-ротный и на этом пока ограничить дальнейшее развертывание⁵.

¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 770, л. 107 об.

² Цит. по: Куделя И. Зборов: очерк истории чехо-словацкого революционного движения. Челябинск, 1918. С. 1.

³ Там же, с. 13.

⁴ РГВИА, ф. 2067, оп. 2, д. 513, л. 787.

⁵ Там же, л. 786.

Другой причиной, повлиявшей на кардинальное изменение отношения к созданию чехословацкой армии, послужило интенсивное разложение русской армии в связи с усилившейся антивоенной агитацией социал-демократов среди солдат и офицеров. Развал в русской армии приобретал все большие размеры. На этом фоне устойчивые чехословацкие части представляли для командования русской армией большую ценность.

Однако, действия под Зборовом были лишь удачным эпизодом катастрофически неудачного июньского наступления. Германские и австрийские войска вскоре перешли в контрнаступление и прорвали фронт в районе Тернополя. Основные силы чехословацкой бригады отходили в организованном порядке, некоторые подразделения вместе с казаками и юнкерами даже использовались в качестве заградительных отрядов. 6 июля чехословацкие артиллерийские подразделения были брошены против отказавшихся выступить на позиции солдат 20-й и 46-й пехотных дивизий. После артиллерийского и пулеметного обстрелов дезертиры, окруженные в лесу, вынуждены были сложить оружие¹.

Архивные документы свидетельствуют, что действия чехословацкой бригады в этой критической ситуации стали главной причиной того, что новый Верховный главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов отдал приказ на формирование второй дивизии². В этих целях была использована материальная часть, изъятая у одной из покинувших поле боя дивизий.

Правда, антивоенные настроения захватили и некоторые подразделения чехословацкой бригады³. Так, один из батальонов 2-го полка отказался выступать на фронт, заявив, что участие в наступлении будет воспринято солдатами

¹ См.: Голуб П. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов. Киев, 1958. С. 94.

² РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 342, л. 5.

³ В бригаде в июне 1917 г. насчитывалось около 200 дезертиров. (Za svobodu. D. 2, S. 89).

русской армии как контрреволюционная демонстрация¹. Но подобные акции в чехословацком соединении были редки.

К концу августа 1917 г. в обеих дивизиях, не считая артиллерийских подразделений, находилось в строю уже свыше 15 тыс. человек². 26 сентября На штаверх генерал Н.Н. Духонин дал разрешение о формировании управления отдельного Чехословацкого корпуса. В корпус входили 1-я, 2-я стрелковые дивизии и стрелковая запасная бригада. Во всех частях корпуса вводился французский военный дисциплинарный устав и устанавливался русский «командный язык»³. По просьбе ЧСНС и лично Т.Г. Масарика во главе корпуса были поставлены русские генералы: командир – В.К. Шокоров, начальник штаба – М.К. Дитерихс. Уполномоченными ЧСНС стали: при корпусе – П.И. Макса, при Ставке Верховного главнокомандующего – Ю.И. Клаценда⁴.

На основании приказов Главковерха с августа по октябрь 1917 г. для Чехословацкого корпуса активно формировались артиллерийские подразделения. К октябрю 1-я и 2-я чехословацкие дивизии имели по одному дивизиону легкой полевой артиллерии. На их базе предусматривалось создать артиллерийские бригады и дополнительно два мортирных дивизиона. Их комплектование производилось из числа русских артиллеристов, ввиду недостатка специалистов среди чехов и словаков⁵.

ЧСНС настаивал на уравнивании чехословацких военнопленных – добровольцев во всех правах с гражданами России, что, на взгляд диссертанта, шло вразрез с нормами права, да и со здравым смыслом. Одновременно ЧСНС настаивал на том, чтобы Чехословацкий корпус был независимым национальным формированием в составе русской армии и мог быть использован только против внешних врагов России: Австро-Венгрии и

¹ См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и военные формирования в России 1914 – 1921 гг. М., 1965. С. 94.

² РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 342, л. 7.

³ Там же, л. 41 – 41 об.

⁴ Там же, л. 24.

⁵ Там же, л. 58 – 60.

внешних врагов России: Австро-Венгрии и Германии¹. Оба требования ЧСНС были удовлетворены генералом Н.Н. Духониным. Данное обстоятельство изменило статус чехословацкого соединения, сделав его «самостоятельным» национальным соединением в составе русской армии².

К середине ноября, по данным ГУГШ, корпус был полностью укомплектован личным составом и наполовину обеспечен материально. Окончательное решение этой проблемы было намечено на начало декабря 1917 г.³

Автором проанализированы попытки различных политических сил, уже на этом этапе, сделать чехословацкие формирования своим боевым резервом и реакция ЧСНС на такие попытки. Так, в августе-сентябре 1917 г. генералы Л.Г.Корнилов, М.В. Алексеев и другие генералы, выступавшие за укрепление дисциплины в армии и усиление центральной власти, убеждали ЧСНС присоединиться к ним. Еще до своего назначения Главковерхом Л.Г. Корнилов советовал Н.Н. Духонину перевести один из чехословацких полков в Ставку, сосредоточить все остальные части корпуса на линии Орша – Москва – Жлобин, установить тесную связь с Чехословацким национальным комитетом в России⁴.

Руководители ЧСНС были на стороне Л.Г. Корнилова, но обстановка заставляла действовать их чрезвычайно осторожно, ибо открытое выступление на стороне реакционного генералитета могло поставить под удар все достигнутое ими в России.

Назначение Л.Г. Корнилова Верховным главнокомандующим Т.Г. Масарик приветствовал поздравительной телеграммой, в которой высказывал «глубокую радость» и пожелание, чтобы он «организовал все силы свободной России и привел ее к победе во имя демократии и славянства»⁵. Открыто проявляя свое восхищение мерами Л.Г. Корнилова «по усилению боеспособности русской

¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 342, л. 4 об.

² См.: Масарик Т.Г. Мировая революция ... С.187.

³ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 342, л. 127.

⁴ См.: Деникин А.Н. Очерки русской смуты. Париж, 1922. Т.2. С. 137 – 139.

⁵ T.G. Masaryk a revolucni armada. Praha, 1922. S. 63 – 64.

армии», он оказывал ему и непосредственную поддержку. Еще до контрреволюционного мятежа, 10 августа 1917 г., председатель ЧСНС отдал распоряжение командиру чехословацкой бригады отправить 400 добровольцев в корниловский Славянский ударный полк, в котором уже было 113 чехов, с тем чтобы они были распределены по 50 человек в каждую роту и «служили примером лучшим элементам среди русских солдат... своей храбростью и правильным пониманием дисциплины»¹.

Накануне корниловского выступления 24 – 26 августа в ходе переговоров, которые вели в Ставке Т.Г. Масарик, заместитель председателя филиала ЧСНС в России П. Макса и секретарь И. Клецанда, председатель ЧСНС пообещал Н. Неженцеву, командиру Славянского ударного полка, новое пополнение. Договорились о том, что половину полка составят чехи, среди же русских солдат будет проведена чистка и будут изгнаны «все ненадежные, большевистские элементы». Т.Г. Масарик дал согласие пополнить Славянский ударный полк 1,5–2 тыс. добровольцев².

Диссертант не может не отметить двойственности в действиях Т.Г. Масарика. С одной стороны, он стремился заручиться официальным документом, в котором был бы зафиксирован принцип невмешательства чехословацких воинских частей в политическую борьбу в России. С этой целью им было достигнуто соглашение о том, что к Ставке и командованию корпуса будут прикомандированы уполномоченные Чехословацкого Национального Совета и что «чехословацкие войска могут быть использованы только против внешних неприятелей России». С другой стороны, председатель ЧСНС понимал этот «нейтралитет», мягко говоря, своеобразно. По крайней мере, он вовсе не считал его обязательным для «чехословацких корниловцев». И последние успешно, как об этом говорил сам Т.Г. Масарик, «удерживали порядок» в Могилеве во время корни-

¹ Krizek Jar. První ozbrojené vystoupení. S. 111.

² Naše revoluce. Roč. 3. Sv. 3 – 4. Praha, 1926. S. 304.

ловского путча¹. Для большей полноты картины следует упомянуть свидетельство генерала А.И. Деникина о том, что в дни мятежа Славянский полк в отличие от других вполне оправдал доверие Л.Г. Корнилова².

Новые факты сотрудничества с путчистами выявились после ареста начальника штаба Киевского военного округа генерала А.И. Оболешева и ряда чехословацких офицеров. Показательно и то, что после подавления корниловского выступления в помещении филиала Чехословацкого Национального Совета в Киеве, опасаясь обыска, два дня жгли тираж специально отпечатанной брошюры с биографией Л.Г. Корнилова. Ввиду вскрывшихся фактов Совет рабочих и солдатских депутатов Киева потребовал роспуска чехословацких формирований, «ибо они не только замешаны в корниловском путче, но вообще связаны с русскими реакционными кругами и всегда будут материалом и центром контрреволюции»³.

Естественно, после провала корниловского мятежа чешский лидер потропился дистанцироваться от несостоявшегося диктатора. В конце 1917 г., выступая на пленарном заседании филиала Чехословацкого Национального Совета, Т.Г. Масарик утверждал: «Когда возник конфликт с генералом Корниловым, я телеграфно обратил внимание и корпуса, и Ставки на нашу договоренность, что мы не должны вмешиваться во внутренние распри, и мы действительно в корниловскую аферу не вмешались»⁴.

Однако, по мнению диссертанта, выявленных фактов вполне достаточно, чтобы говорить о несоответствии заверений ЧСНС и его лидера относительно невмешательства во внутривнутриполитические российские дела. Для достижения своей главной цели – формирования Чехословацкого корпуса они шли на со-

¹ См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... С. 100.

² См.: Деникин А.Н. Очерки русской смуты. Т.2. С. 39.

³ Цит по: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... С. 101.

⁴ *Za svobodu*. D. 2. S. 412.

трудничество не только с официальными властями в лице правительства А.Ф.Керенского, но и с выступившими против этого правительства путчистами.

В то же время Чехословацкий Национальный Совет все острее ставил вопрос о переброске своих формирований на Западный фронт в состав французских войск. Делалось это с целью, во-первых, «поднять политическое значение чехословацкого движения на Западе»¹, во-вторых, исключить развал и деморализацию чехословацких частей, поскольку правительство Керенского было бессильно справиться с возраставшей анархией в армии, которая могла охватить и корпус². Кроме того, Чехословацкий Национальный Совет опасался больших жертв, поскольку могло оказаться, что чехословацкие части будут единственными на пути германских войск.

Вопрос о переброске чешских и словацких военнопленных во Францию поднимался еще при царском правительстве, но тогда он не получил разрешения из-за угрозы подрыва военного производства. Он был вновь затронут в мае 1917 г. Т.Г. Масариком в письме Военному министру А.Ф. Керенскому. В ответ Главное управление Генерального штаба сообщило ЧСНС, что российское правительство признает возможность выезда чехословацких частей во Францию через Архангельск, если транспортировку обеспечит Париж. Такое согласие было получено в конце мая 1917 г. Франция обязалась к концу сентября вывезти первую партию численностью 1200 человек³.

Правда, первый эшелон в количестве 502 человек был отправлен из Житомира только 18 ноября и из-за остановки навигации был вынужден задер-

¹ Веселы И. Чехи и словаки в революционной России 1917 – 1920 гг. С. 35.

² К началу ноября 1917 г. в армии насчитывалось уже около 2 млн. дезертиров. (См.: Головин Н.Н. Военные усилия России в Первой мировой войне. Париж, 1913. С. 207).

³ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 342, л. 1. См. также: Ирджи С. Возникновение и борьба чехословацкого корпуса – основание чехословацкого государства // Тезисы докладов международной конференции: «Т.Г. Масарик и Россия». СПб., 1997. С. 54.

жаться в Череповце Новгородской губернии. Тем не менее северным маршрутом к концу 1917 г. все же были эвакуированы около 2000 человек¹.

Диссертант считает принципиально важным решение, которое в октябре 1917 г. Чехословацкий Национальный Совет согласовал с французским правительством и президентом Р. Пуанкаре, о признании всего чехословацкого войска в России частью французской армии. С 15 января 1918 г. корпус был официально провозглашен частью французской армии. Командование корпуса получило приказ французского Генерального штаба о перемещении на Западный фронт по Транссибирской железной дороге, через Владивосток и далее – через Тихий океан и в Европу².

Происшедшие события сразу изменили правовой статус корпуса. На территории России появилось иностранное военное формирование еще юридически не существующего государства, входящее в состав французской армии. И это в то время, когда в России собственной армии, по сути, уже не было. Однако российские власти либо не придали этому факту должного внимания, не оценили его потенциальной опасности, либо, что вернее, в обстановке нарастающего политического кризиса не смогли должным образом на него среагировать. Позднее это обернулось серьезными осложнениями политического и военного характера.

После октября 1917 г. во взаимоотношениях Чехословацкого Национального Совета и командования Чехословацкого корпуса, с одной стороны, и советской, властью – с другой, наступил, как считает диссертант, безусловно, принципиально новый этап. По мнению чехословаков, февральский переворот в России, ознаменовавший собой провозглашение демократических реформ, конституционных свобод и усиление роли парламента, каковым должно было явиться Учредительное Собрание, был достаточным основанием для демокра-

¹ См.: Каржанский Н. Чехо-словаки в России. С. 83.

² См.: Цветкова В. Мятёж // Родина. № 6. 2001. С. 57.

тического развития революции¹. Октябрьский же переворот Чехословацкий Национальный Совет и его лидер Т.Г. Масарик не поддержали. Не принимая большевистскую власть, они тем не менее отказывались (по крайней мере, публично) от вмешательства во внутренние дела Советской России. По словам Т.Г. Масарика, ЧСНС не вынашивал намерения использовать имевшуюся в его распоряжении силу для демократического возрождения России, иначе говоря, для свержения Советов².

Со своей стороны молодое Советское правительство и местные органы власти были заинтересованы в поддержке со стороны ЧСНС, учитывая наличие у него хорошо организованных войск. Так, на созванном в декабре 1917 г. в Киеве общем собрании чехословацких легионеров большевики выступили с требованием завершить активные боевые действия и предложили создать из чехословацких бригад одну общую революционную армию. Выдвигалось даже фантастическое предложение о вхождении Австро-Венгерской империи в состав Советской Республики. Однако командование корпуса строго придерживалось нейтралитета.

«Ясно лишь одно, что у нас была армия и в России мы были единственной значительной военной организацией, что придавало нам вес, соображения о нашей армии играли в переговорах о нашем признании значительную роль», — писал по поводу борьбы за склонение чешского войска на ту или иную сторону после октябрьских событий в России Т. Г Масарик³.

На местах органы власти явочным порядком попытались использовать Чехословацкий корпус как источник живой силы для создания новой революционной армии. Однако эти попытки не привели к ожидаемым результатам. Личный состав корпуса не привлекало даже хорошее по тому времени возна-

¹ См.: Ирджи С. Возникновение и борьба чехословацкого корпуса – основание чехословацкого государства // Тезисы докладов международной конференции: «Т.Г. Масарик и Россия». С. 52 – 53.

² Masaryk T.G. Cesta demokracie. Praha, 1933. S. 19.

³ См.: Масарик Т.Г. Мировая революция... С.215.

граждение. Из полков численностью до 1,5 тыс. человек в большевистские формирования записалось всего 20–30 чел.¹

Как показывают материалы, проанализированные диссертантом, революционная обстановка в России сказывалась и на положении внутри Чехословацкого корпуса. В первую очередь речь идет о создании по типу русской армии солдатских комитетов². К концу 1917 г. в корпусе был утвержден революционный совет рабочих и солдатских депутатов, а в некоторых его частях были образованы полковые, батальонные и ротные комитеты³. Это таило в себе угрозу дисциплине и внутреннему единству корпуса, поскольку здесь, как и в русской армии, выборные организации претендовали на командно-распорядительные функции, а это подрывало единоначалие.

Выступая в августе 1917 г. на пленарном заседании филиала ЧСНС, Т.Г. Масарик заявил, что согласен со всеми, кто высказывается против создания социал-демократической организации. Однако он констатировал тот факт, что «запретить ее, к сожалению, мы не смогли. Мы должны стараться, чтобы у этой организации был правильный курс, чтобы ее использовали в культурном и социальном, но не в политическом направлении, чтобы не возникла классовая борьба...»⁴

В конце концов командному составу корпуса удалось добиться того, чтобы задачи, которые решали комитеты в чехословацких частях, носили главным образом экономический и просветительский характер и никак не касались вопросов устройства и военной деятельности частей и подразделений. Это позволило оградить личный состав от анархии и в то же время сохранить демократи-

¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 32, л. 234.

² После февраля 1917 г. в армии России активно происходил процесс демократизации, который был связан с созданием Советов рабочих, солдатских и матросских депутатов. Число комитетов всех уровней достигло почти 50 тыс., а общее число солдат, занятых в комитетах, – около 300 тыс. человек. (См.: Панкратов Н.Р. Разработка В.И. Лениным военной программы пролетарской революции. М., 1980. С. 154).

³ Za svobodu. D. 2. S. 280.

⁴ Там же, s. 332.

ческие принципы, игравшие важную роль в сложившейся исторической обстановке.

Кроме того, чехословацкие лидеры очевидно наученные горьким опытом неудачной поддержки корниловского мятежа, стремились сделать свои войска нейтральными к событиям, происходящим в России, о чем было заявлено в резолюции чехословацкого войска в конце сентября 1917 г.¹ И эта линия, как показывают выявленные диссертантом факты, в целом выдерживалась.

Так, в октябрьские дни 1917 г., когда большевики подняли восстание в Киеве, помощник комиссара Юго-Западного фронта Н. Григорьев попытался использовать против них один из чехословацких полков. Отделение Чехословацкого Национального Совета в России объявило протест против такого, не согласованного с ним решения и приняло меры, чтобы полк прекратил выступление.

В конце января 1918 г. после провозглашения Украиной независимости от России большевики повели наступление на Киев. Украинская Рада, выступавшая за выход из состава России, попыталась склонить чехословаков на свою сторону. С этой целью она обратилась к ЧСНС с предложением, чтобы находившаяся под Киевом дивизия преградила путь наступавшему на город революционному отряду под командованием М.А. Муравьева. Однако Чехословацкий Национальный Совет не дал на это согласия. Большевики прошли через занятые чехословаками местности, не встретив с их стороны противодействия, и в начале февраля 1918 г. овладели Киевом².

Похожая ситуация складывалась и на юге России. Генерал М.В. Алексеев, бежавший после октябрьских событий 1917 г. на Дон, неоднократно просил чехословацких лидеров о направлении имеющихся в их распоряжении частей «на спасение России». Об этом свидетельствует его письмо во французскую миссию, перехваченное в Новочеркасске большевиками в конце января 1918 г.: «...Я давно, но безнадежно добивался согласия направить на Дон, если не всего

¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 739, л. 115 – 116.

² Валеховский Ф. Чехословаки в России. Екатеринбург, 1918. С. 22.

Чехословацкого корпуса, то хотя бы одной дивизии, писал генерал. Этого было бы достаточно, чтобы вести борьбу и производить дальнейшее формирование добровольческой армии, но, к сожалению, корпус бесполезно и без всякого дела в районе Киева, Полтавы, а мы теряем территорию Дона... Уход добровольческих частей из Донской области ухудшит общее положение и уменьшит шансы борьбы с большевиками и достижения победы...»¹ Просьба генерала осталась неудовлетворенной.

Свое отношение к внутривосточной борьбе в России Т.Г. Масарик четко изложил в письме к П.Н. Милюкову в ноябре 1917 г. в ответ на его просьбу, инициированную генералом М.В. Алексеевым, разрешить чехословацким легионам включиться в борьбу против большевиков. В нем он приводил следующие причины своего отказа в помощи антибольшевистским силам: слабость монархического движения в России, обреченность левых партий (кадетов и эсеров) в борьбе с большевиками и отсутствие веры в успех белых генералов. Он утверждал, что большевики продержатся у власти гораздо дольше, чем предполагают их противники. Как подчеркивал позже П.Н. Милюков, развитие событий показало проницательность Т.Г. Масарика и дальновидность его прогнозов².

По мнению диссертанта, отказываясь от конфронтации с большевистскими властями, лидеры чехословацкого национального движения руководствовались прежде всего планами сохранения целостности корпуса и его перемещения на Запад, а без Москвы эту задачу не было возможности решить.

В то же время анализ исторических документов показывает, что до марта 1918 г. союзники не могли прийти к единому мнению, принимая решение о судьбе Чехословацкого корпуса в России: Париж был за переезд во Францию, Лондон рассчитывал оставить корпус в России. Причина такого разногласия среди стран Антанты заключалась в их расчетах, что Россия и при новом,

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 489, л. 17.

² См.: Фирсов Е.Ф. Формирование геополитических установок Масарика в России // Тезисы докладов международной конференции: «Т.Г. Масарик и Россия». С. 59.

большевистском, правительстве будет по-прежнему вести войну с Германией. Однако эти расчеты были поколеблены уже с отделением в конце января 1918 г. Украины от России и заключением ею 9 февраля, на другой день после взятия Киева большевиками, мира с Австрией и Германией. Еще до заключения Советским правительством Брест-Литовского мирного договора с Германией проблема вывода Чехословацкого корпуса с территории России была ключевой в дипломатических контактах заинтересованных в этом государств.

Прежнее решение об отправке чехословацких военных формирований через Архангельск во Францию, принятое ЧСНС с Временным правительством, было пересмотрено представителями чехословаков в России и первоначально с командованием советских войск на Украине в феврале, а в последующем и с Советским правительством в марте 1918 г. Несмотря на то, что этот путь и обеспечивал значительно более быстрый их вывод из России, так как союзникам было бы легче обеспечить необходимое количество морских транспортов для перевозки войск, против него выступало командование Чехословацкого корпуса, опасавшееся за благополучный исход эвакуации северным путем.

По данному поводу Т.Г Масарик писал: «...сибирский путь был самый верный: в Архангельске зимой море замерзало, а Мурманск и дорога к нему были небезопасными... транспорты, а особенно транспорты регулярные и длительные, находились бы в опасности вследствие немецких подводных лодок; сухим путем ехать мы не могли, этому мешали австрийцы и немцы, которые оккупировали западную часть России. Оставалась лишь Сибирь ещё и потому, что железные дороги там действовали лучше, чем в центре России; всякие сумасбродные планы (Кавказ, Азия) нельзя было принимать всерьез»¹.

В середине февраля Чехословацкий корпус находился на украинской территории: первая дивизия была расположена на правом берегу Днепра – в Волынской губернии (штаб – в Полонном), вторая дивизия – на левом берегу Днепра (штаб – в Яготине). Штаб корпуса находился в Киеве².

¹ Масарик Т.Г. Мировая революция ... С. 221.

² См.: Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914 – 1920 гг. С. 41.

После занятия Киева большевиками Т.Г. Масарик обратился к командующему революционными войсками Южного фронта М.А. Муравьеву с ходатайством о предоставлении чехословацкому корпусу возможности свободного выезда из Украины в Россию для дальнейшего следования во Францию. 16 февраля согласие было получено¹.

Однако организованной эвакуации препятствовало преследование наступающих на Восток германских войск. Чехословацкие части вынуждены были отступать, действуя вместе с Украинской советской армией. Сосредоточенной около Житомира 1-й дивизии было приказано отойти на левый берег Днепра для соединения со 2-й дивизией. Затем всем чехословацким частям было приказано спешно стягиваться к железнодорожному узлу Бахмач для отправки на Восток. Немецкие войска буквально преследовали чехословацкие части. Своими боевыми действиями чехословаки в течение месяца сдерживали немецкое наступление.

Бахмач имел для чехов важное значение в связи с возникшими транспортными проблемами и движением к нему австро-немецких частей. Бои там происходили с 7 по 14 марта 1918 г.² Корпус сдерживал натиск пяти немецких полков, наступавших на восток. Это позволило спасти золотой запас, находившийся в Киеве, государственные архивы и другие ценности.

Подполковник Б.Ф. Ушаков, начальник чешского арьергарда, докладывал, что у немцев не было ни численного, ни технического превосходства, и чешские войска могли держать Бахмач и далее. Однако перед командованием арьергарда была поставлена задача: без нужды не ввязываться в борьбу, а вы-

¹ Масарик Т.Г. Мировая революция ... С. 208.

² Особенно упорные бои проходили 10 марта. От Гомеля немцы наступали 61-м и 224-м, от Крут – 349-м саксонским и одним неустановленным полками. От чехов сражались 6-й полк, два батальона 4-го полка, 3 батареи 1-й артбригады. В течение 12 – 14 марта указанные части вели арьергардный бой с австро-германцами и гайдамаками, а на Бахмач спешно грузились остальные части корпуса. (См.: Голечек В. Чехословацкое войско в России. Иркутск, 1919. С. 6); Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. М.– Л., 1924, Т. 2. С. 51.

вести войска из боя с наименьшими потерями, погрузить и отправить их из Бахмача, чтобы они соединились с остальными частями корпуса¹.

Поставленную задачу удалось выполнить. Сдерживая натиск немецких войск, чехословаки дали к тому же возможность привести в порядок большевистские части. Высоко оценивая заслуги чехословаков, Верховный главнокомандующий войсками республик Южной России В.А. Антонов-Овсеенко² 16 марта 1918 г. издал приказ, в котором говорилось, что «наши товарищи Чехословацкого корпуса, с честью и доблестно сражавшиеся под Житомиром, прикрывая Киев, под Гребенкой и Бахмачом, прикрывая пути к Полтаве и Харькову, ныне покидают пределы Украины и передают нам часть оружия. Революционные войска не забудут той братской услуги, которая оказана была Чехословацким корпусом в борьбе рабочего народа Украины с бандами хищного империализма. Оружие, передаваемое чехословаками, революционные войска принимают как братский подарок».

Своеобразие обстановки заключалось в том, что чехословаки, в соответствии с условиями БрестЛитовского договора и договоренностью с М.А. Муравьевым должны были не воевать, а эвакуироваться за пределы Украины также как и все Советские части³. Поэтому отдельные воинские части оставляли боевые позиции и уходили в тыл. Соответственно диаметрально противоположными стали оценки их действий со стороны военного командования. Еще несколько дней назад 14 марта восхищавшийся их воинской доблестью В.А. Антонов-Овсеенко констатировал, что «положение под Бахмачем серьезное,

¹ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... С. 159.

² В состав Южных советских республик в начале 1918 г. входили Украинская советская социалистическая республика (УССР), Донецко – Криворожская советская республика (ДКСР), Одесская советская республика (ОСР), Таврическая социалистическая республика (ТССР). Правительство УССР по рекомендации В.И. Ленина назначило В.А. Антонова Верховным главнокомандующим Советской Украины. (Гражданская война и военная интервенция: Энциклопедия. М., 1983 г. С. 142 – 143).

³ Документы внешней политики СССР. М., 1957. С. 122.

благодаря предательскому поведению командного состава чехословацкой дивизии»¹.

Согласно имеющимся архивным документам, Чехословацкий корпус «вышел из линии боев и окончательно уходит во Владивосток» в середине февраля 1918 г.² Об этом в своей телеграмме в Совнарком РСФСР сообщил 18 февраля 1918 г. начальник военных сообщений Украинской республики С.С. Бакинский. В этой же телеграмме он указал на то, что «чехословаки сдают все боевое авиационное и обозное имущество, кроме винтовок, части пулеметов, двух батарей по одной на дивизию и одного аэроплана». Однако данный договор между Главкомверхом войск Южных республик и командованием Чехословацкого корпуса несколько не связывал Совнарком РСФСР и мог быть изменен сразу, как только эвакуирующиеся части выходили восточнее линии Купянск – Курск, т.е. с территории Украины

Однако, как свидетельствуют документы, сбои в обеспечении подвижным составом начались еще на территории Украины. Это приводило к тому, что легионеры нередко силой в нарушение достигнутых договоренностей захватывали подвижной состав.

Так, 6-й чешский полк захватил 27 паровозов и 300 вагонов, 7-й - соответственно 25 и 549. Разместив личный состав, погрузив боеприпасы, реквизированное продовольствие, оружие и снаряжение, чехословаки под видом состава с ранеными отправили из Бахмача два эшелона с подразделениями 6, 7 и 4-го полков к границам РСФСР.

С тем чтобы предотвратить дальнейшие эксцессы, в середине марта 1918 г. в Курске были проведены переговоры между заместителем председателя филиала ЧСНС и комиссаром Чехословацкого корпуса П.И. Максой и В.А. Анто-

¹ Цит. по: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус ... С. 160.

² ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д.636, л. 1.

новым-Овсеенко, на которых было достигнуто соглашение о сдаче чехами части оружия¹.

В эти же мартовские дни член ЧСНС И. Клецанда вел переговоры в штабе Московского военного округа. Где ему было заявлено о готовности Советского правительства оказать всемерное содействие быстрой отправке корпуса во Владивосток, при условии, что Чехословацкий корпус не будет поддерживать дальневосточные восстания контрреволюционных сил².

Поскольку большая часть пути пролегла по территории РСФСР, то разрешение многочисленных проблем корпуса зависело прежде всего от Москвы. Основными проблемами были: обеспечение транспортом; согласование норм перевозимого с собой оружия; урегулирование отношений с представителями большевиков, которые вели агитацию в чехословацких подразделениях в целях вовлечения в ряды своей революционной армии.

18 марта чехословацкая делегация посетила в Москве Совет Народных Комиссаров для урегулирования вопроса о передвижении Чехословацкого корпуса через территорию России на Дальний Восток. Председатель СНК В.И. Ленин дал на это согласие и заявил о том, чтобы «войско отправлялось как можно поскорее во Владивосток», при этом пообещал отправить указания совдепам по линии Курск – Пенза – Самара оказывать всяческую помощь для скорейшего передвижения эшелонов³.

Другой проблемой – было вооружение корпуса. Часть его была сдана еще в Харькове, Белгороде, Курске. Остальное оружие подлежало сдаче в Воронеже, Пензе или других пунктах по указанию командующего войсками Московского военного округа А.И. Муралова.

Советское правительство возражало против наличия у частей корпуса большого количества оружия. Чехословацкому Национальному Совету удалось уговорить своих солдат оставить себе необходимую часть оружия для самоза-

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 636, л. 1; Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. М.– Л., 1924, Т. 2, С. 30, 94.

² Za svobodu. D. 3. S. 13 – 15.

³ См.: Валеховский Ф. Чехословаки в России. С. 26.

щиты, а остальное сдать. Исходя из этого, 26 марта 1918 г. народный комиссар по делам национальностей И.В. Сталин сообщил представителям Чехословацкого корпуса, что Совет Народных Комиссаров считает предложение командования корпуса о сдаче части оружия «в интересах крайней необходимости» справедливым и вполне приемлемым при неременном условии немедленного продвижения эшелонов по направлению к Владивостоку¹.

И. В. Сталин акцентировал внимание на том, чтобы чехословаки передвигались не как боевые подразделения, а как группа «свободных граждан», берущих с собою установленное количество оружия для своей самозащиты от покушения со стороны контрреволюционеров. Он гарантировал чехословакам оказание всякого содействия на территории России при условии выполнения ими достигнутых договоренностей. Председателю Пензенского совета В.В. Кураеву было поручено подобрать надежных комиссаров для сопровождения эшелонов до Владивостока с тем, чтобы они систематически осведомляли СНК обо всех происшествиях по ходу передвижения².

В этот же день в Пензе представители СНК и Чехословацкого корпуса подписали соглашение, в котором гарантировалась беспрепятственная отправка чешских подразделений из Пензы во Владивосток. При этом обращалось внимание на выполнение требования, прозвучавшего в телеграмме И. В. Сталина, упомянутой выше. Оно было отражено в приказе по корпусу. В котором указывалось, что части продвигаются не как боевые единицы, а как частные лица. В каждом эшелоне оставляли по одной вооруженной роте численностью в 168 человек, включая унтер-офицеров, и 1 пулемет, на каждую винтовку выделялось по 300 патронов и на пулемет – 1200. Все остальное оружие предписывалось

¹ См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... С. 182.

² См.: Валеховский Ф. Чехословаки в России. С. 28; Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... С. 183.

сдавать по прибытии в Пензу особой комиссией, в состав которой входили представители обеих сторон¹.

По имеющимся сведениям, корпус сдал оружие, указанное в договоре, за исключением арьергардных подразделений: 1-го имени Яна Гуса, 4-го и 1-го запасного полков, не успевших добраться до Пензы к моменту вооруженного выступления. Так, только к 4 апреля местному совету было сдано около 50 тыс. винтовок, 5 млн. патронов, 1200 пулеметов, 72 орудия и 3 аэроплана².

Серьезной причиной медленного передвижения чехословацких эшелонов стало отсутствие достаточного количества подвижных средств из-за разрухи на транспорте.

28 марта, как сообщает И. Клаценда из Москвы, Советское правительство предписало всем железным дорогам содействовать быстрейшему продвижению чехословацких эшелонов³.

Комиссар чехословацких эшелонов П.И. Макса признавал, что чехословаки требовали от властей в то время практически невозможного – бесплатного передвижения 70 поездов с 55000 человек на расстояние 9000 километров, тогда, как в России железнодорожное сообщение было настолько разрушено, что население неделями ждало поезда⁴.

Захват подвижного состава, имевший место на Украине, продолжился и после того, как чехословаки оказались на российской территории. На станции Бобров они захватили паровоз от почтового поезда, а на станции Лукашевка – тысячи тонн продовольствия и фуража. В ответ командование Московского военного округа дало распоряжение местным советам об остановке и разоружении эшелонов с чехословаками. Это указание вызвало рост возмущения и недовольства у командиров некоторых подразделений корпуса. Командир 2-й дивизии генерал Н. Подгарецкий отреагировал на это тем, что с вооруженным кон-

¹ См.: Цветков В. Мятёж. Чехословацкий корпус на полях гражданской войны // Родина. 2001. № 6. С. 55.

² См.: Рябиков В.В. Центросибирь. Новосибирск, 1949. С. 62.

³ Чехословенски денник. 1 апреля 1918.

⁴ АВП РФ, ф. 4, оп. 4, д. 53922, л. 1.

воем ворвался к В.В. Кураеву, председателю Пензенского совета, и угрожал повесить его, если приказ не будет отменен, а командир 8-го полка полковник А. Писаренко на одной из станций «устроил вооруженную демонстрацию»¹.

Совет Народных Комиссаров направил в Пензу предписание удалить из корпуса «контрреволюционный командный состав». Чехословацкое командование вынуждено было уволить 30 марта 1918 г. наиболее радикальных командиров: генерала Н. Подгарецкого, командиров 7-го и 8-го полков полковников В. Смуглова и А. Писаренко. Всего было уволено 15 русских офицеров².

Местные советы также попытались решать проблему с транспортировкой чехословаков по их территории. Председатель Центросибири (Центральный Исполнительный Комитет Советов Сибири) Н.Н. Яковлев по факту отправки Чехословацкого корпуса во Францию через Владивосток, в своей телеграмме Совнаркому и совдепам близлежащих регионов заявил, что «Центральный Исполнительный комитет Советов Сибири считает сосредоточение этих сил там опасным и недопустимым, поэтому обратился к Омскому военному комитету с требованием задержать дальнейшее продвижение эшелонов...Центросибирь категорически требует от всех местных совдепов и железнодорожников немедленного разоружения и приостановки движения чехословацких эшелонов. Оружие должно быть сдано полностью в штабы военных округов...Мы категорически требуем отправки их через Архангельск»³. Такие оценки и заявления, по мнению диссертанта, показывают, что были разрешены далеко не все вопросы, связанные с передвижением чехословацких эшелонов. Требовалось боль-

¹ См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... С. 181.

² В чехословацком корпусе продолжали оставаться как русские генералы: командир корпуса В.Н. Шокоров, начальник штаба корпуса М.К. Дитерихс, командир 1 дивизии Н.П. Коломенский, так и русские офицеры: начальник штаба 1 дивизии полковник А. Леонтьев, временный начальник штаба 2 дивизии подполковник Б.Ф. Ушаков, командиры полков: 1-го капитан А.П. Степанов, 3-го подполковник С.Н. Войцеховский. В корпусе по-прежнему оставался довольно высоким процент офицеров: 1 офицер приходился на 16 рядовых. (См.: Софинов П. Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. 1940. № 12. С. 48).

³ ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 636, л. 12 – 14.

шее вмешательство СНК РСФСР, но слабость центральной власти препятствовала этому.

Председатель Чехословацкого Национального Совета Т.Г. Масарик предполагал, что местные советы будут препятствовать передвижению эшелонов. Главную причину он видел в том, что большевистский режим не был еще централизован и страна распадалась на автономные части¹. Эти предположения оправдались. Но, как полагает диссертант, такие препятствия объяснялись не столько злой волей местных властей, сколько закономерным опасением вмешательства регулярных воинских частей, каковыми были чехословацкие формирования, во внутреннюю жизнь российских регионов.

Указаниями местных советов относительно чехословацких эшелонов были удивлены даже официальные лица, занимавшиеся непосредственно обеспечением перевозки чехословацких эшелонов по территории России. Например, в своей телеграмме В.И. Ленину, датированной 5 апреля 1918 г., представитель СНК по передаче чехословацких революционных эшелонов С. Лукьянов сообщал: «Чехословаки честно выполнили все условия договора и согласно условиям Совнаркома у них находится только оружие, крайне необходимое для самозащиты, но несмотря на это, во всех больших городах: Сызрань, Самара, Уфа, Челябинск – местные власти требуют сдачи всего оружия, которое Совнарком разрешил было оставить при эшелонах»².

Народный комиссар путей сообщения В.И. Невский в телеграмме народному комиссару по военным и морским делам Л.Д. Троцкому сообщал, что им получена телеграмма от председателя коллегии по передвижению войск на Самаро-Златоустовской железной дороге Н. Асланова, в которой он требует остановки чехословацких эшелонов в Сибири любой ценой, но при этом обращает внимание на то, что военное ведомство не только не принимает, но и не дает

¹ См.: Масарик Т.Г. Мировая революция ... С. 223.

² ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 636, л. 16.

принимать никаких мер. Несогласованные распоряжения по отправлению задержке этих эшелонов, вносили окончательную неясность в движение поездов¹.

В это же время И.В. Сталин отправляет телеграмму в Красноярск, где дает разъяснение по поводу передвижения чехословацких эшелонов, ссылаясь на то, что прежнее распоряжение, данное в марте 1918 г. ввиду изменившейся политической обстановки во Владивостоке изменилось. Высадка японского десанта сделала свои коррективы в условия соглашения. Нарком по делам национальностей требовал уже полного разоружения чехословацких эшелонов и подтверждал требование о пропуске их на восток «маленькими частями и с перерывом, ни в коем случае ни вместе». При этом он подчеркивал, о невозможности изменения направления движения чехословацких эшелонов: «В Архангельск их нельзя!.. Другого пути нет»².

Разногласия между центральной и местной властями по вопросу передвижения чехословацких эшелонов не могли не вызвать подозрений командования Чехословацкого корпуса. Оно полагало, что Советское правительство лукавит, говоря о беспрепятственном передвижении эшелонов Чехословацкого корпуса на восток. В своей телеграмме Председателю Совета Народных Комиссаров С. Лукьянов отмечал, что за «неимением никаких указаний от Совнаркома чехословаки крайне возбуждены такой ненормальностью со стороны местных властей и нежеланием исполнять приказания Совнаркома»³.

Данное обстоятельство еще раз доказывает тот факт, что, принимая решение о переброске чехословацких эшелонов через всю Россию, власти не проработали должным образом вопрос об обеспечении их всеми необходимыми материальными средствами: паровозной тягой, топливом, продуктами питания. Отсутствовала четкая организация передвижения их по всему протяжению маршрута. Это приводило к сбоям в работе железной дороги и вызывало недо-

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 636, л. 23.

² Там же, л. 20 а.

³ Там же, л. 16.

вольство не только у самих чехов, но и выводило из равновесия местные власти и начальников железных дорог.

Вот как сообщали В.И. Ленину о прибытии эшелонов с чехословаками из Купянска: «Временный неприем Юго-Восточной железной дороги по Купянску был вызван совершенно неожиданным наплывом чехословацких эшелонов, которых было за 1 сутки принято от всяких норм за 18 февраля тринадцать эшелонов»¹. Подобные телеграммы приходили в Совнарком и спустя месяц. В конце марта в Совнарком поступила телеграмма из Воронежа, в котором говорилось, что «в пределах района 23 марта находится 58 эшелонов чехословацких полков, которые загружены по распоряжению Главкомверха В.А. Антонова-Овсеенко. Крайне стесняют дороги района, благоволите содействовать и освободить район от этих эшелонов»².

Несогласованность и разногласия по решению вопроса, связанного с направлением и порядком транспортировки Чехословацкого корпуса, между центральной властью и Центросибирью после переговоров 5-7 апреля формально были устранены, но фактически сбои из-за низкой организованности и плохой материальной обеспеченности железной дороги не прекращались. Продолжались случаи самозахвата подвижного состава со стороны чехословацких войск.

После переговоров поток эшелонов был ограничен до двух в сутки, затем вырос до 4. К концу апреля пропускная способность железной дороги снизилась до 1 эшелона через сутки и в конечном итоге стала равна нулю³.

Автором было установлено, что на тот период на политику командования Чехословацкого корпуса активно влияла агитация контрреволюционных сил, находящихся в Поволжье и Сибири.

Социалисты и либералы России первоначально были настроены против формирования большого чехословацкого войска, называя чехов и словаков

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д.636, л. 6.

² Там же, л. 7.

³ Там же, л. 24.

«шовинистами»¹. После октябрьских событий в России идейная борьба между сторонниками различных направлений развития российской государственности переросла в более активную фазу. Произошел надлом в отношениях крупных политических партий, которые по-разному видели разрешение проблем войны, мира и революции. Наиболее яркими представителями этой борьбы были правые эсеры, меньшевики и большевики. Ситуация противостояния наиболее массовых и авторитетных партий осложнилась до предела и приобрела оттенок вооруженной борьбы после того, как большевиками было разогнано Учредительное собрание и подписан в начале марта 1918 г. Брест – Литовский мирный договор между Советским правительством и Германией.

Эсеры, со времен царизма не пренебрегавшие методами вооруженной борьбы. Сознавая, что в центре страны большевизм опирается на значительные массы пролетарского населения, они начали переброску своих сил на восток – в Поволжье и Сибирь². Зимой – весной 1918 года там возникло эсеровское подполье, вооруженную силу которого составляло офицерство.

Официальное решение о политике и тактике действий эсеров после роспуска Учредительного собрания и разгона большевиками Советов в 18 городах центральной России принял состоявшийся в мае 1918 года VIII съезд партии эсеров. В соответствии с документами ЦК эсеров основные силы направлялись на восток страны – в Сибирь, Поволжье и на Урал, которые должны были стать центрами борьбы за свержение Советской власти.

К началу лета Среднее Поволжье было опутано довольно густой сетью контрреволюционных сил: в Казани действовали офицеры генерала И. Попова и савинковцы, многие из которых после раскрытия заговора органами ВЧК в конце мая переехали в Самару, где вели подпольную жизнь

По словам эсера П.Д. Климушкина, «уже тогда можно было вызвать гражданскую войну, но ... это кончилось бы печально, ибо реальных сил для под-

¹ См.: Масарик Т.Г. Мировая революция ... С. 180.

² См.: Иоффе Г. Играть с огнем в деревянных домах опасно // Московские новости. 1992. 12 июля.

держки движения со стороны населения и рабочих не было»¹. Поясняя это положение, он говорил: «Мы начали усиленную агитацию ... и убедились, что среди рабочих таких сил создать нельзя. Мы обратили внимание на солдат, главным образом офицерскую массу. Но сил было мало, ибо никто не верил в возможность свержения большевистской власти... И так, на город надежды не было. Наше внимание все больше стало переноситься в деревню... Работа была медленная ... мы видели, что если в ближайшее время не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя. Апатия стала захватывать все большие и большие слои. Дружины начали разлагаться»².

Большинство населения к идее Гражданской войны относилось пассивно. Сказывалась накопившаяся усталость от только что пережитых испытаний Первой мировой и удаленность народных интересов от политики вообще, особенно крестьянства. Поэтому рабочие и крестьяне с большой неохотой шли служить в Белую и Красную Армии. Крестьяне Симбирского уезда на своем съезде еще в ноябре 1917 года требовали от большевиков прекращения «междоусобной гражданской войны»³.

Кроме того, с наступлением сезона полевых работ село с головой ушло в свои хозяйственные заботы.

Наконец, немаловажную, если не главную роль играла сама власть. Выступление против нее многим казалось авантюрой лишь потому, что большевики держали ситуацию под жестким контролем и решительно подавляли очаги сопротивления за счет быстрой переброски эшелонами красногвардейских отрядов из одного города в другой, причем эти отряды, как правило, состояли из бойцов интернационалистов или рабочих других губерний⁴.

¹ Речь А.П. Климущкина // Вестник Комуча. 1918. 6 сентября. (Самара).

² Там же.

³ См.: Резолюция крестьянского съезда // Симбирское слово. 1917. 2 ноября.

⁴ См.: Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье 1918 – 1919 гг. Куйбышев, 1974. С. 60 – 62.

Расправы были жестокими. «Око за око, зуб за зуб», – писала по поводу восстания в Саратове 22 мая газета «Правда». «Восстание лавочников, кулаков должно быть беспощадно и до конца подавлено»¹.

Крутые меры, по мнению руководства РСФСР, должны были сдерживать действия контрреволюционного подполья и открытое проявление недовольства народных масс, которое представляло реальную угрозу для существования Советской власти. «Не допускайте никаких восстаний... расправляйтесь беспощадно со всеми, иначе ... советская власть погибнет», – телеграфировал В.И. Ленин В. Антонову-Саратовскому².

Нужна была внешняя сила, которая всколыхнула бы массы и влила энергию в разлагавшиеся боевые дружины, оказала бы действенную помощь слабым подпольным организациям, как, – сила подобная борьбе уральских казаков, которая повлияла на активность населения Саратовской губернии, где в мае 1918 г. после первого неудачного похода красных на Уральск восстали Пугачевский и Новоузенский уезды. В них сразу же стали возникать многочисленные крестьянские отряды типа «Семеновской» или «Краснореченской» дружин численностью 1000 и 700 человек соответственно³.

Такой силой стал Чехословацкий корпус, части которого, отказавшись подчиниться требованию о сдаче оружия, в конце мая подняли восстание.

На всем протяжении пути чехословацких войск контрреволюционно настроенные офицеры входили в связь с чехословацким командованием. Доказательством тому может служить фрагмент из воспоминаний майора Я. Кратохвила, командира батальона 6-го чехословацкого полка: «Русские офицеры, которыми была переполнена Западная Сибирь, возбуждали и поддерживали в нас недоверие к советской власти. Уже давно до выступления, на станциях, где мы задерживались на большое время... уговаривали нас к насильственному высту-

¹ Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье 1918 – 1919 гг. С. 60 – 62.

² Там же. С. 67.

³ См.: Кутяков И. С Чапаевым по Уральским степям. Борьба с Уральской чехословацкой контрреволюцией. М. -Л., 1928. С. 45 – 46.

плению.... От офицеров в вагонах чехословацких поездов часто принимались донесения, они играли для нас роль шпионов. Позже, перед самым выступлением, они своей помощью содействовали удачным действиям, так как доставляли планы городов, размещения гарнизонов и т.д.»¹.

Но первые шаги в переговорах эсеров с чехословаками ни к чему не привели. Эсер И.М. Брушвит, приехавший в Пензу для переговоров с чехословаками, сразу же после их первого выступления был встречен прохладно. Ему сообщили, что части корпуса следуют во Францию и не желают вмешиваться во внутренние дела России². Чехословаки сначала не верили в силу и способность эсеров возглавить движение против Советской власти. Ситуация изменилась только после майских событий, о которых диссертант будет говорить позднее, послуживших катализатором восстания Чехословацкого корпуса против власти большевиков.

¹ Кратохвил Я. Путь революции. Прага, 1922. С.19.

² См.: Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М., 1923. С.47 – 48.

Выводы по 1 разделу

1. Проведенное автором исследование показало, что формирование первого чехословацкого воинского подразделения, иначе «чешская дружина», на территории России с августа 1914 г. носило политический характер. Так, проживающие на территории России чехи и словаки пытались, во-первых, создать в пределах России ядро будущей национальной армии, которая бы стала гарантом восстановления свободной Чехии, во-вторых, решить проблему благополучного проживания чехов и словаков в России и ведения ими предпринимательской деятельности в период и после Первой мировой войны. А Российское руководство видело в них будущих зачинателей национального движения на территории Австро-Венгрии.

«Чешские дружины» формировались в России сначала из числа колонистов, проживающих на территории России. Такое решение было принято представителями чешских общин на основе царского манифеста о борьбе славянства с германизмом.

2. Усилиями политических лидеров чехословацких обществ в России и Чехословацкого Национального Совета наладилась работа по набору добровольцев в чехословацкие части из числа военнопленных. На основе «чешских дружин» к концу декабря 1915 г. был сформирован полк, а к маю 1916 г. – чехословацкая бригада, подразделения которых были прикомандированы к частям русской армии.

Разрешение на формирование Чехословацкого корпуса, как отдельного чехословацкого соединения в составе русской армии было получено только в сентябре 1917 г. Его статус позволял применять его только против внешних врагов России: Австро-Венгрии и Германии. К началу декабря 1917 г. формирование Чехословацкого корпуса в России было завершено. Он состоял из двух дивизий, запасной бригады, подразделений артиллерии и насчитывал в своих рядах свыше 50 тыс. человек.

После революционных октябрьских событий в России и начала активной политики Советского правительства по выходу России из войны Чехословац-

кий корпус в январе 1918 г. получил статус чехословацкого легиона в составе французской армии.

3. Анализ многочисленных источников и материалов свидетельствует, что процесс формирования Чехословацкого корпуса был сложным и неравномерным вследствие проводимой политики правительств, существовавших в России в 1914 – 1917 гг.

Царское правительство, которое видело себя в будущем основным строителем чехословацкого государства и не разделяла взгляды Союза чехословацких обществ, ориентированные на Францию как на образец республиканского устройства государства, препятствовало ускоренному формированию чехословацкого войска. Оно видело военнопленных чехов и словаков, прежде всего на оборонных предприятиях, а не на передовой, считая их людьми «второго сорта».

С приходом к власти в России после Февральской революции Временного правительства дало надежду ЧСНС на скорейшее решение проблемы комплектования чехословацких военных формирований.

Однако, диссертант пришел к выводу, что Временное правительство изначально не стремилось форсировать комплектование чехословацких частей. И только после неудач на фронтах летом 1917 г. оно активизировало деятельность по созданию отдельного чехословацкого войска в составе русской армии.

Определенная осторожность, с которой российские власти подходили к формированию Чехословацкого корпуса, оказалась оправданной. Наличие на территории страны иностранного военного формирования, тем более из военнослужащих армии противника, пусть и военнопленных, было чревато дестабилизацией внутренней обстановки, фактором серьезного риска. Собственно, деятельность корпуса, начиная с 1918 г., это ярко подтвердила.

4. К концу 1917 г. хорошо организованный и боеспособный Чехословацкий корпус стал привлекать к себе противоборствующие силы, которые вели политическую борьбу за склонение его на свою сторону.

Большевики, преследуя цель заключения мирного договора с Германией, предлагали командованию корпуса прекратить ведение активных боевых действий. Чехословацкий корпус, по их замыслу, должен был стать революционной армией. Однако это не входило в планы, чехословацкого командования, которое, в то же время, не поддержало и предложения белых генералов и эсеров выступить против большевиков.

В сложившихся нелегких условиях командование Чехословацкого корпуса, являющегося частью союзнических войск, пыталось соблюдать нейтралитет в отношении всего происходящего в России и не вмешиваться во внутренние дела.

В феврале-марте чехословацкие части на основе договоренностей с командованием армии Южной России и Советским правительством стали покидать линию фронта и выдвигаться через всю Россию во Владивосток для отправки во Францию.

Успешному движению чехословацких эшелонов на восток мешал ряд проблем: необходимость оторваться от идущих по пятам немецких войск, которые всячески препятствовали перемещению чехословацких войск на Западный фронт; согласование норм перевозок оружия; решение вопроса с передвижным транспортом; урегулирование отношений с представителями Советского правительства, которые проводили агитацию среди чехословацких подразделений в целях вовлечения их в ряды своей революционной армии; стремление антибольшевистских сил склонить на свою сторону Чехословацкий корпус.

РАЗДЕЛ II. Чехословацкий корпус в борьбе против Советской власти в 1918 г.

Антисоветское вооруженное выступление (по ранее устоявшейся в литературе терминологии – мятеж) Чехословацкого корпуса в мае-июне 1918 г. на протяжении длительного времени, начиная с 20-х годов прошлого века, в отечественной историографии считалось событием, положившим начало Гражданской войне в России¹. Советские историки при этом учитывали ленинское, определение хронологических рамок войны: «...от чехословаков и «учредиловцев» до Врангеля, 1918-1920 годов»². Главной причиной мятежа объявлялись «происки держав Антанты», якобы принимавших самое активное участие в его подготовке и осуществлении. Сам же мятеж, по утверждению политических лидеров Советской Республики и ряда историков, был заранее спланированным актом, направленным на свержение Советской власти³.

В то же время ряд исследователей, особенно тех, кто работал над проблемой в последнее десятилетие, считает, что причиной вооруженного вы-

¹ См., например: История внешней политики СССР: В 2 т. М., 1976. Т. 1, С. 74; История СССР. Эпоха социализма. 3-е изд.. М., 1983. С. 115.

² Ленин В.И. Новые времена, старые ошибки в новом виде. // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 103. См. также: Т. 37. С. 1, 69, 145 – 146; Т.40. С. 176.

³ См.: Беус А. Крах восточной интервенции. Л., 1931; Валеховский Ф. Чехословаки в России. Екатеринбург, 1918; Веселы И. Чехи и словаки в революционной России 1917 – 1920 гг. М., 1965; Волков Ф.Д. Новые документы об использовании пленных чехословаков для интервенции против Советской России // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 103 – 107; Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и военные формирования в России 1914 – 1921 гг. М., 1965; Минц И.И. Год 1918-й. М., 1982; Подвойский Н.И. Правда о чехословаках. М., 1918; Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. Куйбышев, 1937; Софинов П. Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. 1940. № 12. С. 47 – 60; Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940; Шмераль Б. Образ Чехословацкой республики в 1918 г. М., 1967; Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. М., 1960; Из истории гражданской войны и интервенции 1917 – 1922 гг. Сборник документов. М., 1974; Гражданская война в СССР: В 2 т. М., 1980.

ступления корпуса послужила непоследовательная политика Советского правительства. Оно своими действиями или, наоборот, бездействием заставило командование Чехословацкого корпуса усомниться в способности разрешить судьбу легионеров в соответствии с ранее достигнутыми договоренностями и подтолкнуло чехословаков к самостоятельным действиям¹.

По мнению диссертанта, ни одна, ни другая точка зрения не могут сегодня считаться достаточно аргументированными. Он разделяет точку зрения тех исследователей, которые, определяя причины и хронологические рамки Гражданской войны, не увязывают их напрямую с мятежом чехословаков, а закономерно отдают предпочтение социально-политическим предпосылкам, созревшим внутри самого российского общества.

Что же касается непосредственных причин вооруженного выступления корпуса, то они, как убежден диссертант, не сводимы к интересам и действиям какой-то одной стороны, а представляют собой комплекс, переплетение политических и военных замыслов и действий как сил, непосредственно втянутых в конфликт, – чехословаков и Советской власти, так и внешних сил в лице Германии и стран Антанты.

Прежде всего проанализируем, каковы были действия Советской власти по отношению к корпусу и насколько она была свободна в этих действиях, учитывая давление третьей стороны – бывшего противника по первой мировой войне – Германии. Важнейшим дипломатическим актом, потребовавшим корректировки отношений органов Советской власти и командования Чехословацкого корпуса, стал Брестский мирный договор, подписанный 3

¹ См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и военные формирования в России 1914 – 1921 гг. М., 1965; Волков Е.В. Дневник Е.В. Войцеховского: новые штрихи к выступлению чехословацкого корпуса в мае 1918 г. //Белая армия. Белое дело. 2001. № 9. С. 90 – 99. Екатеринбург; Воронов В.Н. Вооруженные формирования на территории Сибири в период Гражданской войны и военной интервенции 1917 – 1922 гг. М., 1999; Константинов С.И. Выступление чехословацкого корпуса: детонатор Гражданской войны или возможной ее альтернативы? // Урал в событиях 1917 – 1921 гг.: Материалы регионального семинара, 24–25 апреля 1999 г. Челябинск, 1999. С. 56–72.

марта 1918 г. Советским правительством и правительством Германии. Согласно его условиям, Россия, как нейтральное государство не должно иметь на своей территории иностранные военные формирования¹. Это условие ставило хоть и частично вооруженный Чехословацкий корпус вне закона. Подтверждением такого положения корпуса стала нота по чехословацкому вопросу, адресованная народным комиссариатом по иностранным делам РСФСР, Американскому, Великобританскому, Французскому и Итальянскому представителям в Москве в июне 1918 г.²

В то же время германское командование было заинтересовано, чтобы эвакуируемый из России корпус как можно позднее прибыл в Европу, а то и вовсе застрял на ее территории. Обеспечив свои тылы на востоке заключением мира, Германия предприняла во второй половине марта 1918 г. решительное наступление во Франции, и появление на театре военных действий чехословаков никак не входило в ее планы. Поэтому немецкая дипломатия оказывала на Москву серьезное давление, с тем, чтобы любой ценой задержать корпус в российской глубинке на возможно больший срок³.

Правительство РСФСР пыталось выйти из непростой политической ситуации, учитывая ту неустойчивость, которой отличалось международное положение молодого пролетарского государства весной 1918 г.

Ситуация осложнялась тем, что 5 апреля 1918 г. японцы под надуманным предлогом защиты своих граждан высадили десант во Владивостоке, то есть предприняли явную интервенционистскую акцию⁴. К тому же активизировалась деятельность контрреволюционных сил, в первую очередь, подчиненных атаману Г.М. Семенову.

¹ См.: Документы внешней политики СССР: В 2 т. М., 1957 – 1958 Т. 1. С. 119 – 124.

² См.: Внешняя политика СССР 1917 – 1944 гг.: В 2 т. М., 1944. Т. 1. С. 91 – 92.

³ См.: Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 2. С. 284.

⁴ См.: Документы внешней политики СССР... С. 225.

Боясь крупномасштабных боевых действий со стороны Германии и ее союзников Народный комиссар по иностранным делам Г.В. Чичерин отправил 21 апреля срочную телеграмму в адрес Красноярского совета с требованием, чтобы были приняты все меры по приостановке переброски «чехословацких отрядов» на восток. Одновременно с этим Г.В. Чичерин просил начать эвакуацию германских пленных в европейскую часть России в связи с японским наступлением в Сибири¹. Германская сторона явно беспокоилась, чтобы ее соотечественники, находившиеся в России как военнопленные, не попали в руки японцев – противников по продолжавшейся мировой войне. Тем более, что в соответствии с Брест – Литовским миром все военнопленные должны вернуться на родину².

Ситуация усугублялась тем, что немцы, пользуясь слабостью молодого государства и прогерманской политикой Украинской рады, наступали в юго-восточном направлении, захватывая украинские и прилегающие к ним российские территории, несмотря на Брестский договор. В такой ситуации большевики попробовали выяснить, готовы ли союзники остановить немецкое наступление собственными силами.

Л.Д. Троцкий вел военные переговоры со странами Четверного соглашения, которые продолжались, как указывает переписка Государственного секретаря с Президентом США Лансинга и В. Вильсона, вплоть до лета 1918 г. Один из рассматриваемых вопросов касался интервенции в Россию союзнических войск через Мурманск и Владивосток³.

Во второй половине апреля 1918 г. в связи с угрозой германского наступления на севере Высший Военный Совет республики принял решение «использовать чехословацкие эшелоны для охраны Мурманского края, его побережья и Мурманской железной дороги». Однако предварительно англи-

¹ Цит. по: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... С. 196.

² См.: Документы внешней политики СССР... С. 123.

³ См.: Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России: Документы и материалы. Владивосток, 1997. С. 177 – 178.

чане и французы должны были дать гарантию, что «чехословаки не будут использованы во вред Российской республике»¹. Такое подтверждение было получено только через месяц².

21 апреля 1918 г. военный руководитель Высшего Военного Совета Республики М. Д. Бонч-Бруевич, напоминает Л.Д. Троцкому о том, что вопрос нужно решать быстрее, поскольку военная обстановка сложилась таким образом, что «с делом закрепления и охраны Мурманского края, побережья и железной дороги надо торопиться»³.

В начале мая 1918 г. командование вооруженных сил Четверного соглашения (главным образом по настоянию Великобритании) приняло решение, что части легиона, находящиеся все еще западнее Омска, не будут следовать во Владивосток, а повернут на север, в Архангельск и Мурманск, где получат дальнейшие распоряжения. Москва против этого не возражала так как считает диссертант это укрепляло позиции союзников на севере России и следовательно устраняло угрозу со стороны стран Тройственного союза. Но такое решение, как указывал представитель ЧСНС в России П. Макса в своих воспоминаниях, вызвало недовольство среди чехословаков⁴.

В действиях Советского правительства чехословаки видели скрытую немецкую интригу с целью «загнать оставшиеся чехословацкие войска на безлюдный Мурман и там заморить их голодом». Все это происходило в условиях усилившейся агитации со стороны эсеров и других политических партий антибольшевистского лагеря, что вызывало дополнительное недоверие среди чехословаков⁵.

Политика «лавирования, выжидания» в отношении чехословаков не могла не привести в конечном итоге к противоречию указаний уже на уровне Советского правительства. Подтверждением этому может служить просьба

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 574, л. 21.

² АВП РФ, ф. 4, оп. 4, д. 53922, л. 1.

³ ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 574, л. 21.

⁴ АВП РФ, ф. 4, оп. 4, д. 53922, л. 1.

⁵ Там же.

Председателя Центросибири Н.Н. Яковлева, изложенная им в телеграмме В.И. Ленину 25 апреля 1918 г. В телеграмме он просит дать совет, как действовать в дальнейшем по отношению к чехам: «Троцкий настаивает на пропуске чехословаков. Мы, относясь к этому отрицательно, пропускаем во Владивосток. Несколько эшелонов прошло. Теперь Чичерин протестует против пропуска. Как же быть, уладьте, сообщите»¹.

В мае 1918 г. Центральный Комитет утвердил ленинские «Тезисы о современном политическом положении». В тезисах назывались признаки, указывающие на возможность соглашения между странами антигерманской коалиции на основе общей программы предъявления России ультиматума: либо война с Германией, либо интервенция. С другой стороны, в германской политике военная партия готова была взять верх в вопросе о немедленном общем наступлении против России. В условиях предъявления ультиматума с обеих сторон, угрозы внутренней контрреволюции, разрухи, безработицы и голода, когда военная подготовка страны к отпору внешним и внутренним врагам была еще не закончена, в области внешней политики Советской власти «...общим лозунгом, – указывалось в тезисах, – остается по-прежнему: лавировать, отступить, выжидать, продолжая эту подготовку изо всех сил».

Возможность военных соглашений с одной из коалиций против другой с целью парализовать наиболее опасный натиск и укрепить положение Советской власти в принципе не отвергалась. В тезисах указывалось, что в данный момент Советское государство не может пойти на разрыв Брестского мира и заключение военного соглашения с англо-французской коалицией, ибо «...реальную важность для нее имеет отвлечение войск Германии с Запада, т. е. продвижение многих японских корпусов внутрь Европейской России, а это условие неприемлемо, как полный крах Советской власти. Если бы ультиматум такого рода предъявила нам англо-французская коалиция, мы бы ответили отказом, ибо опасность японского движения может быть парализована с меньшими трудностями (или может быть оттянута на более продолжи-

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 636, л. 26.

тельное время), чем опасность занятия германцами Питера, Москвы и большей части Европейской России»¹. Таким образом, в середине мая 1918 г. во внешней политике Советское правительство ориентировалось на сотрудничество с Четверным союзом.

Напряжение в чехословацком корпусе, помимо всего прочего, нагнеталось из-за того, что маршрут следования его эшелонов нередко пересекался с движением других категорий военнопленных – немцев, австрийцев, венгров, которые эвакуировались в западном направлении по согласованию с германским правительством, опасавшимся за их судьбы после высадки японского десанта во Владивостоке в апреле 1918 г. Каждая из сторон воспринимала другую враждебно, не случайно уже в первой половине мая были отмечены случаи вооруженных стычек между ними.

Проанализировав материалы, имеющиеся в распоряжении историков, диссертант пришел к выводу о том, что один из таких конфликтов, наиболее ожесточенный, происшедший 14 мая 1918 г. на станции Челябинск, и стал непосредственным началом мятежа Чехословацкого корпуса. Железным слитком, брошенным из проходившего поезда с бывшими военнопленными, вступившими в РККА, был тяжело ранен чешский легионер Ф. Духачек. Чехи задержали эшелон, избив нескольких следовавших в нем военнопленных, а мадьяра И. Малика, якобы виновника происшедшего, закололи штыками.

Расследовавшая данный инцидент комиссия, созданная Челябинским советом, 17 мая арестовала 10 чехословаков. В ответ командование 3-го и 6-го чешских полков, следовавших через станцию, потребовало освободить арестованных. Несмотря на согласие комиссии, подполковник С.Н. Войцеховский в тот же день с подразделениями своего полка осадил вокзал, арестовал коменданта, разоружил охрану и захватил вагоны с оружием. Вооруженные батальоны 6-го полка окружили центр города, разоружили красно-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 322 – 326.

армейцев, захватили арсенал, военный комиссариат, произвели в нем обыск и перерезали телефонную линию¹.

В докладе 19 мая в СНК из Омска от председателя Западно-Сибирским Советом депутатов А. Косарева сообщалось, что в Челябинске и Исилькуле произошли вооруженные конфликты между чехословаками и местными советами, офицеры чехословаки ведут агитацию против интернационалистов из числа военнопленных. Восставшие чехи держали Челябинск в своих руках четыре часа, захватив склады с оружием². Большевистская следственная комиссия, не вдаваясь в подробности случившегося, арестовала некоторых чешских солдат и потребовала полного разоружения находившихся на станции эшелонов. После этого инцидента, как показали дальнейшие события, центральные и местные власти отбросили всякие сомнения, относительно того, что нужно ли разоружать чехословаков³.

Народный комиссар по военным делам Л.Д. Троцкий 21 мая 1918 г. направил железнодорожным организациям всей сети Республики и военным комиссариатам телеграмму с требованием остановить продвижение на восток. Чехословацкие части должны были влиться в Красную Армию либо превратиться в «трудовые батальоны»⁴. Через несколько дней им же был издан приказ следующего содержания: «...все Советы по железной дороге обязаны под страхом тяжкой ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на железнодорожной линии, должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный, должен быть выброшен из вагонов и заключен в лагерь для военнопленных. Местные военные комиссариаты обязуются немедленно выполнять этот приказ. Всякое промедление будет равносильно бесче-

¹ См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... С. 202.

² ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д.636, л. 28.

³ См.: Документы внешней политики СССР... С. 357; *Za svobodu*. D. I. S. 158 – 159.

⁴ См.: Максаков В., Турунов А., Хроника гражданской войны в Сибири, 1917 – 1918 гг. М.; Л., 1926. С. 168.

стной измене и обрушит на виновных суровую кару. Одновременно посылаются в тыл чехословацким эшелонам надежные силы, которым поручено проучить мятежников. С честными чехословаками, которые сдадут оружие и подчинятся советской власти, будет поступлено как с братьями... Ни один вагон с чехословаками не должен двигаться на восток...»¹.

Диссертантом обнаружен и другой документ, свидетельствующий о том, что перед военным командованием была поставлена задача прекратить дальнейшее движение корпуса, а его части разоружить. Так, в конце мая 1918 г. заведующий Оперативным отделом Народного комиссариата по военным делам С.И. Аралов в телеграмме военным властям Пензы потребовал немедленно принять меры к задержанию, разоружению и расформированию всех эшелонов и частей Чехословацкого корпуса с последующим формированием из них красноармейских и рабочих артелей².

После челябинского инцидента в Москве 21 мая 1918 г. были арестованы представители ЧСНС Б. Чермак и П. Макса. В этот же день они отдали корпусу приказ о немедленной сдаче оружия под угрозой объявить всех ослушавшихся вне закона и начать против них борьбу³. Этот приказ вызвал разрыв взаимоотношений между представителями филиала ЧСНС в России и командованием корпуса. Последнее полагало, что все указания и директивы филиал ЧСНС в России будет отдавать теперь под жестким давлением Советского правительства.

Ответом на приказ о сдаче оружия стало постановление съезда депутатов Чехословацкого корпуса, проходившего в Челябинске 22 мая 1918 г.⁴ Руководство транспортировкой чехословацких войск было передано избранному на съезде Временному Исполнительному Комитету (ВИК). В него вошли 11 человек, в том числе командиры полков: 3-го – подполковник С.Н. Войцеховский, 4-го – поручик С. Чечек и 7-го – капитан Р. Гайда. Войцехов-

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 636, л. 33; См.: Приложение 4.

² РГВА, ф. 1, оп. 2, д. 28, л. 99 – 100.

³ АВП РФ, ф. 4, оп. 4, д. 53922, л. 1; РГВА, ф. 1, оп. 2, д. 28, л. 92.

⁴ См.: Приложение 5.

скому поручалось общее командование в районе Челябинска, Чечеку – в районе Пенза – Самара, Гайде – на западе и востоке от Новониколаевска.

Относительно приказов представителей ЧСНС и С.И. Аралова о сдаче оружия съезд единодушно постановил: «Оружия до Владивостока не сдавать, считая оружие гарантией безопасности в своем продвижении. Обеспечение учреждениями Советской Федеративной Республики ввиду неопределенности общего положения неудовлетворительно... Чехословацкий исполнительный кабинет не лишен надежды, что Советская власть не захочет препятствовать отходу революционных чехословацких войск, стремящихся на тот фронт, куда нас зовет интерес нашего народа...»¹

Совнаркому и П.И. Максе были направлены телеграммы одинакового содержания: «Съезд избрал исполнительный комитет для руководства передвижением. Не издавайте приказов, они не будут приниматься во внимание». В СНК также направили депешу об отказе сдавать оружие, «так как Советское правительство не может обеспечить свободный и беспрепятственный проезд корпуса...»².

Немедленно во все стороны были разсланы чехословацкие курьеры с требованием: «Оружия не сдавать, готовиться к бою». Это был фактически ультиматум, означавший начало боевых действий.

На практике действия чехословацких военнослужащих вылились в разоружение других частей, реквизиции, захват железнодорожного имущества и подвижного состава. Утром 26 мая член исполкома Мариинского совета Колесников успел сообщить по линии: «В Мариинске два эшелона чехов, стоявшие на стоянке, разоружили проходивший партизанский отряд, следовавший на восток для борьбы с Семеновым... Наступают на город. Все Советы просим слать немедленно революционные отряды. Шлите все, ибо это вызов Советской Федеративной Республике»³. Вечером этого же дня у ст.

¹ АВП РФ, ф. 4, оп. 4, д. 53922, л. 1.

² ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 636, л. 37 – 39.

³ ГАРФ, ф. 151, оп. 1, д. 11, л. 51.

Марьяновка произошли стычки между чехословаками и красноармейцами, попытавшимися разоружить их силой.

Ответственность за то, что дело дошло до вооруженного выступления, чешская сторона в телеграмме в Совнарком от 30 мая «перед всей Россией и перед миром» возложила на Советскую власть, которая, «помимо того, в лице военного комиссара Троцкого вела переговоры с чехословаками неискренним способом, обещая делегациям чехословаков одно и отдавая местным совдепам тайные распоряжения совсем другого рода»¹.

Диссертант не склонен приуменьшать те сложности, с которыми столкнулось командование корпуса. И до этого движение к Владивостоку было замедленным, далеко не всегда обеспеченным в материальном отношении. Теперь же, после того, как Советская власть отказала корпусу в лояльности и стала добиваться его разоружения и прекращения движения, трудности возросли многократно. Несколько десятков тысяч чехов и словаков оказались разбросанными на значительной территории чужой страны, по существу, во враждебном окружении, без связи с собственным правительством, без материальной поддержки. После челябинского инцидента даже сдача оружия уже не давала возможности продолжить эвакуацию. Разоружение и расформирование – такое требование Советского правительства вообще ставило под вопрос возвращение на родину если не всех, то большей части легионеров. Отсутствие какой-либо перспективы делала Чехословацкий корпус объектом воздействия различного рода политических, в первую очередь антибольшевистских, сил.

Однако не проще было положение и властей России. Чем дальше, тем больше выявлялась непродуманность ранее избранного варианта решения проблемы чехословацких военнопленных. При отсутствии собственной регулярной армии, в условиях наступления германских войск с запада и японских – с востока, при активизации контрреволюционных сил в различных районах страны согласиться на движение по собственной территории корпуса регу-

¹ ГАРФ ф. 130, оп. 2, д. 636, л. 66.

лярных войск иностранного государства, к тому же демонстрировавшего все меньшую лояльность к власти, значило усугублять опасность существовавшему и далеко не крепкому политическому режиму. С другой стороны, и реальных сил, чтобы разоружить и организационно разрушить корпус, у органов Советской власти не было. Надежды на то, что личный состав удастся легко распропагандировать и сформировать из него полноценные красноармейские части, как показало время, были излишне оптимистичными. В действиях органов власти, как центральной, так и местной, присутствовали и откровенные ошибки, и торопливость, и неопытность в такого рода делах.

Вероятно, лучшим выходом было бы разрешение создавшейся коллизии дипломатическими средствами. И определенные шаги по урегулированию возникшего конфликта предпринимались.

Во время переговоров с чехословацким командованием, проходивших в конце мая – начале июня 1918 г., советские представители указывали на то, что в случае немедленного прекращения военных действий и сдачи оружия чехословацкому корпусу будет предоставлена возможность беспрепятственно и в короткие сроки покинуть пределы России¹. В нотах наркоминдел Г.В.Чичерина, направленных 28 мая 1918 г. французскому генеральному консулу в Москве Гренару и дипломатическому представителю Англии Локкарту, также подчеркивалась готовность Советского правительства содействовать отправке чехословацких частей во Францию, но при обязательном условии их немедленного разоружения и то, что будут возвращены русские солдаты, оставшиеся во Франции². В опубликованном 30 мая в газете Правда сообщении Народного комиссариата по военным делам по поводу чехословацких эшелонов также указывалась необходимость их полного разоружения

¹ РГВА, ф. 1, оп. 2, д. 44, л. 51, 64, 65, 180 – 184; ф. 10, оп. 1, д. 32, л. 11 – 12, д. 240, л. 137 – 142; ГАРФ, ф. 151, оп. 1, д. 11, л. 99.

² См.: Документы внешней политики СССР... Т. 1. С. 326 – 327.

и «строжайшее подчинение предписаниям Народного Комиссариата по военным делам»¹.

П.И. Макса в своей телеграмме от 29 мая, направляясь в Пензу к месту проведения переговоров по урегулированию вооруженного конфликта, призывал соотечественников: «Наши товарищи совершили ошибку, выступив в Челябинске. Мы, как честные люди, должны принять на себя последствия этой ошибки. Еще раз от имени профессора Т.Г. Масарика призываю прекратить все выступления и соблюдать полное спокойствие. Это советует Вам и французская военная миссия. Несмываемым позором будет покрыто наше имя, если мы прольем хоть каплю братской русской крови и будем мешать русскому народу устраивать свои дела по своему желанию в тяжелое время самой напряженной революционной борьбы у нас на родине...»². Однако это обращение уже не оказало сколько-нибудь серьезного влияния на командование Чехословацкого корпуса, которое исполняло приказы ВИК.

4 июня С.И. Аралов телеграфировал местным советам: «...никаких переговоров на линии фронта и поездок в тыл чехам. Запрещены тов. Троцким, профессора Максу допускать к чехам нельзя. Строго за ним смотреть. Вы за него отвечаете»³.

На претензии Берлина о нарушении правительством РСФСР нейтралитета, в соответствии с Брест-Литовским договором. Что выразилось в намерении России пропустить хорошо вооруженный Чехословацкий корпус на Западный фронт для помощи англо-французам через Владивосток и Мурманск. Посол Советской республики в Германии А.А. Иоффе, как это следует из его телеграммы от 11 июня 1918 г. В.И. Ленину и Г.В. Чичерину, однозначно заявил германскому правительству, что восставшие чехословацкие

¹ См.: Внешняя политика СССР... М., 1944. Т. 1. С. 80 – 81.

² РГВА, ф. 1., оп. 1., д. 499, л. 47.

³ ГАРФ, оп. 2, д. 490, л. 44; РГВА, ф.1, оп. 2, д. 28, л. 44.

войска рассматриваются Советским правительством как бунтовщики и будут уничтожены¹.

Сам П.И. Макса по этому поводу в июле 1919 года вспоминал, что «к войску мы не попали, не потому что войско не хотело с нами говорить, а потому что нас не пустил к нему пьяный командир, матрос Попов и потому что наши ребята требовали свидания на своей стороне, а большевики на это не соглашались...»²

Диссертант, опираясь на изученные архивные документы, считает необходимым заострить внимание на вопросе о том, насколько обоснованным было господствовавшее в советской историографии мнение о вооруженном выступлении Чехословацкого корпуса как заранее спланированном и организованном странами Антанты³.

Выявленные факты позволяют утверждать, что такая однозначная постановка вопроса неверна. Во-первых, заявления политических лидеров Чехословацкого Национального Совета, прозвучавшие до середины мая 1918 г., указывали на однозначное намерение Чехословацкого корпуса эвакуироваться во Францию как можно быстрее, а до этого они требовали уважать законы страны пребывания. Так, Т.Г. Масарик, покидая Россию в марте 1918 г., в своем воззвании к чехословацким войскам призывал: «Пока будете в России, соблюдайте во всех ее внутренних делах строгий нейтралитет»⁴. В конце апреля он предложил союзникам наладить «более тесные отношения с большевистским правительством, вплоть до признания его де-факто»⁵ и возможности организации русской армии.

¹ ГАРФ, оп. 2, д. 490, л. 3.

² АВП РФ, ф.4, оп. 4, д. 53922, л. 2.

³ Вот как об этом было указано в телеграмме Народного комиссара по иностранным делам норвежскому поверенному в делах в Петрограде 19 октября 1918 г. «Изменческий мятеж чехословаков со всеми его последствиями был с самого начала более всего результатом влияния держав Согласия» (См.: Внешняя политика СССР... М., 1944. Т. 1. С. 143).

⁴ Масарик Т.Г. Мировая революция... С. 197.

⁵ Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России...

Во-вторых, в действиях восставших легионеров на захваченных территориях не прослеживается единой линии, что убедительно говорит об отсутствии четких, заранее разработанных инструкций. Так, некоторые из восставших эшелонов после пополнения материальных запасов оставляли города. Вот что телеграфировал, например, председатель Пензенского совета В.В. Кураев Председателю СНК В.И. Ленину: «...чехи заняли город, не тронули Советов. Они выбираются из Пензы, они оставят Пензу без боя. Они стремятся к своей цели. Вся история с чехами за последнее время есть грубейшая политическая ошибка...»¹

О другой линии поведения говорилось в информационной телеграмме комиссара транспорта и сообщений Центросибири В.В. Рябикова Советам Сибири и Дальнего Востока от 28 мая: «...Иркутский военный штаб предложил пришедшим чехам в числе около 1000 человек сдать оружие. Чехи отказались и захватили военный городок... Сегодня чехи согласились сдать оружие и отправляются на восток»².

В-третьих, на отсутствие заранее разработанного и доведенного до командования всех эшелонов плана действий, как полагает диссертант, также указывает не одновременность, а последовательность выступлений чехословацких групп: в Мариинске – 25 мая, Челябинске и Новониколаевске – 26 мая, в Пензе – 27 мая, Владивостоке – 29 июня 1918 г.

Свидетельства о стихийности мятежа имеются и у представителей антибольшевистского лагеря. Полковник А.Н. Гришин-Алмазов, донося 19 июня 1918 г. Совету министров Сибирского Временного правительства о вооруженном выступлении чехословаков, писал, что «...эти события произошли стихийно без достаточной подготовки»³.

С. 176 – 177.

¹ ГАРФ, ф. 130, оп.2, д.760, л. 126.

² Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России...С.194.

³ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 26, л. 4.

Наконец, открытое вооруженное выступление Чехословацкого корпуса совпало по времени со сменой руководящего политического органа: после съезда депутатов Чехословацкого корпуса реальная власть в нем перешла от филиала ЧСНС Временному Исполнительному Комитету. Представители филиала в это время находились в Москве и стали заложниками органов Советской власти. Нет сомнений, что такого не произошло, если бы мятеж готовился заранее.

Как считает диссертант, вопрос о реальном использовании чехословаков в интересах держав, осуществлявших военную интервенцию против России, возник только после начала вооруженного мятежа. Другое дело, что страны Антанты быстро сориентировались, насколько выгодным он может стать для них. Посланник США в Китае В. Рейнш писал 13 июня государственному секретарю Д. Лансингу о мятежных чехословаках: «...при небольшой моральной и материальной поддержке они смогут контролировать всю Сибирь в ущерб Германии. Они с симпатией относятся к русскому населению, страстно хотят быть полезными союзному делу... их выезд окажется чрезвычайно выгодным для Германии и еще более обескуражит Россию. Если бы их не было в Сибири, стоило бы доставить их туда издалека...»¹

В свою очередь, Государственный секретарь США информировал президента В. Вильсона 23 июня 1918 г. о возможности «сделать этот отряд умелых и лояльных войск ядром для военной оккупации Сибирской железной дороги...»².

Решение о применении Чехословацкого корпуса в войне «против немцев» окончательно было выработано странами Антанты, только после того, как Япония в двадцатых числах июня 1918 г. согласилась на интервенцию против России³. Правда, условие союзников о том, что японские войска «...будут продвигаться как можно далее на запад, чтобы войти в соприкосно-

¹ FR. 1918. Russia. Vol. 2. P. 206 – 207.

² См.: Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке... С. 196.

³ См. там же. С. 181.

вение с немцами», в Токио было отклонено. Императорское правительство объяснило это физической невозможностью продвинуться далее Восточной Сибири¹. Вот в этот момент, по мнению диссертанта, и было принято окончательное решение использовать «отряд умелых и лояльных войск» как авангард оккупации Поволжья и Западной Сибири.

«Державы Антанты, рассматривающие чехословаков как союзную армию, – заявили союзники Г.В. Чичерину в начале июня, – будут расценивать их разоружение или плохое обращение с ними как враждебный акт по отношению к Антанте, продиктованный немецким влиянием»².

А в начале июля на заседании Высшего военного совета Антанты был принят меморандум, гласивший: «Интервенция в Сибири является настоятельной необходимостью как для охраны чехословаков, так и для использования возможности овладеть Сибирью, возможности, которая, очевидно, уже никогда не повторится»³. Это был новый англо-французский нажим на США, от которых европейские союзники требовали скорейшего достижения договоренности с Японией и согласия на общую союзническую интервенцию.

6 июля 1918 г. представителями союзного командования была подписана декларация, официально указывающая на интервенцию союзных войск Дальнего Востока в целях поддержки и обеспечения безопасности чехословацких войск⁴. В этот же день Белый дом, понимая, что у него в данный момент нет нужного количества собственных солдат для посылки в Сибирь, принимает решение использовать Чехословацкий корпус как противовес войскам японского конкурента. Правительство США дает согласие на высадку во Владивостоке равного количества американских и японских оккупаци-

¹ См.: Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке... С. 182.

² АВП РФ, ф. 82, оп. 2, п. 10, д. 146, л. 2; См.: История внешней политики СССР 1917 – 1945 гг.: В 2 т. М., 1976. Т. 1, С. 75; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 347, 356.

³ FRUS, 1918. Russia, 2. P. 242/

⁴ см.: Внешняя политика СССР. 1917 – 1920 гг. М., 1944. Т. 1. С. 393 – 394; FR. 1918. Russia. Vol. 2. P. 206 – 207.

онных войск, ссылаясь на помощь чехословакам против германских и австрийских пленн¹.

Другой политический лидер П.И. Макса, будучи комиссаром корпуса, в момент его вооруженного выступления в июле 1919 года в газете «Народни листы» писал, что политика чехословацкого руководства в это время строилась на следующих принципах: «Наша Сибирская армия борется против большевиков в такой мере, поскольку последние препятствуют уходу наших на запад и поскольку они соединяются с элементами немецких и австро-венгерских военнопленных, которые под прикрытием большевизма желают уничтожить чехословацкое освободительное движение...»².

В – четвертых, официальная советская историография годами доказывала, будто перед корпусом ставилась задача «отрезать от Советской республики богатые хлебом районы Поволжья и Сибири. Дальнейшая задача мятежников состояла в том, чтобы установить контакт с интервентами, наступавшими с севера, и контрреволюционными силами, действовавшими на юге, и, объединившись, повести наступление на центральные районы страны с целью захвата Москвы и свержения Советской власти»³. Эта точка зрения имеет место, но только не в самый начальный период вооруженного выступления чехословаков.

Если внимательно посмотреть на хронологию выступления чехословацких легионеров и территориальное положение населенных пунктов, где происходили вооруженные столкновения, то можно заметить подтверждение авторской точки зрения: относительно стремления частей Чехословацкого корпуса в мае – начале июня 1918 г. на восток, а не стремления их «задушить Советскую власть».

Убедительнее всего несостоятельность версии о «походе на Москву» на первоначальном этапе восстания доказывается событиями в районе Пензы. В

¹ FRUS, 1918. Russia, 2. P. 262 – 263.

² АВП РФ, ф. 4, оп. 4, д. 53922 л. 3.

³ Гражданская война в СССР. М., 1980. Т. 1. С. 156.

конце мая группа С. Чечека, оказавшись в аррьергарде корпуса, двигалась от Тамбова к Пензе. После взятия Пензы чехословаки преследовали только одну цель – продвигаться в сторону Владивостока. Командир группы С. Чечек ушел к Сызрани. Подойдя к Сызрани, С. Чечек опять-таки попросил только об одном – пропустить его эшелоны на левый берег Волги¹.

Когда чехословацкие эшелоны подошли к Сызрани, легионеры обратились к рабочим. Рабочие, особенно железнодорожники, пригласили чехословаков на митинг, где выяснилось, что цели, преследуемые последними, вполне законны. Тогда под влиянием рабочих сызранский большевистский совдеп пропустил через Сызрань эшелоны чехословаков, заключив с ними договор. Но из Москвы летели грозные телеграммы Л.Д. Троцкого, и из Сызрани к пропущенным чехословацким эшелонам подошел усиленный подкреплениями местный гарнизон. Из Самары навстречу им шли сосредоточенные там многочисленные красные войска. В день, когда на пути из Сызрани в Самару разыгралось сражение между чехословаками и красноармейцами, в Самаре восстало население, руководимое социалистами-революционерами. Разбив в бою под Липягами большевиков, чехословаки вступили в Самару, которая уже находилась в руках восставших².

Сказанное свидетельствует о восточном направлении движения эшелонов аррьергарда под командованием С. Чечека, т.е. во Владивосток, где в полном бездействии стояла достигшая его раньше других группа М.К. Дитерихса.

В отечественной историографии высказывались различные мнения о численном составе Чехословацкого корпуса к моменту его вооруженного выступления. Г.Е. Зиновьев в 1918 г. называл цифру в 20 тысяч человек, в книге

¹ ГАРФ. Ф. 130, оп. 2, д. 636, л. 57.

² См.: Лебедев В. «Чехословацкий фронт» и московский процесс // Воля России. 1922. № 23224. С. 8.

П.С. Парфенова, вышедшей в 1925 г., говорилось уже о 37 тысячах, а в изданиях 1980 г. – о 50 и даже 60 тысячах¹.

Атташе при французской военной миссии в Петрограде капитан Ж. Садуль в письме министру вооружений французского правительства А. Тома от 28 мая 1918 г. называл следующие цифры: «После заключения Брестского мира Чехословацкий корпус, который состоит из 45000 бывших военнопленных, должен был быть отправлен на Западный фронт. Я получил от Троцкого разрешение на переброску чехов и словаков во Владивосток, где они должны были сесть на пароход и отправиться морем во Францию. 5 000 человек уже прибыли во Владивосток. Еще 20000 находятся в пути между Омском и Владивостоком, примерно 20000 остаются пока в России»².

В.В. Хрулев в своей книге «Чехословацкий мятеж и его ликвидация» указывает на численность корпуса в 50–55 тысяч человек. Хотя после подсчета численного состава четырех групп, на которые разделился корпус в результате переброски на восток и о которых пишет сам В.В. Хрулев, эта цифра уменьшается до 42 тысяч человек³. По всей видимости, автор не учел воинские части из военнослужащих других национальностей, входившие в состав Чехословацкого корпуса – польскую дивизию, легион трансильвано-буковинских стрелков (румыны), батальон югославян (сербов)⁴.

Цифра в 55 тысяч человек упоминается и профессором П.И. Макса, бывшим заместителем председателя филиала ЧНС и комиссаром Чехословацкого корпуса, в статье, опубликованной в газете «Ческое слово» в июле

¹ См.: Зиновьев Г.Е. Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс. М., 1927. С. 12; Парфенов П.С. Гражданская война в Сибири 1918–1920. М., 1925. С. 23 – 24; Гражданская война в СССР. М., 1980. Т. 1. С. 179; Советская военная энциклопедия. М., 1980. Т.8. С. 473.

² Цит. по Садуль Ж. Записки о большевистской революции 1917 – 1919. М., 1990. С. 292.

³ См.: Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940. С. 43.

⁴ См.: Вендрих Г.А. Декабрьско-январские бои 1919–1920 гг. в Иркутске. Иркутск, 1957. С. 13.

1919 г¹. Такая численность Чехословацкого корпуса, по мнению автора диссертации, является наиболее обоснованной.

Исходя из имеющихся материалов², состав и численность частей корпуса на момент его вооруженного выступления вдоль железнодорожной магистрали от Пензы до Владивостока выглядели следующим образом³:

1-я группа (Пензенская) – общая численность около 8 тысяч человек. Состояла из 1-го Яна Гуса полка, 4-го Прокопа Великого полка, 1-го запасного полка, 1-й инженерной роты и хлебопекарни 1-й дивизии. Во главе этой группы был поручик С. Чечек, его помощниками стали поручик Й. Швец (возглавивший авангард) и подпоручик Воженилек (арьергард)⁴.

2-я группа (Челябинская) – всего более 8800 человек. Состояла из части 2-го Георга Исподобрата полка, 3-го Яна Жижки и 6-го Ганатского полков, к ним присоединилась 3-я рота и курганский батальон новобранцев. Командовал группой подполковник С.Н. Войцеховский⁵.

3-я группа (Сибирская) – общая численность около 11 тысячи человек. Состояла из трех подгрупп: новониколаевской, мариинской и канско-нижнеудинской. Новониколаевская подгруппа, в которую вошли полтора батальона 7-го Татранского полка и батальон 6-го полка, насчитывала около 2 тысяч, ее возглавлял Р. Гайда. Мариинская группа капитана Э. Кадлеца имела две роты 7-го полка и три батареи 2-й артбригады общей численностью 800 человек. К востоку располагалась канско-нижнеудинская подгруппа полковника Б.Ф. Ушакова, включавшая три роты ударного батальона, эшелон 2-

¹ АВП РФ, ф. 4, д. 53922, л. 23.

² Подсчитано по: ГАРФ, ф. 151, оп. 1, д. 11, л. 3; Голечек В. Чехословацкое войско в России. 1919. С. 20-21, 38; Klęcanda V. Operace československého vojska na Rusi v letech 1917–1920. Praha, 1921; Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... С. 210.

³ См.: Приложение 7.

⁴ См.: Приложение 6.

⁵ См.: Приложение 8.

го запасного полка и обозный эшелон 2-й дивизии. Командир группы – капитан Р. Гайда¹.

4-я группа (Владивостокская) – общая численность около 14 тысяч человек. Включала 5-й Пражско-Масажинский и 8-й Моравско-Силезский полки, батальон 7-го полка, 3-й батальон 2-го запасного полка, 1-й дивизион 2-й артбригады, 2-ю инженерную роту, авиационный отряд, парковый дивизион. Командир группы – генерал-лейтенант М.К. Дитерихс.

Таким образом, по подсчетам диссертанта, при общей численности корпуса в 55 тысяч человек непосредственное участие в мятеже приняли около 36 тысяч. В корпусе был необычайно велик процент офицеров. На 16 солдат приходился 1 офицер, т.е. пехотный батальон (700–800 штыков) имел в своем составе 40–45 офицеров.

Автору диссертации хотелось бы затронуть вопрос о начальном периоде ведения боевых действий между военными подразделениями местных властей и Чехословацкого корпуса.

Чехословацкие информационные источники утверждали, что «в 20-х числах мая советские отряды, состоящие почти исключительно из немцев и мадьяр, в четырех местах: 25 мая – в Марьяновке, 26 – в Иркутске, 27 – в Златоусте, Сердобске предательски напали на почти безоружные эшелоны чехословаков. Подобные преступные и предательские действия вынудили чехословацкие полки выступить против советской власти»².

Среди советских источников также есть такие, которые указывают на то, что инициатива выступления принадлежала местным властям: «Следственной комиссией Совета произведены аресты некоторых чешских офицеров, заподозренных в сношениях с контрреволюционерами. В ответ на это, по распоряжению командующего Чехословацкой армией Челябинской группы – Войцеховского, занят вокзал и предъявлен ультиматум Совету об осво-

¹ См.: приложение 9.

² Известия войск Восточного фронта. Иркутск, 1918. 26 августа.

бождении арестованных. Конфликт улажен»¹. В телеграмме Совнаркому от 30 мая чехословацкий «военно-революционный комитет Пензенского боевого участка» возложил ответственность за кровопролитие на Советскую власть. При этом обвинялся в неискренности ведения переговоров Л.Д. Троцкий. «На чехословаков в Пензе напали советские войска» – говорилось в телеграмме².

Другая более значительная часть Советских источников, в свою очередь, утверждали обратное: «Чехословаки неожиданно и почти в один и тот же день напали на Челябинск, Новониколаевск и Мариинск и свергли там советскую власть. Города Западной Сибири оказались совершенно разобщенными, а малочисленные красногвардейские отряды, вследствие перерыва железной дороги, не имели возможности объединиться, чтобы общими силами нанести сокрушительный удар чехословакам, и были вынуждены действовать порознь и успеха, конечно, иметь не могли, тем более что чехословаки были значительно лучше вооружены и дисциплинированы»³.

Ответ на вопрос, кто же инициировал «мятеж», автор диссертации видит в том, что и командование Чехословацкого корпуса, и Советское правительство в своей деятельности допускали тактические ошибки, просчеты, которые усугубляли сложившееся противостояние двух сторон.

Советская сторона не имела четкого представления, что же делать с чехословаками. Вот в чем основная причина такой чехарды в приказах центральной и местной властей. Председатель Уфимского губисполкома Эльцин вспоминал: «У нас был разброд по вопросу о чехословаках, причем у ме-

¹ Цит. по: Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири: Сб. документов. М., 1926. С. 57.

² ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 636, л. 65 – 67.

³ Цит. по: Вегман В., Циркунов Ю. Сибирская Красная гвардия и отряд Петра Сухова. Новосибирск, 1934. С. 13.

ня уже создавалось такое впечатление, что подобный разброд был и в Центре»¹.

Советское правительство было уверено, что чехословацкий «мятеж» не будет иметь длительного продолжения и быстро будет устранен силами местных советов. Так в официальном сообщении о чехословацком выступлении, опубликованном в газете «Известия» за 5 июня 1918 г. было указано буквально следующее: «В настоящее время на Урале и в Сибири идет ликвидация чехословацкой авантюры, последние постепенно сдаются»². Явно прослеживается уверенность СНК в быстром подавлении восстания. Однако, до урегулирования этого вопроса было еще далеко.

Неожиданность возникновения «мятежа», качественно низкий уровень имеющихся вооруженных формирований на местах, переоценка советских сил лидерами большевиков вызвали затяжку в определении общей тактики действий в отношении Чехословацкого корпуса³.

Таким образом, события развернувшегося вооруженного выступления показывают, что по ряду объективных и субъективных причин успех был на стороне восставших чехословаков и примкнувших к ним вооруженных формирований контрреволюционных сил.

События, связанные с падением Советской власти под ударами восставшего корпуса, нарастали подспудно и с большой скоростью. Представитель чехов Я. Шлангель, выехавший из Омска 21 мая и прибывший в Иркутск

¹ Цит. по: Константинов С.И. Деятельность Коммунистической партии по созданию и укреплению Восточного фронта в годы военной интервенции и гражданской войны (1918 – 1920 гг.) М., 1990. С.25.

² Внешняя политика СССР: В 2 т. М., 1957 – 1958. Т. 1. С. 88 – 89.

³ Выступая на объединенном заседании ВЦИК 29 июля 1918 г., Л.Д. Троцкий говорил: «Вина Советской власти в том, что мы пассивно смотрели на подготовку этого мятежа, пассивно, потому, что у нас не было достаточно крепкой и дисциплинированной армии» (Троцкий Л.Д. Доклад на чрезвычайном объединенном заседании ВЦИК 5-го созыва совместно с Московским Советом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, профсоюзами и фабзавкомами 29 июля 1918 г. // Сочинения. Т. 17. Ч. 1., М. – Л., 1926. С. 506.

26 мая, свидетельствовал: «По дороге ничего особенного не видел, только в Красноярске был авиационный эшелон обезоружен»¹. Действительно, 23 – 24 мая в Красноярске большевики, имевшие перевес в силах, разоружили авиационно-штабной эшелон 2-й чешской дивизии. Но и в других местах спокойствие было лишь видимостью.

25 мая 1918 г. капитан Р. Гайда послал начальнику штаба 7-го полка Э. Кадлецу в Мариинск зашифрованную телеграмму с приказом занять город, а командиру 1-го батальона 6-го полка штабс-капитану Чеговскому – занять ст. Чулымская. В Мариинске подразделения капитанов Э. Кадлеца и Воронова в этот же день захватили город, на станции обезоружили небольшой большевистский «партизанский» отряд, направлявшийся на борьбу с атаманом Г.М. Семеновым. Сам Р. Гайда возглавил выступление в Новониколаевске в ночь на 26 мая.

В тот же день Р. Гайда телеграфировал по всей линии: «Всем эшелонам чехословаков. Приказываю по возможности сейчас же наступать на Иркутск. Советскую власть арестовывать. Отрезать Красную Армию, оперирующую против Семенова». Одновременно он докладывал Временному исполнительному комитету, что в направлении на Иркутск им уже занята станция Иннокентьевская и что «положение наше самое благоприятное. Сегодня покончу с Томском»². 28 мая его части захватили Нижнеудинск.

Одновременно чехословаки под командованием подполковника Б.Ф. Ушакова захватили Канск. По признаниям, сделанным на заседании Красноярского совета 7 июня 1918 г., «в Канске чехи насчитывают 500 человек без кавалерии. Имелось небольшое количество белогвардейцев, но они теперь разоружены чехословаками и отправлены в уезд, где организовывают богатое крестьянство и просто недовольных...»³

¹ См.: Подвиг Центросибири: Сб. док. Иркутск, 1986. С. 317.

² ГАРФ, ф. 151, оп. 1, д. 11, л. 31.

³ Документы героической борьбы: Сб. документов и материалов. Красноярск, 1959. С. 54.

В Иркутске события тех дней также подтверждают мнение автора о стремлении чехословаков на первоначальном этапе своего вооруженного выступления на восток. Когда чехословацкие артиллеристы, отбив нападение красноармейцев, захватили оружие, заняли вокзал, по настоянию представителей союзников вернули Совету захваченное и сверх того – все свое оружие и продолжали по соглашению с Иркутским советом свой путь на восток без оружия. Эшелон 7-го полка и второго авиационного отряда находился в то время на ст. Батарейная. Узнав о нападении в Иркутске, заняли станцию, забрали оружие и начали наступать на Иркутск. Но, подойдя к Иркутску, они также сдали все оружие и были отправлены на восток¹. «Это последние разоруженные эшелоны, которые были отправлены на восток с комиссаром и благополучно прибыли во Владивосток»².

Большевики, видимо, плохо контролировали телеграфистов железной дороги, и информация о событиях в Иркутске попала следовавшим в эшелоне 8-го полка, стоявшем на ст. Половина, а от него – в Нижнеудинск и Канск. Они силой 28 мая захватили паровоз и без остановки добрались до Иркутска. Красные «не применили никаких репрессий и мирно пропустили через Иркутск, учитывая нервное настроение»³.

Другой задачей, которую решали разбросанные по Транссибирской магистрали чехословацкие эшелоны, заключалась в стремлении воссоединить свои отдельные группы и устранить имеющиеся между ними разрывы.

В Западной Сибири подполковник С.Н. Войцеховский «в ночь с 26 на 27 мая 1918 г., командуя частями 2 и 3-го чехословацких полков, занял без потерь Челябинск, причем было взято в плен два советских полка, состоявших из мадьяр и немцев, около 14 легких орудий, 15 000 винтовок, несколько десятков пулеметов и много военного имущества»⁴.

¹ См.: Голечек В. Чехословацкое войско в России. С. 20 – 21.

² Рябиков В.В. Центросибирь. С. 66.

³ См.: Подвиг Центросибири. С. 317.

⁴ Русская Армия. Омск, 1919. 12 июля.

В пределах Среднего Поволжья боевые действия начались с 28 мая, и первый удар на себя приняла Пенза. На тот момент в Пензе располагалось в общей сложности до 1500 красногвардейцев: интернациональная рота мадьяр, отдельная пулеметная рота, первый советский полк, рабочие отряды и батарея¹. 27 мая представители Пензенского губисполкома, зная о начале «мятежа корпуса чехов» на ст. Марьяновка, Мариинске, Новониколаевске, устроили последнее совещание с чехословацким командованием по поводу сдачи оружия, которое не дало положительных результатов.

28 мая был издан приказ о введении в Пензе осадного положения. Вечером этого же дня чехословаки захватили депо и угнали оттуда десять паровозов, с помощью которых к городу были доставлены резервные эшелоны. К утру следующего дня город целиком попал в руки восставших. Как указывают официальные печатные источники Советского правительства, в течение 2 дней они разгромили губисполком и, пополнив запасы продовольствия и вооружения, ушли на восток к Сызрани². Там чехословаки, категорически отказавшись сдать оружие, захватили помещение винного склада, кавалерийские казармы и цейхгаузы, оцепили вокзал.

Сызранский исполком, имея в своем распоряжении около 600 красноармейцев, был совершенно не подготовлен к борьбе. Командующий Поволжским фронтом А.Ф. Мясников, характеризуя исполком, телеграфировал Совету Народных Комиссаров: «Должен отметить, что на самом деле в Сызрани никогда не было настоящей советской власти, для характеристики которой достаточно, кажется, того факта, что председателем совета состоял большевик, а заместителем его, секретарем совета и редактором советского органа были меньшевики»³.

¹ См.: Попов Ф. Чехо-словацкий мятеж и самарская учредилка. М., 1932. С. 49.

² См.: Внешняя политика СССР: В 2 т. М., 1957 – 1958. Т. 1. С. 88.

³ Софинов П. Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. 1940. № 12. С. 54 – 55.

Тем не менее открытых боевых действий удалось избежать. В результате переговоров между представителями Пензенской группировки С. Чечека и чрезвычайной комиссией Сызранского исполкома 30 мая была достигнута договоренность, в соответствии с которой чехословацкие отряды обязались сдать «все лишнее вооружение» и гарантировали полное невмешательство «во внутренние дела Российской советской федеративной республики»¹. В свою очередь, Сызранский комитет обязался «реабилитировать» их перед центральными властями и всеми совдепами и ходатайствовать о дальнейшем беспрепятственном продвижении всех чехословацких отрядов вплоть до Владивостока. Благодаря этому договору для них открылась дорога на Самару.

Не смотря на то, что сразу же с началом выступления СНК принял меры к созданию Чехословацкого фронта, Главнокомандующим которого приказом народного комиссара по военным делам 31 мая 1918 г. был назначен А.Ф. Мясников², почти все населенные пункты на протяжении Самаро-Уфимской железной дороги были захвачены чехословаками практически без боя. Наиболее серьезное сопротивление они встретили только в Самаре, где 30 мая под руководством В.В. Куйбышева был создан «Боевой революционный штаб», мобилизовавший для обороны города 3500 коммунистов. Сам гарнизон Самары насчитывал в это время свыше 3 тысяч человек. В распоряжении обороняющихся имелся один бронепоезд, отряд конных разведчиков и отряд железнодорожной охраны. Кроме того, народный комиссар по военным делам Н.И. Подвойский стянул к городу с Симбирского, Оренбургского и Уфимского направлений до 3 тысяч человек. Из одного Симбирска прибыло пять отрядов численностью около 700 человек³. Таким образом, в Самаре сосредоточилось свыше 7 тысяч бойцов и командиров при 115 пулеметах и 35 орудиях.

¹ См.: Попов Ф. Чехо-словацкий мятеж и самарская учредилка. С. 58.

² См.: Директивы Главного командования Красной Армии. (1917 – 1920 гг.): Сборник документов. М., 1969. С. 95.

³ См.: Гай Г. Борьба с чехословаками на Средней Волге. 1931. С.15.

Однако эти силы не могли устоять против 1-го полка чехословаков, действовавшего в авангарде главных сил дивизии. Красногвардейские отряды отходили, неся потери: под станцией Липяги было убито и ранено около 1300 человек¹. Причины поражения Н.И. Подвойский усматривал в «никудышной боеспособности отрядов», суть которой заключалась в слабой обученности бойцов и их низком моральном состоянии. Огромное влияние на боевой дух оказывало настроение окружавшего населения, значительная часть которого не выражала желания защищать власть большевиков. Железнодорожники вопреки указаниям руководства отказались взорвать мосты через Волгу и Самару, тем самым обеспечив переправу чехословакам.

Наглядно слабость советских войск проявилась при подготовке к обороне Уфы. Местный совет, несмотря на наличие в строю 3 тысяч человек и еще 5 тысяч, находившихся в мобилизационном резерве, не дожидаясь противника, эвакуировался вместе со всеми учреждениями и боевыми отрядами по р. Белой².

Ведя наступление главными силами на Уфу и Челябинск для соединения с сибирскими эшелонами, чехословаки практически без боя мелкими подразделениями занимали административные центры края – Сергиевск, Бугуруслан, Белебей, Стерлитамак, Бирск и др. Город Бирск, например, был занят всего лишь одной ротой.

Железнодорожная магистраль и прилегающие к ней районы, занятые мятежниками, становились тем оплотом, вокруг которого формировались белые отряды. В результате к началу июля силы контрреволюции в крае, кроме дивизии С. Чечека, растянутой вдоль железнодорожной магистрали Самара – Уфа, состояли уже из множества добровольческих отрядов по 150–200 человек в каждом. Их общая численность, как показывают подсчеты, составляла 2 – 2,5 тыс. человек.

¹ См.: Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье. С. 93.

² См.: Подшивалов И. Гражданская война на Урале (1917 – 1918 гг.). М., 1925. С. 129 – 132.

Сложившаяся к этому времени военно-политическая обстановка в крае требовала от органов Советской власти сосредоточения усилий на симбирском направлении, так как с потерей Самары Симбирск приобрел поистине стратегическое значение, превратившись, как писала газета «Правда», «...в один из опорных пунктов... закров Советской власти»¹.

«Падение Симбирска повлечет за собой потерю последних остатков нефти, и вся Средняя Волги будет в руках чехов... наше поражение будет неминуемо», – считал главком советскими войсками И. Вацетис². Здесь же находился и один из крупнейших по тем временам патронных заводов, значение которого для снабжения армии боеприпасами трудно переоценить.

Сложившуюся ситуацию прекрасно понимали и чехословаки, поэтому после соединения их Пензенской и Челябинской групп, вспоминал полковник А. Степанов, самарский Главный военный штаб и штаб С. Чечека планировали развивать боевые действия вверх по Волге в целях выхода к Камскому бассейну – «последнему источнику питания хлебом Советской России».

М.Н. Тухачевский вспоминал, что «командный состав... не был в силах держать... анархически настроенную массу в своих руках... войска стали отходить без боя»³.

Положение дел осложнялось еще и тем, что в среде командного состава советских войск были люди иных, нежели большевистские, политических убеждений. Так, предшественник И. Вацетиса на посту главкома Восточного фронта⁴ подполковник М.А. Муравьев левый эсер, поддержав июльский мятеж своих товарищей по партии, открыто выступил против большевиков в Поволжье, заявив: «Я поднимаю знамя восстания, заключаю мир с чехосло-

¹ См.: Угроза растет // Правда. 1918. 24 июля.

² Директивы Главного командования Красной Армии... С. 102; Боевой путь Первой революционной армии. Ашхабад, 1972. С. 29.

³ Тухачевский М.Н. Первая армия в 1918 году // Избр. произв. М., 1964. С. 80.

⁴ М.А. Муравьев назначен Главнокомандующим Восточным фронтом Постановлением СНК от 13 июня 1918 г. (См.: Директивы Главного командования Красной Армии... С. 97 – 98).

ваками и объявляю войну Германии». Специальным декретом Советское правительство объявило М.А. Муравьева вне закона¹. В тот же день он был убит.

И до этого не отличавшиеся организованностью и стойкостью красноармейские части были окончательно дезорганизованы, а убийство командующего внесло в их ряды панику. Солдаты, не понимая сущности происходящего и всего смысла войны, отказывались сражаться. В пензенской дивизии, например, «не нашлось ни одного отряда, который мог бы идти в бой», – говорилось в одной из боевых сводок².

Успеху чехословацкого командования во многом способствовала помощь со стороны антибольшевистских сил. Несмотря на то, что до момента мятежа чехословаки сохраняли видимое лояльное отношение к Советской власти, сразу после него очень быстро выявилась общность интересов корпуса и антисоветского подполья. Путь к успеху обе силы видели в ликвидации большевистского режима и во имя этого сразу же пошли на тесное сотрудничество. Непартийные офицерские объединения, преобладавшие в общесибирском подполье, оказали мятежникам существенную помощь в организации восстаний в тылу красноармейских отрядов, снабжали их разведданными, делились кадрами³.

Тайные военные организации существовали не менее чем в 37 населенных пунктах от Урала до Забайкалья. В них, по оценкам Н.С. Ларькова, состояли около 6 тысяч подпольщиков, в том числе свыше 3800 – в Западной и до 2200 – в Восточной Сибири⁴. Во главе офицерского подполья, состоявшего по большей части из людей монархически настроенных, выдвинулись: в подпольном Западно-Сибирском округе – подполковник А.Н. Гришин-

¹ См.: Декреты Советской власти: В 3 т. М., 1957. Т. 3. С. 9 – 10.

² Симбирская губерния в 1918 – 1920 гг.: Сб. документов. Ульяновск, 1958. Т. 1. С. 39.

³ См.: Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 4.

⁴ См.: Ларьков Н.С. Основные этапы и особенности довоенного строительства Сибири в 1918 г. // История Белой Сибири: Тезисы 1-й науч. конф. Кемерово, 1995. С. 4.

Алмазов, в Восточно-Сибирском – полковник А.В. Эллерц-Усов¹. Организации разбивались на отделения, взводы и роты. В кадровом составе были офицеры и генералы, юнкера и учащиеся, казаки и вольноопределяющиеся².

С выступлением Чехословацкого корпуса контрреволюционные организации вышли из подполья и активно включились в вооруженную борьбу против советского строя.

При захвате Новониколаевска и Мариинска чехословацкие части действовали совместно с эсеровскими боевыми дружинами полковника А.Н. Гришина-Алмазова³. В Томске чехословацкое командование также опиралось на крупную подпольную офицерскую организацию, поднявшую восстание при подходе чехословацких частей к городу. Захватить Самару белочехам помогли офицерские отряды полковника Н.А. Галкина.

Во второй половине июня перед командующим антибольшевистской Западно-Сибирской армией полковником А.Н. Гришиным-Алмазовым была поставлена задача очистить в кратчайший срок всю Западную Сибирь от большевистских войск. Такое решение было продиктовано монархически настроенной частью антибольшевистских сил, которую представлял А.Н. Гришин-Алмазов. Средне-Сибирскому корпусу было приказано очистить районы «южнее Барнаула и до китайской границы и к востоку от Мариинска вдоль Сибирской ж.д. до Иркутска включительно»⁴.

В этой ситуации чехословацкое командование поддерживало выступление всех антибольшевистских сил и стремилось к их консолидации.

В течение лета вдоль железной дороги между Новониколаевском и Читой совместно с Восточным отрядом чехословацких войск Р. Гайды, произ-

¹ А.В. Эллерц-Усов – полковник, бывший командир 58-го Сибирского стрелкового полка Русской императорской армии.

² См.: Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г. // Архив русской революции. М., 1991. Т. 9 – 10. С. 263.

³ ГАРФ, ф. 176, оп. 1, д. 95, л. 60.

⁴ Новиков П.А. Части чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май – август 1918 г.) // Белая армия. Белое дело. 2000. № 8. С. 7. Екатеринбург.

веденного в полковники (6 и 7-й чешские полки, часть артиллерии 2-й чешской дивизии), действовали русские части Средне-Сибирского корпуса (1 600 штыков и сабель при 10 пулеметах и 7 орудиях) подполковника А.Н. Пепеляева, оперативно подчиненного командующему Восточным фронтом Р.Гайде. В дальнейшем действия русских контрреволюционных и чешских сил были неразделимы¹.

Особое внимание в антибольшевистском лагере было обращено на неофициальную столицу Сибири Иркутск. В конце июня А.Н. Гришин-Алмазов поставил перед подчиненными ему силами задачу захватить город и продолжать наступление на восток в целях овладения Забайкальем. Для этого были созданы четыре колонны. Первая колонна (чешский ударный батальон и 1-й Томский полк, всего 700 штыков) под началом чешского капитана Э.В. Кадлеца направлялась на Култук в тыл Иркутска с юга для захвата и сохранения Кругобайкальских тоннелей. Вторая колонна (2-й Новониколаевский полк и батальон чехословаков, всего 600 штыков) полковника Перчука выдвигалась для лобового удара на город по линии железной дороги. Третья колонна (3-й Томский, 3-й Барнаульский полки и отряд И.Н. Красильникова, всего 800 человек) подполковника А.Н. Пепеляева двигалась по Александровскому тракту для нанесения флангового удара. Четвертая колонна (сводный отряд в 300 штыков) полковника Е.К. Вишневого направлялась на Верхоленск, чтобы отрезать красным пути отхода на север. Численность антибольшевистских сил под Иркутском, таким образом, составила 2400 человек против 7–8 тысяч человек в советских войсках². Однако наступающим удалось одержать победу и 11 июля занять город.

Командующий красногвардейскими отрядами П.К. Голиков объяснял свое поражение так: «Паническое отступление было результатом слабой боевой подготовки нашей армии, случайного состава ее, отсутствия командного

¹ См.: Новиков П.А. Части чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май – август 1918 г.) // Белая армия. Белое дело. 2000. № 8. С. 7. Екатеринбург.

² См. там же. С. 10.

состава и отсутствия центра высшего командования... Стратегическая необходимость диктовала необходимость отхода от Иркутска и сдачи его без выстрела, так как, принимая бой в Иркутске, можно было бы с уверенностью ожидать крупного поражения...»¹

От произведенного в генерал-майоры А.Н. Гришина-Алмазова в Иркутск поступила телеграмма: «Получив известие о падении последнего оплота большевизма в Сибири – Иркутска и предвидя приближение радостного дня – соединения с Дальним Востоком, прошу принять мое сердечное поздравление и восхищение действиями доблестных войск молодой Сибирской армии и пожелания дальнейших успехов Сибирскому казачьему войску». В городе началось формирование 1-й Иркутской Сибирской стрелковой бригады. 27 июля на Тихвинской площади архимандритом Софронием был отслужен торжественный молебен отправлявшимся «на фронт за большевиками войскам 1-й Сибирской дивизии». Глава Думы М.С. Стравинский поднес стяг начальнику дивизии полковнику П.П. Гривину от имени граждан Иркутска и высказал надежду, «что славные сибирские войска, с помощью Божьей и покровителя Сибири Св. Иннокентия одолеют внутреннего врага – большевиков, победоносно доведут начатое нашими братьями чехословаками дело победы до конца»².

Решающее сражение за Прибайкалье произошло под ст. Посольская 15–17 августа. У Посольского монастыря на берегу озера Байкал был высажен десант в количестве 900 человек под командованием начальника штаба Восточного фронта подполковника Б.Ф.Ушакова. «Заняв ст. Посольская, подполковник Ушаков распределил свои части на флангах, направив их по линии ж.д. в обе стороны... Благодаря этой ошибке, десант не сумел выдер-

¹ Свободный край. 1918. 13 августа.

² См.: Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902 – 1924 гг. Иркутск, 1994. С. 298.

жать натиска наступающих красных. После жестокого боя он рассеялся по лесам»¹. Подполковник Б. Ушаков вместе с адъютантом-чехом были убиты.

Однако общий успех оказался на стороне объединенных сил контрреволюции. Из 3 тысяч бойцов красных частей, пытавшихся пробиться через Посольскую, в живых осталось 200 интернационалистов, столько же читинских красногвардейцев и не более 25 человек из отряда анархистов. Советская пресса сообщала: «Говорят, будто бы Гайда приказал расстрелять 10000 большевиков за Б. Ушакова. Свыше тысячи красногвардейцев были зарыты белыми в ямах под Посольской»².

Трудно установить, насколько масштабным в действительности оказалось поражение красных. Сам Р. Гайда так определял размеры собственной победы: «Военная добыча огромна. Взято 59 поездов со штабами корпусов и дивизий, большими складами военного и медицинского снабжения, продовольствия»³. Небольшие части красных, узнав о катастрофе, не доходя до Посольской, ушли в горы и тайгу.

В течение короткого времени ключевые пункты Забайкалья, Восточной Сибири и Дальнего Востока оказались в руках объединенных сил внутренней контрреволюции и Чехословацкого корпуса. 30 августа на ст. Оловянная сибирские и чехословацкие части соединились с силами атамана Г.М. Семенова⁴. 1 сентября семеновские части заняли Читу. Временное Сибирское правительство, по представлению А.Н. Пепеляева, произвело Г.М. Семенова в полковники и назначило командиром 5-го Приамурского корпуса.

6 сентября на ст. Оловянная состоялось совещание с участием Р.Гайды, А.Н. Пепеляева, Б.П. Богословского и М.К. Дитерихса в целях выработки плана дальнейших действий. После этого Р. Гайда направился во Владиво-

¹ Миронов М. Красная гвардия на берегу Байкала // Бойцы революции: Сборник. Иркутск, 1980. С.104.

² Сибирские записки. 1918. № 1. С. 22. Красноярск.

³ Цит. по: Познанский В.С. Сибирский красный генерал. Новосибирск, 1972. С. 161.

⁴ См.: Кирилов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. Прага, 1928. Т. 4. С. 48 – 56.

сток, где 24 – 25 сентября встретился с вице-адмиралом А.В. Колчаком, а затем отбыл в Екатеринбург, назначив полковника Э. Кадлеца главнокомандующим в полосе отчуждения КВЖД¹.

К октябрю 1918 г. основные части Чехословацкого корпуса из Восточной Сибири были переброшены на запад, где боевые действия были в полном разгаре и чувствовался надлом в рядах антибольшевистских сил, связанный с усилением к тому времени боевого потенциала Красной Армии, за счет переброшенных с центральных районов России частей².

К концу июня державы Согласия выработали план использования чехословаков и местной контрреволюции на Востоке и в Среднем Поволжье, а именно создание единого антигерманского фронта по линии Архангельск – Средняя Волга. Для этого необходимо было осуществить соединение войск, действовавших здесь, с северными интервенционистскими силами. Инициатива в разработке плана, по мнению Г.К. Гинсы, исходила от английского представителя в Сибири генерала А. Нокса. Активную поддержку он получил и со стороны генерала Р. Гайды³.

В связи с этой ситуацией, сразу же после занятия Симбирска сюда прибыл капитан Бордо от французского военной миссии в России генерала Лаверня с требованием развивать наступление на Казань, чтобы через Вятку соединиться с союзными войсками, подходившими к Вологде. Один из очевидцев тех событий и член Главного Военного Штаба (ГВШ) Белой Армии, В.И.

¹ Новиков П.А. Части чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май – август 1918 г.) // Белая армия. Белое дело. 2000. № 8. С. 17.

² На основании Постановления Высшего Военного Совета, возглавляемого М.Д. Бонч-Бруевичем, от 23 июля 1918 г. на Восточный фронт было приказано перебросить все наиболее сформированные и обученные части, ввиду того, что по «имеющимся в распоряжении правительства сведениям, нельзя ожидать в ближайшее время наступления со стороны Германии». (См.: Директивы Главного командования Красной Армии... С. 103 – 104).

³ См.: Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920 гг.: Впечатления и мысли члена Омского правительства. Пекин, 1921. Т. 2. С. 81 – 85.

Лебедев вспоминал, что для окончательного решения вопроса отправил его на самолете в Самару, откуда С. Чечек дал приказ о наступлении¹.

Несмотря на то, что данный план имел множество плюсов: возможность захвата золотого запаса и огромного количества боеприпасов, предназначенных для нескольких фронтов еще во время Первой мировой войны, перекрытие последних хлебных путей из Прикамья в центр страны и, наконец, возможность использования значительного количества офицеров для пополнения армии, которые скопились в Казани, и овладение Нижним Новгородом, где, по словам В.И. Лебедева, сормовские рабочие ждали прихода белых, – он имел и существенный недостаток, раздробляя и без того немногочисленные силы белой гвардии и чехословаков².

Многие руководящие деятели Комуча: В. Вольский, С. Николаев. П.Климущин и будущий начальник штаба Поволжского фронта полковник С.Шепихин – считали казанское наступление ошибкой, однако вынуждены были пойти на выполнение требований союзников³. Белые и чехословаки не имели превосходства в стратегическом планировании над красными, наоборот, их план страдал непродуманностью и строился в угоду интересам союзников, без учета реально складывающейся обстановки и имеющихся сил и средств. Заблуждениям способствовала и эйфория от первых довольно значительных успехов, а также иллюзорные представления о всеобщей народной поддержке белого дела и «революционной демократии».

Во исполнение приказа С. Чечека на совещании в Симбирске 27 июля В.О. Каппель, командующий русскими частями, и члены ГВШ В. Лебедев и Б. Фортунатов при поддержке А. Степанова и чехословацкого майора Й.Швеца принимают окончательное решение по овладению Казанью.

¹ См.: Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков. Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. С. 28.

² См.: Лебедев В.И. Борьба революционной демократии против большевиков. С. 30 – 35.

³ См: Гражданская война в Поволжье. Казань, 1974. С. 89.

В первых числах августа 1918 г. антибольшевистские войска начали наступление на Казань. 7 августа Казань пала. В руках наступающих оказались большие запасы имущества, а самое главное, золотой запас России, который не успели вывезти большевики. Взятию города во многом способствовал переход сербского батальона майора Благодича на сторону наступавших. Батальон, оборонявший кремль, захватил речную артиллерию на пристанях и, повернув ее на город, заставил сдаться засевших в кремле латышских стрелков¹.

Челябинская группа под командованием полковника С.Н. Войцеховского, насчитывавшая более 8000 человек, в ночь на 27 мая начала наступление на жизненно важные коммуникационные пункты Челябинска: телеграф; телефонную станцию; радиостанцию. А также основные усилия их были сосредоточены в направлении складов с оружием, в которых находилось 2 000 новых японских винтовок, около 5 000 старых винтовок, 5 пулеметов и 20 орудий. Больших боевых столкновений чехословаки не встретили, и практически город был занят в течение нескольких часов. Этому способствовало и нежелание большей части офицерского состава Челябинского гарнизона противостоят чехам. Из 120 офицеров на сторону чехословаков перешло 112, и только 2 остались верными Советской власти².

Члены Челябинского совета не были едины в принятии решения об активном сопротивлении наступающим чехословакам. Они пытались убедить жителей города, советы Омска, Екатеринбурга и СНК в том, что будто бы «... главное желание всех чехословаков – продвижение во Владивосток для отправки во Францию, других движений с их стороны быть не может»³.

После захвата Челябинска часть чехословацкой группы двинулась на запад к Златоусту для воссоединения с аръергардной группой Чехословацкого корпуса под командованием С. Чечека, находившейся в тот момент в рай-

¹ См.: Какурин Н.Е. Как сражалась революция. 2-е изд. М., 1990. Т. 1. С. 207.

² См.: Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. С.17.

³ РГВА, ф. 1, по. 2, д. 27, л. 4.

оне Пензы, вторая группа двигалась на север к ст. Аргаяш в направлении Екатеринбурга и третья, незначительная по численности группа выдвигалась на восток для встречи с отрядами чехословаков под командованием Р. Гайда, активно ведущих в то время боевые действия в районе Нижнеудинска и Канска¹.

Бои за Златоуст начались с того, что под предлогом перестановки эшелона с чехословаками численностью 700 человек, которые находились на ст. Златоуст и соблюдали нейтралитет, рабочие-красногвардейцы до 130 человек, используя внезапность и хорошую позицию, стали практически расстреливать противника, находящегося в вагонах. После боя, длившегося около 40 минут, чехи не выдержали и, отстреливаясь, сели в вагоны и направились в эшелоне в западном направлении. В этот же день из Челябинска двинулась большая группа чехословаков в направлении Златоуста, которая двумя колоннами повела наступление на город. Красногвардейские отряды, не выдержав напора наступающих чехословаков, были вынуждены отступить. После получения подкрепления 30 мая отбили Златоуст и 31 мая повели наступление на Миасс. Однако чехословацкие легионеры, которые были более организованными и хорошо подготовленными, не стали сразу перехватывать наступательную инициативу. И только во второй половине июня они, усиленные казачьими и отрядами белогвардейцев, перешли в наступление и вынудили красногвардейские отряды отступить. Дорога на Уфу для соединения пензенской и челябинской групп чехословаков была открыта².

В ночь на 25 июля 1918 г. красные оставили Екатеринбург. Отступив от города, войска Красной Армии группировались в районах ст. Сарга, Уткинского и Верх-Нейвинского заводов, с. Мостовское и Режевского завода. Командование войсками красных предпринимало все, для того, чтобы из многочисленных разрозненных отрядов и направлений создать боеспособные полки и дивизии. Эта задача выполнялась в самые сжатые сроки и с приме-

¹ См.: Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. С. 19

² См. там же. С. 24.

нением жестоких мер. При штабах дивизий создавались полевые военно-революционные трибуналы¹. Однако проведенные операции в августе – сентябре не дали желаемых победных результатов для красных.

Чешские соединения на Среднем Урале под командованием полковника С.Н. Войцеховского в это время являлись наиболее боеспособной и организованной силой антибольшевистских войск. В уральских уездах, освобожденных от Советской власти, повсеместно формировались части Белой армии. Высокую активность демонстрировали казаки. 17-й Оренбургский казачий полк полковника В.В. Кручинина в июле занял Пышму и Балтым на Верхотурском тракте и выдвинул передовое охранение к с. Большое Мостовское, прикрывая таким образом Екатеринбург с севера. В конце июля в Екатеринбурге началось формирование добровольческих рот, а с 6 августа на их базе стали разворачиваться полки 2-й Уральской дивизии горных стрелков.

В начале сентября 1918 г. очередное наступление Красной Армии на Екатеринбург окончилось поражением и их отходом на 60 – 70 верст от города. Чехословаки совместно с оренбургскими казаками и екатеринбургскими добровольцами выиграли сражение, несмотря на общее численное и техническое превосходство красных. Окончательно угроза Екатеринбургу была снята только через месяц после взятия Алапаевска и Нижнего Тагила.

В Приморском крае боевые события с участием чехословацких подразделений корпуса начались гораздо позже, хотя отношения между чехословацким командованием и Советами были напряженными. Автор диссертации видит одну из причин такого мирного сосуществования в том, что чехословацкие отряды находились в конечном пункте своего пути и были в ожидании транспорта для отправки во Францию.

Первые эшелоны чехов прибыли во Владивосток 30 апреля, но в местном порту никаких пароходов для них не оказалось. Исполнительный коми-

¹ Кручинин А.М. «Даешь Екатеринбург»: Военные действия в районе г. Екатеринбурга в августе 1918 г. // Белая армия. Белое дело. 1999. № 6. С. 13. Екатеринбург.

тет Владивостокского совета предоставил чехословакам военные казармы в Гнилом Углу, где они и начали размещаться. В течение мая во Владивостоке под командованием генерала М.К. Дитерихса было сосредоточено около 14 тысяч чехословаков.

Когда в конце мая в Сибири и Поволжье произошли первые выступления чехословаков, то это встревожило всех работников Владивостокского совета. Руководство городского Совета во главе с К.А. Сухановым связалось с председателем ЧСНС в России В. Гирсой и заявило ему о том, что в порядке контроля будут осмотрены казармы, занятые чехословацкими войсками. Осмотр был произведен, но оружия обнаружено не было.

Во Владивостоке создавалось тревожное положение. Среди прибывших в город легионеров в связи с событиями в Сибири началось брожение. Солдаты устраивали собрания и требовали от Национального Совета объяснений, почему их задерживают во Владивостоке.

Многие из солдат были настроены революционно. Был образован отряд в 300 человек под командой коммуниста Мировского отправился к ст. Пограничной для оказания помощи Красной гвардии. 24 мая 1918 г. они опубликовали следующее заявление: «Мы, солдаты владивостокского чехословацкого революционного отряда при Красной социалистической Армии, приветствуем трудовое население Дальнего Востока в лице его Советов и заявляем, что мы признаем единственную власть, власть Советов, которую мы готовы защищать от всех ее врагов, как внутренних, так и внешних. Заявляем, что мы только приказы ЦИКа и его исполнительных органов на месте исполняем. Да здравствует Российская Советская Федеративная Республика!»¹

Для урегулирования отношений конфликтующих сторон, по предложению Владивостокского совета была создана смешанная советско-чехословацкая делегация из представителей Совета и представителей Национального совета чехословаков. Совету представлял член президиума испол-

¹ Борьба за власть Советов в Приморье (1917 – 1922 гг.). М, 1985. С. 121.

кома В. Антонов, а чехословацкую сторону – Й. Гоуска, заместитель В. Гирсы и председатель военной комиссии Национального совета, а также в нее вошли от Центросибири Ф. Лыткин и И. Гейцман, от Дальневосточного совета народных комиссаров (Дальсовревкома) Г. Калманович.

В. Гирса заявил: он очень рад, что смешанная делегация выезжает в Сибирь, и надеется с ее помощью удастся ликвидировать создавшееся опасное положение. Делегация убыла 17 июня. 24 июня делегация договорилась о заключении соглашения о предварительных условиях для мирных переговоров. Основными условиями соглашения были: взаимное освобождение пленных в Сибири; нежелание чехословаков участвовать в войне; эвакуация чехословаков из Владивостока с 1 июля, если конфликт будет урегулирован; сдача чехословаками оружия местным советским организациям; передача железнодорожных пунктов и участков советским организациям¹. Но мирные переговоры были сорваны ввиду завязавшегося боя в районе Нижнеудинска. Надежда на урегулирование вопроса мирным путем исчезла.

Но еще до начала переговоров командир Чехословацкого корпуса генерал В.Н. Шокоров торопил М.К. Дитерихса с началом выступления Владивостокской группы в Забайкалье². 16 июня он вновь телеграфирует Р. Гайде из Челябинска: «Вышлите непременно еще раз курьера во Владивосток с моим приказом войскам, находящимся там же, двинуться немедленно на Читу – Иркутск... Занять предварительно все склады оружия и амуниции во Владивостоке»³. 26 июня в поезде американской миссии очередной курьер Р. Гайды прибыл к М.К. Дитерихсу⁴.

¹ См.: Власть труда. 1918 г. 27 июня. № 119.

² Первый курьер от Р. Гайды прибыл во Владивосток 8, а второй – 14 июня. Оба они привезли директивы ВИК и командования корпуса, которые требовали как можно быстрее выступить на помощь частям, сражающимся в Сибири.

³ Цит. по: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... С. 225.

⁴ Za svobodu, D. 3 S. 667.

По словам М.К. Дитерихса, союзники сообщение о готовящемся выступлении во Владивостоке встретили с «симпатией» и проявили стремление оказать «моральную поддержку»¹. Американский консул во Владивостоке в тот же день телеграфировал в Вашингтон о том, что, по его мнению, «интервенция необходима», и настоятельно советовал «использовать выгодную ситуацию, когда чехи держат в своих руках значительную часть железной дороги...»²

За день до совершения переворота во Владивостоке состоялся пленум исполкома Владивостокского совета. На заседании присутствовали только большевики и левые эсеры. Было решено продолжать переговоры с чехословаками и попытаться помешать их выступлению против Советской власти. Было решено также попытаться вывести миноносцы из порта и направить их в Николаевск-на-Амуре.

29 июня 1918 г. чехословаки предъявили Владивостокскому совету ультиматум с требованием прекратить отправку снаряжения для вновь сформированных подразделений интернационалистов. Не получив ответа в указанное время ночью этого же дня, чехословаки заняли здание совета и приступили к разоружению Красной гвардии, которая не оказывала сопротивления, за исключением группы, находившейся в крепости, которая сдалась только после двухчасового боя³. В результате боя было убито 149 красногвардейцев, 17 коммунистов, 30 чехов, которые наиболее активно сражались за власть Советов были преданы военно-полевому суду. Руководство большевиков и Советской власти было арестовано. Часть из них была интернирована в чехословацких лагерях, другая – заключена эсерами во владивостокскую тюрьму⁴.

¹ Za svobodu, D. 3 S. 667.

² Цит. по: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... С. 226.

³FR. 1918. Russia. Vol. 2. P. 235.

⁴ См.: Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (окт. 1917 – окт. 1918 г.)... С. 213.

Однако не все части поддержали переворот. Два полка чехословаков отказались выступить против Советской власти и были вывезены на остров Русский. С союзных транспортов высадились войска и заняли город.

Меньшевики и эсеры объявили о «торжестве демократии», о восстановлении власти городской думы и земства; назначили новые выборы в городскую думу и призвали все население голосовать за меньшевистскую и эсеровскую партии. 30 июня вышедшее из подполья Временное правительство автономной Сибири П. Дербера объявило «мятежникам»: «Судьба объединила нас против одного общего врага... Помощь чехословацких войск сыграла огромную роль как в ускорении момента повсеместного признания Сибирского правительства, так и в неизменной успешности военных операций»¹. В этот же день вся хабаровская организация большевиков была объявлена мобилизованной на борьбу с чехословаками. На фронт в Приморье отправились рабочие арсенала и типографий, грузчики речного порта, железнодорожники Хабаровска, 300 рабочих Сучана, амурские красногвардейцы из г. Благовещенска².

Дальневосточный совет народных комиссаров (Дальсовнарком) обсудил 1 июля 1918 г. изменение военно-политической обстановки на Дальнем Востоке в связи с выступлением чехословаков во Владивостоке. Комитет считал необходимым объединить вооруженные силы Сибири и Дальнего Востока для совместной борьбы против сил контрреволюции. Было опубликовано воззвание к населению края, в котором Дальсовнарком призывал удержать в руках завоевания революции³. Также были организованы первые вооруженные заслоны против наступающих чехословацких и белогвардейских войск на подступах к Никольск-Уссурийскому: на линиях железных дорог

¹ Хроника событий 1917 – 1922 гг. М. – Хабаровск, 1933. С. 68.

² См.: Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1920). Кн. 1. Вооруженная борьба крестьян против объединенных сил интервенции и внутренней контрреволюции. (Апрель 1918 – апрель 1919 г.). Владивосток, 1972. С. 53 – 54.

³ См.: Дальсовнарком 1917 – 1918: Сб. документов Хабаровск, 1969. С. 236.

Владивосток – Угольная – Раздольное; Гродеково – Никольск-Уссурийский. Так возник фронт, получивший название Гродековского, под командованием в прошлом инженера путей сообщения Л.Н. Тонконового.

Первый бой с продвигающимися вдоль железной дороги чехословацкими подразделениями и красногвардейцами состоялся 3 июля у ст. Надеждинская. В результате этого боя красногвардейцы вынуждены были отступить к «89-й версте», ныне ст. Партизан, и занять оборону от железной дороги до р. Суйфун.

Чехословацкое командование, перед тем как применять силовые методы, пыталось решить вопрос о пропуске своих войск по железной дороге мирным путем. Вот как об этом свидетельствует участник этих событий член Военно-революционного штаба В.В. Сачук.: «6 июля в 10 часов вечера парламентарии от обороняющих Никольск-Уссурийский прибыли на встречу с представителями чехов для решения вопроса мирным путем. Чехи предложили не вступать с ними в вооруженную борьбу и пропустить их по железной дороге на запад в Сибирь. На что представители красных во главе с комиссаром железной дороги А.К. Чумаком ответили отказом и выбрали путь вооруженной борьбы, несмотря на превосходящие и в количественном, и в качественном составе сил противника»¹. Начался бой непосредственно на подступах к Никольску-Уссурийскому, и уже к утру 7 июля красногвардейцам был дан приказ к отступлению. 8 июля Красная гвардия отступила к г. Спасску.

После падения Владивостока, а затем и Никольска-Уссурийского командующий Уссурийским фронтом В.В. Сакович и начальник штаба В.И. Радыгин произвели перегруппировку войск, мобилизацию крестьянского населения в Красную Армию. Прибыл отряд под командованием И.П. Шевчука из Хабаровска, а также подкрепление из Амурской области. Численность

¹ Архивный отдел г. Уссурийска, ф. 327, оп. 1, д. 3, л. 30 – 33.

войск красных в Приморье значительно увеличилась – с 4-5 тыс. человек в апреле 1918 г. до 12 тыс. человек в августе¹.

Большая работа была проведена большевистским руководством на Дальнем Востоке по организации и ведению централизованного руководства всеми силами, стоявшими на пути восставших чехословаков и поддержавших их белогвардейцев и белоказаков. С этой целью Дальсовнарком во главе с его председателем А.М. Краснощековым утвердил по представлению Краевого штаба целый ряд приказов о централизации военного руководства в крае. В частности, 7 июля 1918 г. было принято постановление о создании единого военного центра для всех фронтов Сибири и Дальнего Востока. В сельской местности Дальнего Востока создавались крестьянские и боевые казачьи дружины красногвардейцев, которые оставались на полевых работах в деревнях до тех пор, пока Краевой штаб не примет решение об их использовании на фронте.

Одновременно с выступлением чехословаков активизировались и начали военные действия белогвардейские отряды Калмыкова и Орлова. Эти отряды перешли границу с территории Маньчжурии, где они укрывались после июньского поражения от отрядов большевиков. На ст. Гродеково Калмыков объявил себя атаманом Уссурийского казачьего войска. Но для этих войск не все складывалось благополучно во взаимодействии с чехословаками.

Вслед за выступлением отрядов Калмыкова начали движение на территорию Приморья вооруженные формирования под командованием генерала М. Хрещатицкого. Когда авангард генерала подошел к ст. Голенки, которая находится в 30 километрах от Никольска-Уссурийского, железная дорога впереди оказалась разобранной, а чехословацкие заставы встретили русские войска в боевом порядке. Письмо генерала М. Хрещатицкого, посланное генералу М.К. Дитерихсу, командующему группировкой чехословацких войск в Приморье, с указанием сил и предложений о совместных действиях против

¹ РГВА, ф. 1, оп. 1, д. 203, л. 35.

«германо-большевиков» было возвращено нераспечатанным. Консульский корпус во Владивостоке постановил предложить генералу Д.Л. Хорвату, претенденту на власть в лице «Правительства Автономной Сибири», немедленно отвести свои войска в полосу отчуждения КВЖД, а самому исполнять обязанности директора той же железной дороги. Генерал М.К. Дитерихс, настаивая на требованиях об отводе, согласно постановлению консулов, войск за границу, не соглашался на вступление их в Никольск-Уссурийский, мотивируя тем, что это может привести к междоусобице, которая усложнит положение в тылу чехословаков, наступающих на Хабаровск. Он также отказался от участия русских контрреволюционных войск в бое за Спасск¹. Такие события наглядно показывают, что не со всеми контрреволюционными силами командование Чехословацкого корпуса хотело иметь дело.

После удачных боев под Спасском чехословаки вышли к реке Уссури, ими был создан фронт по линии от ст. Шмаковка до реки Уссури. 31 июля 1918 г. красноармейские и красногвардейские войска численностью до 14 тысяч человек под командованием В.В. Саковича перешли в наступление на позиции чехословаков. Не выдержав напора, чехи были вынуждены отступить. Красногвардейские отряды отказались от преследования отступающих. Это было затруднено, кроме всего прочего, тем, что был взорван мост через Уссури. Подоспевшее подкрепление в лице войск союзников восстановило положение дел в пользу чехословацких частей².

Вскоре чехословаки были переброшены на Забайкальский фронт, где 30 августа 1918 г. в составе войск атамана Г.М. Семенова они соединились со своей Сибирской группировкой Чехословацкого корпуса.

Таким образом, вооруженное выступление Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. и примкнувшие к нему контрреволюционное движение и интервенционистские силы в течение лета свергли Советскую власть в По-

¹ См.: Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г)... С. 235 – 236.

² См. там же.

волжье, на Урале, в Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке. На освобожденных территориях стали образовываться буржуазно-демократические правительства, возглавляемые эсерами и меньшевиками.

Чехословацкое выступление в Поволжье, Сибири, на Урале, в Забайкалье и Приморье стало катализатором, который активизировал деятельность боевых контрреволюционных организаций, возглавляемых различными политическими направлениями, как правило, мелкобуржуазного толка – правыми эсерами, меньшевиками. На занятых территориях чехословаки силой устраняли Советы. Однако власть в свои руки они не брали, а передавали ее демократическим правительствам, численность которых достигла десятка. Это создавало затруднения в организации антибольшевистских сил и управлении ими.

Командование Чехословацкого корпуса в данный период стремилось не только активно способствовать борьбе с пробольшевистскими силами Поволжья, Урала, Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, но и наладить взаимодействие между антибольшевистскими силами.

Выводы по 2 разделу

1. Существовавшая в советской историографии точка зрения на вооруженное выступление Чехословацкого корпуса в России в мае 1918 г., положившее начало Гражданской войне в России, как результат на четко организованного и разработанного странами Антанты плана представляется необоснованной и не отражающей всей сложности и многогранности проблемы.

Первостепенное значение для развязывания Гражданской войны имела социально-политическая ситуация, назревшая в российском обществе, в связи с чем современная историография закономерно ведет отсчет этой войны не позже чем с февраля 1917 г.

Непосредственные же причины вооруженного выступления Чехословацкого корпуса кроются в комплексе политических и военных замыслов и действий как сил, непосредственно втянутых в конфликт, – чехословаков и Советской власти, так и внешних сил в лице стран Антанты и Германии.

2. Причинами вооруженного восстания чехословацкого легиона явилась неразрешенность спорных вопросов: о наличии оружия у чехословацкого легиона, об изменении направления движения эшелонов. На трагическое развитие событий оказали влияние несогласованность действий центральной и местной власти по вопросам взаимоотношений с чехословацким командованием. Политическая зависимость России от условий мирного договора с Германией и обязательств командования чехословацкого корпуса перед странами Согласия соответственно накладывали свой отпечаток на принятие решения о начале военных действий. Агитация среди солдат Чехословацкого корпуса, которую проводили представители различных политических течений России (большевики, эсеры, кадеты, представители офицерского корпуса), создали взрывоопасную обстановку в войсковой среде.

3. Мятеж Чехословацкого корпуса явился этапным событием Гражданской войны. Он вывел ее на новый уровень: от локальных столкновений небольших вооруженных отрядов преимущественно по линии Транссибирской

железнодорожной магистрали стороны перешли к широкомасштабным военным действиям с участием крупных войсковых группировок. Обширные районы Поволжья, Урала, Сибири в короткий срок превратились в театр военных действий.

4. На первоначальном этапе мятежа успеху чехословаков способствовал ряд обстоятельств: отсутствие достаточных сил и средств у местных и центральных властей, необходимых для ликвидации очагов восстания; поддержка чехословаков со стороны внутренних контрреволюционных и интервенционистских сил, а в некоторых регионах и населения; отсутствие единого мнения у представителей центральной и местной Советской власти по вопросу отношения к чехословацкому корпусу, что затрудняло принятие решений.

5. Результатом вооруженного выступления Чехословацкого корпуса в Поволжье, на Урале, в Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке явилось свержение Советской власти на местах и установление буржуазно-демократических правительств. Поддержка со стороны контрреволюционных сил и стран – участниц Антанты способствовали изменению направления движения корпуса с востока на запад – в центр России.

6. Чехословацкий корпус способствовал активизации процесса создания и объединения уже существующих военных контрреволюционных группировок. Развернувшиеся события в Поволжье и Сибири подтолкнули Советское правительство к ужесточению внутренней политики – к мобилизации сил для подавления восстания чехословацкого мятежа и уничтожения контрреволюции.

РАЗДЕЛ III. Участие Чехословацкого корпуса в противоборстве политических сил Гражданской войны в России

После Октябрьской революции Чехословацкий корпус стал объектом воздействия различных политических сил, действовавших на территории России, каждая из которых пыталась использовать его в своих интересах. До момента разрыва взаимоотношений с большевистской властью командование корпуса неохотно шло на контакт с представителями противостоящих ей сил и партий, видя свою главную цель в эвакуации с территории России. Но после мая 1918 г. логика противостояния Советской власти заставила чехословацких военных и политиков вступить в более тесные отношения с антибольшевистскими силами, а для некоторых из них стать союзником.

В числе таких внутрироссийских сил диссертант выделил следующие: а) социалистические партии – эсеры, меньшевики, анархисты; б) буржуазные партии, прежде всего кадеты; в) монархический лагерь, ассоциировавшийся в первую очередь с именем адмирала А.В. Колчака. Внешние силы были представлены странами Антанты, принимавшими участие в интервенции на территорию России.

По ходу Гражданской войны происходило так, что некоторые из вчерашних союзников становились противниками. В этом явлении, по мнению диссертанта, отразилась вся сложность и противоречивость расстановки различных политических сил и их борьбы за власть в России.

Из названных внутренних антибольшевистских сил наибольшие симпатии чехословаки проявили к партии правых эсеров, которая в 1918 г. на территории страны, не находившейся под юрисдикцией Советской власти, была одной из самых многочисленных и влиятельных. Именно сотрудничество с этой партией заставило политическое руководство Чехословацкой Республики и командование Чехословацким корпусом внести существенные коррективы в свои действия.

Симпатии легионеров к эсерам объяснялись рядом обстоятельств. Большинство чехов и словаков было настроено в демократическом духе, но не столь радикально, чтобы стать на сторону большевиков. Вместе с тем они не видели особого смысла поддерживать меньшевиков, которые были готовы вести борьбу с большевистской властью, грубо поправшей демократические принципы, только политическими средствами. Что касается монархистов, то отношение к ним со стороны командования Чехословацкого корпуса лучше всего передал английский разведчик Б. Локкарт: «Чехословаки не любили царского режима, который отказывался признавать их как самостоятельную национальность. Они были демократы по инстинкту, сочувствовали русским либералам и социалистам-революционерам. Они не могли дружно работать с царскими офицерами, составлявшими основные кадры в армиях антибольшевистских генералов»¹.

Эсеры после разгона в январе 1918 г. Учредительного собрания, состоявшего в своей основе из представителей этой партии, перешли к вооруженной борьбе против большевистской власти. Их политические установки, заключавшиеся в восстановлении в России буржуазно-демократического строя, оказались легионерам наиболее близки.

Установлению контактов между эсерами и чехословаками способствовал и чисто географический фактор. И выступление корпуса, и деятельность эсеровского подполья, а затем и открыто проявившие себя силы партии социалистов-революционеров имели место в одних и тех же регионах — в Поволжье, на Урале, в Сибири.

Сознавая, что в центре страны большевизм опирается на значительную часть пролетарского населения, эсеры, чью социальную базу составляло крестьянство, еще с начала 1918 г. стали перебрасывать свои силы из центра на

¹ Локкарт Б. История изнутри: Мемуары британского агента. М., 1991. С. 265.

восток¹. Так, в Самаре возникла тайная офицерская организация во главе с полковником Н.А. Галкиным, насчитывающая примерно 200-250 человек. В Саратове была создана конспиративная квартира для приема офицерских кадров. Они направлялись в распоряжение партийной организации Поволжского областного комитета, объединявшего Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Казанскую, Астраханскую, Пензенскую губернии и область Войска Уральского.

О подготовке к организации антисоветского переворота член Комуча П.Д. Климушкин позднее писал, что «самарский переворот не явился стихийно», что его подготовка началась со времени возвращения в Самару эсеров, членов Учредительного собрания после его роспуска большевиками. Как указывает П.Д. Климушкин, эсеры поставили своей задачей подготовку почвы для свержения Советской власти, используя недовольство части населения².

Общую работу по подготовке восстания против большевистской власти взяла на себя военная комиссия партии эсеров в контакте с «Союзом возрождения». Это политическое образование находилось в официальных сношениях с союзниками и вело переговоры о восстановлении фронта в России, как писал один из участников свержения большевистской власти на Волге и в Сибири, «для борьбы с Германией и с теми, кто мешал этой борьбе и кто заключил позорный Брест-Литовский мир»³.

К началу лета Среднее Поволжье было опутано довольно густой сетью контрреволюционных сил: в Казани действовали офицеры генерала И.И. По-

¹ См.: Воронов В.Н. Вооруженные формирования на территории Сибири в период гражданской войны и военной интервенции 1917–1922 гг.: Монография. М., 1998. С. 195.

² См: Отчет о митинге, посвященном истории самарского переворота // Вестник Комуча. 1918. 6 сентября.

³ Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков: (Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири). Нью-Йорк, 1919. С. 11.

пова и савинковцы, многие из которых после раскрытия заговора органами ВЧК в конце мая ушли в Самару, где вели подпольную жизнь.

По словам П.Д. Климущкина, «уже тогда можно было вызвать гражданскую войну, но ... это кончилось бы печально, ибо реальных сил для поддержки движения со стороны населения и рабочих не было»¹. Союз с восставшим Чехословацким корпусом давал шанс внутренним силам контрреволюции на успешную борьбу с большевистским режимом.

На всем протяжении пути чехословацких войск контрреволюционно настроенные офицеры входили в связь с чехословацким командованием. Вот что вспоминал майор Я. Кратохвил, командир батальона 6-го чехословацкого полка: «Русские офицеры, которыми была переполнена Западная Сибирь, возбуждали и поддерживали в нас недоверие к советской власти. Уже давно до выступления, на станциях, где мы задерживались на большое время... уговаривали нас к насильственному выступлению... От офицеров в вагонах чехословацких поездов часто принимались донесения, они играли для нас роль шпионов. Позже, перед самым выступлением, они своей помощью содействовали удачным действиям, так как доставляли планы городов, размещения гарнизонов и т.д.»²

Установлению связи чехословаков с подпольными эсеровскими военными организациями благоприятствовало то обстоятельство, что корпус довольствовался через систему потребительской кооперации, которой руководили члены партии эсеров. Й. Скацел, начальник личной канцелярии будущего командующего чехословацкими войсками в Сибири генерала Я. Сырвого, признавал: «Кооперативы именно потому, что от них зависело снабжение чехословацких эшелонов, сделали возможной перед нашим выступлени-

¹ См.: Речь А.П. Климущкина // Вестник Комуча. Самара. 1918. 6 сентября.

² Кратохвил Я. Путь революции. Прага, 1922. С.19.

ем связь с антибольшевистскими организациями, главным образом офицерскими»¹.

По директиве Т.Г. Масарика Ф. Шип, ведавший финансовыми вопросами в филиале Национального Совета, договорился с представителями сибирских кооперативов о снабжении чехословацких частей. Заключенный 28 марта 1918 г. договор между филиалом Национального совета и «Закупсбытом» был гарантирован Московским народным банком и французской военной миссией². Этот факт подтверждает еще один архивный документ, выявленный автором диссертации: «...московской агентурой «Закупсбыта» был заключен с представителем Чехословацкого корпуса договор о снабжении чехословацкого войска довольствием в пути из России во Владивосток, откуда войска должны были направляться на французский фронт...»³

Правда, прочный контакт между эсерами и командованием корпуса установился не сразу. Накануне своего ареста в Москве 21 мая 1918 г. представители Чехословацкого Национального Совета в России П. Макса и Б. Чермак «категорически отказали социал-революционерам», требовавшим от чехословаков начала немедленной борьбы против большевиков. Эмиссар Комуча эсер И.М. Брушвит, приехавший в Пензу для переговоров с чехословаками сразу же после их вооруженного выступления, был встречен прохладно. Ему сообщили, что части корпуса следуют во Францию и не желают вмешиваться во внутренние дела России⁴. И.М. Брушвиту с трудом удалось уговорить С. Чечека хотя бы на несколько дней задержаться в Самаре, чтобы дать возможность комитету стать на ноги⁵.

Как полагает диссертант, чехословаки не сразу поверили в силу и способность эсеров возглавить движение против Советской власти. Но после то-

¹ Skácel J. Československá armáda v Rusku a Kolčak. Praha, 1926. S. 23.

² ГАРФ, ф. 1700, оп. 2, д. 3, л. 147.

³ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 152, л. 5.

⁴ См.: Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М., 1923. С.47 – 48.

⁵ См.: Брушвит И.М. Как готовилось волжское выступление // Воля России. Прага, 1928. № 10. С. 91 – 94.

го, как Сызранский совет в конце мая 1918 г., заключив мирное соглашение с чехословаками, пропустил эшелоны к Самаре, а затем выдвинул вооруженные силы для нанесения удара в тыл легионерам, командование корпуса пошло на сближение с внутрироссийскими контрреволюционными силами. Разбив в неравном бою под Липягами большевиков, чехословаки вступили в Самару, которая уже была в руках восставших.

Цели эсеров, как и в целом Белого движения, и командования Чехословацкого корпуса совпали. Они стали воевать с одним врагом – большевизмом. В руках чехословацкого командования это стало сильным оружием, чтобы убедить личный состав вступить в активную вооруженную борьбу с красными.

Как вспоминал командир американского экспедиционного корпуса генерал В. Грэвс, рядовой состав Чехословацкого корпуса не желал вмешиваться в Гражданскую войну и сражался с большевиками только потому, что чехословаки «представляли их себе агентами Германии или Австрии и полагали, что большевики мешают им при осуществлении их стремлений» – создать независимое государство¹.

О подобных политических настроениях рядовых чехословацких легионеров свидетельствует донесение председателя Высшей Военной Инспекции РККА Н.И. Подвойского. В телеграмме в СНК из Уфы в середине июня 1918г., основываясь на показаниях двух медицинских сестер, он сообщает: «Один из врачей чешского эшелона заявил сестрам, что они силой оружия объединят большевиков, дутовцев и семеновцев и принудят их к войне с немцами...»²

Стремление командования Чехословацкого корпуса создать фронт и преградить продвижение германских войск на восток было не случайным. Даже после подписания Брест-Литовского мира и ратификации его в середи-

¹ См.: Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918–1920). М., 1932. С. 61.

² ГАРФ, ф.130, оп. 2. д. 636. л. 144.

не марта IV съездом Советов наступление германских войск продолжалось на юге страны¹.

Как показывают исторические материалы, изученные диссертантом, чехословаки склонились к выступлению против Москвы еще и потому, что оно нашло поддержку среди части населения России.

В докладе командующего 3-й армии советских войск Р.И. Берзина от 14 июня 1918 г. отмечалось: «В самом городе Екатеринбурге рабочие Верх-Исетского завода на многотысячном митинге не давали говорить представителям Советской власти и заявляли, что с чехословаками у них вражды нет»².

И.М. Брушвит вспоминал летом 1918 г.: «Взятие крестьянскими эсеровскими дружинами Томилинского завода, установление ими охраны моста, радушная встреча крестьян, доставивших чехам провизию и все необходимое, а также восстание уральских казаков окончательно убедили чехов, что Россия может возродиться»³.

Характерной в данном отношении является резолюция рабочего собрания, опубликованная в 1919 г. в связи с годовщиной свержения Советской власти в Сибири: «Собравшись 2-го июня в театре Сергиевского завода, мы, рабочие Сергиевского завода и Томиловского артиллерийского склада в количестве около 1500 человек, выражаем свое горячее негодование и полное презрение комиссару по военным делам Троцкому-Бронштейну за провокационную двуличность, который своими кровожадными, приказами и холопской угодливостью перед немецким империализмом стремится кровью залить и раздавить революционный порыв наших братьев чехословаков, славных и многолетних борцов за наше освобождение. Вместе с тем мы просим наших товарищей крестьян по пути следования чехословаков оказать им со-

¹ К лету 1918 г. кайзеровские войска захватили свыше 1 млн. кв. км территории европейской части России. (См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 142 – 144, 147 – 148).

² Цит. по: Константинов С.И. Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1998. С. 105.

³ Цит по: Алексеев В.Н. Два года борьбы. Ульяновск, 1927. С. 66.

действие, достать продовольствие. Да здравствует свободная Чехия! Да здравствует Чехословакия! Долой Троцкого, долой Ленина»¹.

Сложившаяся обстановка подталкивала чехословацкое командование к активизации действий против большевизма.

Свое веское слово сказала и Антанта. Она имела прямое отношение к разработке «плана создания волжского фронта», о чем писал член Комуча В.И. Лебедев². По сути, еще до начала мятежа Чехословацкого корпуса в Лондоне и Париже были намечены примерные задачи корпуса в случае интервенции. 16 мая английское министерство иностранных дел сообщило консулу Ходжсону во Владивостоке, что корпус «может быть использован в Сибири в связи с интервенцией союзников, если она осуществится»³.

18 мая французский посол в России Ж. Нуланс сообщил военному представителю при корпусе майору А. Гинэ, что «союзники решили начать интервенцию в конце июня и рассматривают чешскую армию в качестве авангарда союзной армии».

К началу июля 1918 г. силы контрреволюции добились большого успеха. В результате вооруженного выступления Чехословацкого корпуса при поддержке эсеров-белогвардейских военных формирований Советская власть на территории от Волги до берегов Тихого океана оказалась свергнутой. На освобожденных от режима большевиков территориях были созданы эсеро-меншевицкие правительства.

Самое крупное правительство – Комуч, претендовавшее на роль все-русского, было создано в Самаре 8 июня 1918 г.⁴ В этот же период образо-

¹ Русская армия. 1919. 8 июня.

² Левидов М. К. История союзной интервенции в России. Л., 1925. С.119.

³ Цит. по: Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М., 1982. С. 77.

⁴ В истории оно осталось под именем Комитета членов Учредительного собрания (Комуч, или «Самарская учредилка»). К концу сентября 1918 г. в его состав входило 97 человек, а власть Комуча распространялась на Самарскую, часть Саратовской, Симбирскую, Казанскую, Уфимскую губернии, ко-

вался Волжский фронт. Для успешного ведения боевых действий против Красной Армии под руководством «Самарской учредилки» формировалась добровольная Народная армия (НА)¹.

Член Комуча П.Д. Климущкин писал: «Народная армия начала создаваться снизу, стихийно, на поле битвы – в селах, деревнях, уездных городках... Например, сызранцы, по преимуществу рабочие, узнав о продвижении чехословаков, вооружились, свергли большевистскую власть и образовали демократическую... Из этих добровольческих частей и создавались потом, по оставлении Самары, батальон Учредительного Собрания, насчитывающий одно время до 1500 чел., конный отряд Фортунатова, чешско-русские батальоны»².

Народная армия стала тем костяком, вокруг которого впоследствии была образована Сибирская армия, возглавляемая А.В. Колчаком. Образованию НА способствовала активная поддержка командования Чехословацкого корпуса, заинтересованного в сильном и надежном союзнике в борьбе с большевиками.

Одновременно с созданием Белой армии чехословаки стремились увеличить численность своего корпуса. В середине июля 1918 г. в Новониколаевске начали формироваться два новых чехословацких полка – 11-й и 12-й третьей дивизии. Во второй половине августа филиал Национального Совета объявил всеобщую мобилизацию чехов и словаков на контролируемой им территории.

которые были объявлены «территорией Учредительного собрания». Внутренняя политика Комуча вполне соответствовала его «демократическому» содержанию. «Самарская учредилка» отменила все декреты Советской власти, вернула владельцам национализированные предприятия и другую собственность, денационализировала банки, позволила помещикам вернуть себе конфискованные у них земли, ввела практику посылки в бунтующие деревни карательных отрядов и восстановила свободу частной торговли.

¹ ГАРФ, ф. 675, оп. 1, д. 33, л. 15.

² Климущкин П.Д. Чехословацкое выступление. «Волжское движение» и образование директории. Прага, 1925. С. 27.

«Мобилизованным чехам и словакам, – отмечает в своих записках комиссар 1-й дивизии В. Найбрт, – было предложено на выбор: либо вступить в армию и приобрести все права и обязанности добровольцев, либо быть зачисленными в рабочие дружины, где их ожидала низкая плата и много работы. Поэтому большинство их вступило в армию»¹. До конца года в корпус вступило около 14 тысяч, как их стали называть, «недобровольных добровольцев», а 4700 чехов и словаков оказались в рабочих дружинах². Одновременно летом 1918 г. под руководством чехословацкого командования стали создаваться боевые части из поляков, югославян, румын и итальянцев. К середине февраля 1919 г., по официальным данным командования, они насчитывали более 12 тысяч человек³.

В момент наибольших успехов (к концу лета 1918 г.) силы чехословацких частей и частей НА Комуца достигли 40 – 57 тысяч штыков и сабель⁴. Более точных цифр диссертанту установить не удалось. Известно лишь, что к 15 февраля 1919 г., то есть после продолжительных и кровопролитных боев, в трех дивизиях и вспомогательных частях корпуса числились 50 997 солдат и офицеров⁵.

На Восточном фронте со стороны Красной Армии им противостояли более 60 тысяч человек⁶.

Несмотря на то, что НА вместе с казачеством Урала и Оренбурга представляла значительную силу, внутренне она была слаба в основном по причине недостаточной обученности и нежелания мобилизованного крестьянст-

¹ Najbrt V. Rozlet a rozlom sibiřského bratrstva. Brno, 1936. S. 116.

² Za svobodu. D. 4, S. 228.

³ Ibid. S. 340. По другим сведениям в этих формированиях было почти 30 тысяч человек. Еще около 100 тысяч военнопленных немцев, австрийцев, венгров были привлечены к различным работам в тылу под руководством чехословацких офицеров. (Holeček. Naše vojsko. Irkutsk, 1919. S. 58 – 59).

⁴ См.: Гражданская война 1918 – 1921 гг.: В 3 т. М.– Л., 1930. Т. 3. С.80.

⁵ Za svobodu. D. 4. S. 345.

⁶ См.: Гражданская война 1918 – 1921 гг. С. 81.

ва воевать¹. Были отмечены случаи отказа от участия в вооруженных формированиях Комуча, а также факты дезертирства².

Такое положение армии негативно сказывалось на состоянии воинской дисциплины в чехословацких частях. В письме командиру 1-й дивизии С.Чечеку командир 1-го полка полковник Й. Швец писал, что когда чехословацкие солдаты видят, как «собственный народ на собственной земле не желает эту землю защищать», то у них «появляется мысль, что они дерутся за чужие интересы»³.

Для того чтобы значительно повысить боеспособность своих войск, командование НА вынуждено было перейти к организации службы практически по уставам старой русской армии⁴. Командирам частей предоставлялось право учреждения военно-полевых судов.

Но перечисленные мероприятия были запоздалыми, и в сентябре под натиском Красной Армии начался отход НА и чехословаков к предгорьям Урала. В этой ситуации чехословацкое командование предпринимало шаги к изменению положения. По предложению полковника Б. Павлу была сделана попытка создания сводных русско-чехословацких полков, чтобы на примере взаимоотношений между легионерами русские поучились, как можно соединять принципы демократии со строгой воинской дисциплиной. Но такой подход к строительству военных отрядов не увенчался успехом. Во многом этому противились антидемократически настроенные офицеры, не желавшие подчиняться чехословацким командирам, которые еще недавно были у них в подчинении⁵. Если бы не чешские штыки, справедливо пишет И.М.Майский, то «черные генералы, конечно, уже летом 1918 г. бесцеремонно покончили

¹ См.: Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири. Токио, 1921. С. 7.

² Вместо 50 тыс. человек, на которые рассчитывал Комуч, ему удалось, насильно мобилизовать лишь 12–15 тыс. (См.: Майский И.М. Демократическая контрреволюция. С. 112; Najbrt V. Rozlet a rozlom sibiřského bratrstva... S. 176 – 178).

³ Naše revoluce, roč. 3, sv. 3 – 4. S. 304.

⁴ ГАРФ, ф.176, оп. 1, д. 3, л. 43.

⁵ См.: Степанов А.П. Симбирская операция. С. 84 – 94.

бы с бледно-розовыми демократами меньшевистско-эсеровского толка»¹. Да и в среде чехословацкого высшего офицерства росло число сторонников открытой белой диктатуры.

Сотрудничество чехословацкого командования и эсеро-меньшевистских правительств не ограничивалось только военной сферой. Границы совместных действий распространялись и на политическую сферу. Командование корпуса содействовало объединению усилий различных контрреволюционных сил против общего противника – большевиков и германцев. А политический вес ему придавало наличие под его командованием боеспособных регулярных частей.

Предвидя осложнения, которые могут возникнуть у Временного Сибирского правительства² во время переговоров со сторонниками жесткой внутренней политики, товарищ министра внутренних дел П.Я. Михайлов констатировал, что «наше положение зависит исключительно от позиции чехов», и в связи с этим он еще в начале июня в телеграмме А.Н. Гришину-Алмазову рекомендовал немедленно прощупать политическую позицию Р. Гайды и других влиятельных чешских руководителей³.

¹ Майский И.М. Демократическая контрреволюция... С. 168, 170.

² Временное Сибирское правительство (ВСП) – контрреволюционная белогвардейско-эсеровская организация, нелегально созданная в Томске 27 января (9 февраля) 1918 г. на конспиративном совещании членов бывшей Сибирской областной думы, которая накануне была распущена Томским советом. Вскоре большинство членов этой организации во главе с правым эсером П.Я. Дербером перебралось в Харбин, остальные остались в Томске. В середине мая 1918 г. П.Я. Дербер со своим «правительством» прибыл во Владивосток под охрану войск интервентов. Когда в конце мая белогвардейскими и чехословацкими частями был взят Томск, 1 июня власть в городе захватили находившиеся там члены ВСП – правые эсеры, которые объявили о создании Западно-Сибирского комиссариата ВСП. В июне комиссариат переехал в Омск. 23 июня 1918 г. в Томске было сформировано новое ВСП (председатель П.В. Вологодский). 29 июня основной состав ВСП (во главе с П.Я. Дербером), находившийся во Владивостоке, после занятия его чехословацкими объявил себя «центральной властью Сибири». (См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 122 – 123).

³ ГАРФ, ф. 170, оп. 1, д. 3, л. 14.

В следующий раз П.Я. Михайлов поднял данный вопрос в конце августа – начале сентября 1918 г. в специальном докладе Совету министров. У Сибирского правительства, Г.М.Семенова, А.В. Колчака и других, указывал он, «...собственных сил нет, и они могут чего-либо добиться, опираясь только на других (чехословаков, японцев и пр.)». Положение Временного Сибирского правительства, делает вывод П.Я. Михайлов, «может считаться прочным тогда, если, поддерживая его, на его стороне будут чехословаки, как значительная военная сила, хорошо снабженная и занимающая почти все железнодорожные пункты сибирской магистрали и фактически являющаяся хозяином положения...»¹

На тот момент, как считает диссертант, главным препятствием на пути преодоления разногласий между различными областными правительствами и координации их действий на освобожденной территории было отсутствие ясности, какое же региональное правительство станет костяком будущей все-российской власти. На роль Всероссийского правительства претендовали и Комуч, и Сибирское правительство. Во время их первого совместного заседания в середине июля 1918 г. в Челябинске Комуч заявил, что «рассматривает себя эмбрионом все-российской власти, а не областным правительством и что, как только в Самаре соберутся не менее 30 членов Учредительного Собрания, будет образовано это правительство, которому должны подчиняться все областные»². А Временное Сибирское правительство наотрез отказалось не только признать эту точку зрения, но даже и обсуждать ее.

Пагубность такой позиции для дела совместной борьбы с большевистским режимом была для многих очевидной. Член Временного Всероссийского правительства эсер А.А. Аргунов писал: «Существование нескольких областных правительств по одну сторону большевистско-немецкого фронта, естественно, выдвигало потребность согласования их деятельности... А между

¹ ГАРФ, ф. 170, оп. 1, д. 1, л. 18 – 21.

² Цит. по: Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919. С. 13.

тем политика областных правительств по обе стороны Урала шла вразрез с требованиями времени... Доходило даже до устройства таможенных застав и таможенной войны, воспрещения вывоза хлеба и продуктов, до отказа во взаимной военной помощи... Представители двух областных правительств – Сибирского и Самарского, словно две иностранные державы, оспаривали между собой право на «присоединение» к себе Урала, активно выступали против создания самостоятельного Уральского правительства. Только вмешательство чехословаков положило конец этой конкуренции»¹.

Аналогично характеризовал политику областных правительств председатель русского отделения ЧСНС Б. Павлу в статье, опубликованной 18 сентября 1918 г. в чехословацкой газете «Ческословенски денник»: «Оставаясь в России и борясь за ее освобождение, мы приветствуем создание всероссийской власти тем охотнее, что надеемся на прекращение ею внутренней смуты и неурядицы... Мы с самого начала нашего выступления всемерно содействовали учреждению русской власти на освобожденной территории, но, к сожалению, мы должны были наблюдать не взаимодействие отдельных областей, а что-то вроде глухой вражды. Дело доходило... до того, кто кого будет поддерживать на случай войны одной области с другой. Эгоизм и непонимание общегосударственных задач доходило до пределов недопустимого»².

Увеличение численности войск Красной Армии на волжском и уральском фронтах и углубление разложения НА и чехословацких войск – настоятельно требовали от антибольшевистских сил безотлагательного объединения всех усилий. И здесь в качестве третейского судьи выступили чехословаки. Разногласия между Комучем и Временным Сибирским правительством на совещании в июле 1918 г. удалось сгладить лишь благодаря вмешательству именно их представителей, а также некоторых иностранных миссий и членов «Возрождения». Результатом совещания стало решение продолжать переговоры по вопросу создания единого правительства.

¹ Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. С. 11.

² Ческословенски денник. 1918. 18 сентября.

На втором заседании в Челябинске 20 августа 1918 г. из-за того что многие представители не прибыли на него были пересмотрены состав членов совещания, а также время и место будущего совещания. Но не все представители поддерживали решение о перенесении времени совещания и настаивали на немедленном решении вопроса о правительстве. В числе наиболее активных сторонников этой позиции были представители чехословаков. Членам совещания было роздано обращение делегатов от ЧСНС, в котором совет указывал на тяжелое, почти катастрофическое положение чехословацкого войска, борющегося с «большевиками-немцами», из-за отсутствия центра власти. В обращении высказывалась уверенность в том, что почва для такой власти уже созрела в сознании всех общественных слоев и отдельных правительств, и «что все согласны с вопросом о характере и задачах этой власти, власти демократической...»¹.

Окончательное решение о создании Временного Всероссийского правительства было принято 23 сентября 1918 г. на совещании, проходившем в Уфе и получившем название Уфимского государственного совещания (УГС). Огромное влияние на его ход оказывали представители союзнических миссий и чехи. Они стремились к тому, «чтобы между обеими группами был заключен деловой компромисс и образован комитет с преобладанием умеренного течения русской общественности»². Симпатии Чехословацкого Национального Совета были на стороне эсеров. Однако чехи зависели от Антанты и вынуждены были смягчить свою позицию.

Кроме того, при всей огромной помощи, которую чехи оказывали Комучу, далеко не все чешские лидеры в России занимали проэсеровскую позицию. Так, генерал Р. Гайда считал парламентаризм в России несвоевременным, в качестве временной меры называл «военную диктатуру», в дальнейшем – «монархию и хорошую демократическую конституцию». В после-

¹ Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. С. 15.

² Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. М., – Пг., 1923. С. 66.

дующем такой настрой повлиял на поддержку Гайдой диктатуры адмирала А.В. Колчака и занятие должности командующего Сибирской армией¹.

На УГС было принято решение о создании коалиционного правительства из лиц разных политических течений, внутренне единого и действующего независимо от партий и организаций, их выдвигавших. Был утвержден состав Временного Всероссийского правительства: кадет Н.И. Астров, беспартийный, член Союза Возрождения России генерал В.Г. Болдырев, эсеры Н.Д.Авксентьев, Н.В. Чайковский, член Сибирского правительства П.В.Вологодский. Были также назначены пять заместителей, замещающих строго определенное лицо на случай смерти, отказа или долгого отсутствия кого-либо из членов правительства. Это важное событие, по словам А.А. Аргунова, ставшего заместителем члена правительства Н.Д. Авксентьева, вселило надежду в членов собрания и представителей союзных наций, и прежде всего чехословаков, на то, что «демократия может объединиться в единую силу, что дух борьбы и недоверия отлетел, унесенный пережитым и осознанным общим горем страны»².

Но кризис власти, развал НА и деморализация частей Чехословацкого корпуса стали приобретать необратимые процессы. В сентябре 1918 г. Волжский фронт потерпел поражение. Большевиками были взяты Симбирск, Казань и Самара.

Такому развитию событий, кроме уже названных выше причин, во многом способствовало усиление агитации среди военнослужащих Чехословацкого корпуса со стороны коммунистов, входивших в Чехословацкую группу РКП(б)³. Если в течение первых трех месяцев боев, как отмечалось в

¹ Сибирская армия (СА) создана в июне 1918 г. в Новониколаевске. До июля носила название Западно-Сибирской армии. В декабре 1918 г. ее расформировали, и было объявлено о создании новой Сибирской армии. Генерал Р. Гайда командовал СА с 1 января по 10 июля 1919 г. (См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 537.)

² Цит. по: Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. С.19.

³ Чехословацкая группа РКП(б) (Ч.г.) была создана в мае 1918 г. в Москве на учредительном съезде (79 делегатов от 5600 членов организации и

докладе политотдела 3 армии, агитация среди чехословацких солдат «видимых результатов не давала»¹, то уже в конце августа – начале сентября в политических сводках и прифронтовой печати появляются сообщения о начавшемся брожении в корпусе и появлении первых перебежчиков².

В начале сентября по инициативе чехословацких коммунистов Реввоенсоветом Восточного фронта и затем Народным комиссариатом по военным делам были изданы специальные приказы, в которых отмечался факт «начавшегося массового перехода неприятельских солдат на сторону советских войск» и строжайше запрещался самосуд; за самочинные расправы над пленными предусматривалась самая суровая ответственность³.

О фактах деморализации и дезертирства свидетельствуют и чехословацкие документы: от пассивного сопротивления отправке на фронт в июне – июле 1918 г. солдаты перешли к более активным действиям уже в августе того же года⁴. А в октябре командир 1-го чехословацкого полка Й. Швец доносил С. Чечеку, что «народная армия полностью разложилась. Солдаты частично разбежались, частично перешли к красным... Разложение русских

1850 чехословацких красногвардейцев и красноармейцев). Ч.г боролась против контрреволюционеров, использования чехословацкого корпуса в антисоветских целях. Ее члены вели революционную пропаганду в частях мятежного корпуса. (См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 656.)

¹ РГВА, ф. 41, оп. 1, д. 550, л. 68.

² РГВА, ф. 106, оп. 3, д. 104, л. 109 – 110; Красная армия. 7 октября 1918 г. (Пенза).

³ ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 589, л. 21.

⁴ Уже на следующий день после падения Казани (10 сентября 1918 г.) отказался выгружаться с судна и идти на фронт взвод 1-го полка, требуя отправки в тыл. 29 сентября 4-й полк не выполнил приказ о занятии позиций, самовольно брошенных 10-м полком под Мелекесом. В тот же день солдаты 3-го батальона 2-го полка в резолюции, переданной комиссару дивизии, категорически потребовали отвода в тыл, заявив, что не желают сражаться «за какой-то «славянский романтизм» или ради благополучия одиночек».

30 сентября 6-я рота 2-го полка, захватив пулеметы, самовольно погрузилась на судно и направилась в тыл, покинув позицию под Жигулями. (См.: Naše revoluce. Roč. 4. Sv. 1 – 2. S. 129 – 130).

войск так сильно деморализовало наших солдат, что боеспособность людей упала ниже нуля. Вообще, взоры всех обращены не на запад, а на восток»¹.

В таком состоянии чехословацкие солдаты все с большим желанием шли на контакт с представителями большевистского подполья. Уже в конце осени 1918 г. между ними были налажены первые связи. В этом отношении интересен доклад члена Троицкой организации С. Малышева обкому партии, который указывал на готовность Челябинского чехословацкого гарнизона поднять восстание и захватить город в свои руки. Было также отмечено, что «почва для дальнейшей работы благоприятная... Долг нашей партии обратить внимание на тыловую работу и принять в этом направлении спешные меры и оказать посильную помощь нашим зарубежным товарищам»².

Белое офицерство, и особенно его черносотенно-монархическое направление, настороженно относилось к взаимоотношениям чехословацкого командования с эсерами и меньшевиками³. После неудач на фронте белогвардейское и чехословацкое командования занялись обвинением друг друга в поражениях, в стремлении спрятаться за чужую спину, избежать активного участия в боях⁴.

Окончательный удар по боеспособности чехословацких частей был нанесен колчаковским переворотом, установлением открыто реакционной военной диктатуры. Уфимская директория была свергнута в ночь на 18 ноября 1918 г. Казаками были арестованы члены Всероссийского правительства Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, А.А. Аргунов и заведующий делами милиции Е.Ф. Роговский. Непосредственное руководство переворотом осуществляли, кроме командующего Омским гарнизоном полковника В.И. Волкова, войсковые старшины А.В. Катанаев и И.Н. Красильников.

¹ Naše revoluce. Roč. 3. Sv. 3 – 4. S. 304.

² Цит. по: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... С. 272.

³ ГАРФ, ф. 162, оп. 1, д. 2, л. 32; там же, д. 3. л. 161.

⁴ Там же, д. 2, л. 34, 69.

В ночь с 18 на 19 ноября под председательством П.В. Вологодского состоялось экстренное заседание Совмина. Большинством голосов на пост Верховного правителя и Главнокомандующего был избран адмирал А.В. Колчак. Главной своей целью адмирал объявил «создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеалы свободы, ныне провозглашенные по всему миру»¹.

Член Директории генерал В.Г. Болдырев, в чьих руках была армия, отказался принять участие в перевороте, произошедшем за его спиной. В своих воспоминаниях он так оценивает сложившуюся после переворота ситуацию: «Иллюзий больше не оставалось. Война или уход от власти». Однако, А.А.Аргунов был уверен, что В.Г. Болдырев вполне мог стать победителем, так как за ним пошла бы Народная армия и чехословаки².

Против диктатуры попытался выступить Совет Управляющих Ведомствами. Совет обратился к В.Г. Болдыреву с предложением действовать совместно, не признавать совершившегося переворота и остаться Верховным главнокомандующим всеми войсками, находящимися к западу от Челябинска. Совет гарантировал В.Г. Болдыреву поддержку Народной армии и чехов, предоставив А.В. Колчаку права осуществлять свою диктатуру в пределах Сибири. Но предложение вернуться к временам Комуча его не устроило.

Реакция на свержение Директории и установление колчаковской диктатуры в антибольшевистском лагере была неоднозначной. Поздравления Колчаку направили политические группировки, входящие в Омский блок, казаки, военные³. Вполне благожелательно отнеслись к перевороту и иностранные державы. На В.Г. Болдырева и других противников А.В. Колчака, как ра-

¹ Цит. по: Драгомирецкий В.С. Чехословакии в России 1914 – 1920 гг. С. 80.

² См.: Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. С.40.

³ ГАРФ, ф. 176, оп. 4, д. 124 – 127.

зорвавшаяся бомба, подействовало известие о том, что за спиной адмирала стоят англичане¹. Англичане даже предоставили в распоряжение А.В. Колчака свои войска в Омске и сделали все возможное для того, чтобы нейтрализовать действия ЧСНС.

Эсеровские лидеры после переворота, вплоть до ликвидации колчаковцами Съезда членов Учредительного Собрания и Совета управляющих ведомствами (СУВ) поддерживали постоянный контакт с Чехословацким национальным советом, надеясь на его поддержку. Так, 21 ноября Совет управляющих ведомствами в телеграмме запрашивал ЧСНС: «Считает ли Национальный Совет возможным и нужным, чтобы чехословацкие войска приняли активное участие в вооруженном выступлении для подавления мятежа Колчака-Вологодского...»²

Нет никакого сомнения в том, что ЧСНС никак не устраивала внутренне противоречивая коалиционная Директория, созданная на Уфимском совещании в конце лета 1918 г. и бессильная обеспечить стабильность тыла. Но переворот был совершен без предварительного согласования с филиалом Национального Совета и командованием корпуса и означал, что развитие событий уже ускользало из-под их контроля³. Чехословацкие руководители не могли не понимать, что к власти прорвались представители тех великодержавно-монархических кругов русской контрреволюции, с которыми у них были серьезные трения, но к которым тяготела фрондирующая группировка Р. Гайды. Политическое руководство и командование корпусом также понимало (и это их более всего беспокоило), что колчаковский переворот усилит брожение солдатской массы, и без того почти выходящей из повиновения. Только приняв во внимание все эти противоречивые обстоятельства, можно, на взгляд диссертанта, объяснить их дальнейшие действия.

¹ См.: Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири. С. 92.

² Цит. по: Казанчиев А.Д. Уфимская директория 1918 года. Уфа, 1995. С. 190.

³ См.: Допрос Колчака // Колчак А.В. – последние дни жизни. Л., 1925, С. 188.

21 ноября 1918 г. ЧСНС направил телеграмму, подписанную доктором Я. Пейтедлем и доктором Р. Свободой, своим уполномоченным в крупные города, в которой осуждал переворот и заявлял, что «чехословацкая армия, борющаяся за идеалы свободы и народоправства, не может и не будет ни содействовать, ни сочувствовать насильственным переворотам, идущим вразрез этим принципам. Переворот в Омске от 18 ноября нарушил начало законности, которое должно быть положено в основу всякого государства, в том числе и Российского». Однако никаких обещаний о готовности оказать силовое воздействие на Омск ЧСНС не дал¹.

Эсеры попытались организовать сопротивление перевороту, в том числе и вооруженное. С этой целью они вели пропаганду в войсках. Особенно они надеялись на Самарскую группу войск и чехословаков. Однако их надежды не оправдались. Главнокомандующий союзными и русскими войсками Западного фронта чехословацкий генерал Я. Сыровы запретил всякую «пропаганду», «политические распоряжения» и «воззвания внутреннего характера», могущие повлиять на стойкость и сплоченность войск в выполнении боевой деятельности на фронте. Командующий Самарской группой генерал-майор С.Н. Войцеховский, на основании этих распоряжений издал приказ, запрещающий распространение политических воззваний к частям войск и населению, и объявил о вводе предварительной цензуры².

Он отверг требования Совета Управляющих Ведомствами о передаче воинских частей, находящихся на территории Совета, в его распоряжение. С.Н. Войцеховский заявил членам Совета, что «в настоящее время верховное управление на территории Учредительного Собрания должно осуществляться им, командующим армией, Совет управляющих ведомствами должен лишь содействовать ему в делах управления». Когда Совет распорядился не давать прямого провода для переговоров А.В. Колчака и А.И. Дутова, генерал Я.

¹ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 152, л. 50; См.: Голос рабочего. 1918, 23 ноября.

² См.: Новости жизни. 1918. 13 декабря. (Харбин).

Сыровы отменил это распоряжение Совета. В Уфе по распоряжению Я. Сыровы был конфискован тираж газеты «Народ», где содержались призывы к сопротивлению перевороту¹.

Подобный приказ отдал и генерал Р. Гайда, командующий Екатеринбургским фронтом. Он не одобрил поступка членов ЧСНС и утверждал, что их поспешным заявлением воспользовались приближенные адмирала А.В.Колчака и сразу удалили от него чехословаков, которые могли уберечь генерала от многих ошибок².

По мнению диссертанта, нерешительность ЧСНС, можно объяснить следующими причинами. Во-первых, далеко не все чехословаки сочувствовали эсерам. Так, В.С. Драгомирецкий писал, что «среди чехословацких войск переворот вызвал разномыслие. Одни, не ожидавшие от директории ничего путного, заняли выжидательную позицию, другие же сразу увидели в нем зло и отнеслись отрицательно»³. Во-вторых, чехословаки, зависимые от держав Антанты, не могли выступить против Колчака, которого поддерживал Запад⁴.

В дальнейшем чехословацкое командование все же пыталось проводить независимую от колчаковского правительства политику. Оно, например, не согласилось с арестом участников съезда членов Учредительного Собрания. После того, как в Екатеринбурге в ночь на 19 ноября 1918 г. состоялось совещание Бюро съезда членов Учредительного Собрания и Центрального комитета ПСР, на котором было принято постановление о переходе власти к съезду членов Учредительного Собрания в лице особого его органа (Исполнительного комитета), А.В. Колчак приказал войскам арестовать его участ-

¹ См.: Казанчиев А.Д. Уфимская директория 1918 года. С. 188.

² См.: Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914 – 1920 гг. С. 87.

³ Там же. С. 85 – 86.

⁴ См.: Казанчиев А.Д. Уфимская директория 1918 года. С. 190.

ников¹. Руководство арестом было поручено командующему Екатеринбургской группировкой генералу Р. Гайде, осуществляли его русские².

Но арестованные не были отправлены в Омск, как приказывал А.В. Колчак, а освобождены по требованию ЧСНС и взяты им под своеобразную охрану³. Как писал один из членов съезда, «нас не выпускали, к нам не впускали. Фактически мы были под чешским арестом. Внутри были чехи, снаружи – ряд цепей сибиряков»⁴.

На следующий день от имени генерала Р. Гайды было объявлено, что Екатеринбург находится в зоне прифронтовой полосы и ради безопасности депутатов съезд должен избрать другое местопребывание. Члены съезда Учредительного Собрания стали добиваться встречи с членами Чехословацкого Национального Совета и требовать отправки всех депутатов в Уфу, что в конечном итоге им было позволено. Подавляющее большинство членов съезда в количестве около 50 человек прибыли в Уфу 25 ноября⁵.

В конце ноября 1918 г. Уфа стала своеобразным политическим центром: здесь собралось большинство членов Центрального комитета ПСР, сюда же прибыли члены съезда Учредительного Собрания. На объединенном заседании ЦК ПСР, Бюро съезда членов Учредительного Собрания, Исполнительного комитета и Совета управляющих ведомствами в первую очередь

¹ В состав Исполнительного комитета входило 7 человек: В.М. Чернов, В.К. Вольский, И.В. Алкин, И. М. Брушвит, Н.Н. Иванов, Ф.Ф. Федорович, Н.В. Фомин. (ГАРФ, ф. 147, оп. 10, д. 8, л. 94; см.: История «белой» Сибири. Кемерово, 1995. С. 172). Этот «Комитет сопротивления» был создан для «ликвидации заговора, наказания виновных и восстановления законного порядка и власти на всей территории, освобожденной от большевиков». (См.: Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Харбин, 1921. Т. 1, ч. 1 С. 94 – 95; Плотникова М.Е. Колчак и эсеровская оппозиция // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 168 – 181).

² См.: Допрос Колчака // Колчак А.В. – последние дни жизни. С. 249.

³ См.: Святицкий Н.К. К истории Всероссийского Учредительного Собрания. С. 110.

⁴ Цит. по: Добровольский А.В. Социалисты – революционеры Сибири в конце 1917 – начале 1920 г. Новосибирск, 1999. С. 58.

⁵ Народ. 1918. 30 ноября.

решили предъявить ультиматум Чехословацкому Национальному Совету: «Или полный наш разрыв с ними, причем объявление их предателями демократии, или обязательства по ликвидации Колчака»¹. Для предъявления ультиматума в Челябинск 30 ноября была послана делегация в составе М.И. Брушвита, М.А. Веденяпина и Л.Я. Гернштейна.

Одновременно съезд членов Учредительного Собрания обратился к представителям Антанты и ЧСНС в России, выразив надежду на то, что «все союзники энергично поддержат русскую демократию дипломатическим путем, а также вооруженной силой»².

Но, к сожалению для эсеров, они не получили желаемой поддержки ни у одной из сторон. 30 ноября 1918 г. адмирал А.В. Колчак потребовал от членов бывшего Комуча, чтобы они прекратили подстрекать народ к мятежу в тылах Белой армии и не создавали помех армейским коммуникациям³. В этот же день появился официальный приказ об аресте членов Учредительного Собрания.

Единственное, в чем чехословацкое командование оказало содействие эсерам, так это в том, что посоветовало членам Учредительного Собрания во избежание арестов покинуть Уфу⁴. Но предупреждение запоздало. Были арестованы ряд депутатов Учредительного Собрания, некоторые члены ЦК партии эсеров, Совета Управляющих Ведомствами, активисты местных партийных организаций эсеров⁵. Часть учредителей оказалась в колчаковских

¹ Добровольский А.В. Социалисты – революционеры Сибири в конце 1917 – начале 1920 г. С. 59.

² ГАРФ, ф. 200, оп. 3, д. 33, л. 6.

³ См.: Пайпс Р. Россия при большевиках. С. 54.

⁴ 3 декабря 1918 г. генерал С.Н. Войцеховский пригласил к себе В.К.Вольского и заявил, что «отныне он не может ручаться за безопасность Съезда», и, так как Уфа входит в полосу фронта, он «советует Съезду уехать в другое место». Это заявление было сделано в 5 часов вечера, а в 10 часов по городу начались обыски и аресты. (См.: Добровольский А.В. Социалисты – революционеры Сибири в конце 1917 – начале 1920 г. С. 59).

⁵ ГАРФ, ф. 147, оп. 10, д. 8, л. 94.

тюрьмах, другие вовремя скрылись и перешли на нелегальное положение, некоторые пересекли линию фронта и оказались на советской территории.

Оставшиеся на свободе члены ЦК ПСР и Комуча пришли к мнению о смене курса партии. В обращении президиума съезда членов Всероссийского Учредительного собрания «Ко всем организациям партии социалистов-революционеров» от 31 декабря 1918 г. указывалось: «Вооруженную борьбу против большевиков прекратить и все свои силы направить на борьбу против Колчака и сибирской реакции, снестись по этому вопросу с различными воинскими частями, с мусульманскими, с башкирскими и с теми добровольческими отрядам, которые борются под органом Учредительного Собрания»¹.

По мнению диссертанта, свержение Директории и установление военной диктатуры Колчака, а также отказ ЧСНС и других антибольшевистских сил от активной поддержки эсеров в борьбе против нее, повлекло за собой изменение тактики всех партийных организаций эсеров. В декабре 1918 г. московская организация ПСР приняла решение отказаться от вооруженной борьбы против Советской власти и заключить с ней перемирие до окончательной победы над «колчаковской и иной реакцией»². В начале января 1919 г. ветераны Комуча, известные как группа меньшинства партии эсеров, во главе которой был В.К. Вольский, опубликовала заявление: «Делегация членов партии эсеров и президиума съездов Всероссийского Учредительного Собрания призывает всех солдат народной армии прекратить гражданскую войну с Советской властью... и обратить оружие против диктатуры Колчака»³.

Как показывают дальнейшие события, эсеры не оставляли надежду склонить на свою сторону и прежних своих союзников – командование и личный состав Чехословацкого корпуса, официально не признававших ново-явленной власти, не проявлявших активности в боевых действиях с момента

¹ ГАРФ, ф. 147, оп. 10, д. 1-а, л. 3; д. 8, л. 13 – 14.

² Там же, д. 8, л. 94 – 95.

³ Цит. по: Спирын Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России. М., 1968. С. 300.

ноябрьского переворота. В одной из листовок, обращенной непосредственно к legionерам, прямо звучал призыв на борьбу с Колчаком: «Мы зовем вас, если вы останетесь здесь к моменту общего восстания против Колчака, подняться вместе с нами на борьбу с ненавистным народу правительством». Только совместная борьба против Колчака, по мнению членов Сибирского союза социалистов-революционеров, дала бы возможность примирения русской демократии с братским чешским народом. «Если же вы устали, если у вас нет сил на дальнейшую борьбу, то не мешайте хотя бы нам восстановить поруганную свободу! Тогда идите домой, на родину! Там, может быть, вы поймете, сколько мук, сколько боли и сколько ненужного зла вы причинили измученному русскому народу за период власти Колчака! Время идет. Пропать растет! Не делайте же ее бесконечно глубокой»¹.

В конечном итоге подобная тактика склонения на свою сторону чехословацких legionеров дала свои плоды.

К данному моменту настроение рядового состава чехословацкой армии было уже на грани полной деморализации. Обещанная союзниками помощь выражалась только в материальной поддержке и присылке незначительных воинских контингентов, находившихся глубоко в тылу. Но еще более серьезным фактором, отрицательно повлиявшим на боевой дух legionеров, стало сообщение о провозглашении независимости Чехословацкой Республики в конце октября 1918 г., подписание перемирия и прекращение военных действий в Европе. Все основные аргументы чехословацкого командования для удержания корпуса в России были исчерпаны. Узнав о намерении перебросить их в Поволжье, отказались покинуть эшелон две роты 3-го полка на станции Кузино². Воспротивились отправке в окопы солдаты 7-го полка на станции Унь, 5 и 8-го полков – в Кунгуре³.

¹ Цит. по: Добровольский А.В. Социалисты – революционеры Сибири в конце 1917 – начале 1920 г. С. 88.

² Naše revoluce. Roč. 6. Sv. 1 – 2. S. 131.

³ Repka J. II sjezd československého vojsko na Rusi. Praha, 1928. S. 30.

Рисуя сложившуюся на фронте обстановку, генерал Я. Сыровы писал в донесении новому военному министру Чехословацкой Республики М.Р.Штефанику, что «физические, а главное моральные силы солдат полностью исчерпаны», они уже не верят в приход союзников, обвиняют политическое и военное руководство, доверие к которому подорвано. С фронта из-за отказа воевать отозваны 4 и 9-й полки и в ближайшее время будут отведены в тыл 1 и 2-й. Люди так устали, обессилены, упали духом, что «дисциплина полностью пала и парни поддаются дезорганизующим и провокационным воздействиям». Генерал Р. Гайда вынужден был снять все чехословацкие части с передовых позиций и приостановить наступление на Кунгур – Пермь. «Отвод всех частей в тыл, – заключал свое донесение Я. Сыровы, – укрепление там дисциплины и организации, обнаружение и устранение провокаторов и злостных агитаторов – это единственное средство, которое предохранит наши войска от полного разложения»¹.

Предпринятые репрессивные методы в отношении дезертиров и провокаторов желаемых положительных результатов не давали².

С крахом эсеровско-белогвардейского режима чехословакам пришлось политически переориентироваться на новую власть. Выбор у них был небольшой: направление такой переориентации определялось союзниками, от которых корпус зависел в полной мере.

Верховное командование Антанты, как свидетельствует в своих записках генерал М. Жанен, назначенный командующим союзническими войсками в Сибири, поставило перед ним задачу – обеспечить усиление и расширение

¹ Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. Praha, 1925. S. 131 – 132.

² Полевыми судами корпуса с 15 июля 1918 г. по 15 января 1919 г. было рассмотрено 1182 дела, из которых 351 закончилось осуждением виновных, а 480 приостановлено (главным образом из-за бегства обвиняемых). Основные обвинения - дезертирство, отказ выполнить приказ, халатность по службе и шпионаж в пользу противника. (См.: Ческословенски денник. 1919. 21 февраля).

интервенции с востока¹. В свою очередь, Чехословацкий Национальный Совет в Париже предоставил М. Жанену полную свободу действий для того, чтобы чехословацкая армия, как говорилось в специальном документе, врученном М. Жанену Э. Бенешем в августе 1918 г., «была использована как можно лучше в интересах союзников»². Задача генерала М.Р. Штефаника, военного министра чехословацкого правительства, состояла прежде всего в том, чтобы организационно и политически обеспечить претворение в жизнь этого плана.

М. Жанен и М.Р. Штефаник прибыли во Владивосток 18 ноября – в день колчаковского переворота. Военный министр Чехословакии сразу же принялся активно проводить работу по укреплению дисциплины в корпусе. Основным доводом для убеждения солдат к ведению боевых действий М.Р.Штефаник считал служение целям союзников, которые должны будут обеспечить независимость и поддержку молодой республике³. Одновременно административным путем он проводил в жизнь свой план реорганизации военного и политического руководства чехословацкими войсками в России. Своим приказом он ликвидировал филиал Чехословацкого Национального Совета в России, ссылаясь на то, что нужда в нем отпала, так как теперь существует правительство и Национальное собрание. Были назначены члены нового верховного органа – Специальной коллегии для России. Во главе ее был поставлен уполномоченный чехословацкого правительства Б. Павлу, его заместителем стал командующий чехословацкими войсками в Сибири генерал Я. Сыровы, а членами – подполковник Р. Медек (начальник военного управления) и В. Сухи (начальник высшего контроля).

Таким образом, новое руководство Чехословацкой Республики продолжило курс своих предшественников на сотрудничество со странами, осу-

¹ Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. S. 102.

² Ibid. S. 101.

³ Kratochvil J. Cesta revoluce. Praha, 1922. S. 227.

ществлявшими интервенцию в России, что одновременно означало сохранение антибольшевистской направленности прежней политики.

В то же время большевики попытались воспользоваться моментом и вывести Чехословацкий корпус из лагеря своих противников. Уже на третий день после провозглашения Чехословацкой Республики, 31 октября 1918 г., народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин обратился с радиограммой к временному правительству Чехословакии. «Советское правительство, несмотря на успех своего оружия, – говорилось в ней, – ни к чему так горячо не стремится, как к окончанию бесполезного и прискорбного для него пролития крови и заявляет... что оно готово предоставить чехословакам полную возможность, после того как они сложат оружие, проследовать через Россию для того, чтобы возвратиться в свою родную страну, с полной гарантией их безопасности»¹.

Председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий 3 ноября издал приказ, в котором говорилось, что «в числе сражающихся против нас контрреволюционных войск имеются чехословацкие части... В настоящее время независимость Богемии провозглашена... Через Народного комиссара по иностранным делам я возбудил вопросы о том, чтобы обеспечить всем чехам, которые того пожелают, возможность возвратиться на Родину, переживающую народный подъем... Советская власть, несмотря на успех нашего оружия на Волге и на Урале, ни к чему так горячо не стремится, как к окончанию кровопролития и поэтому готово предоставить чехословакам без оружия при полной гарантии их безопасности проследовать через Россию на свою Родину...». Троцкий строгойше приказал виновных в расстреле пленных чехословаков привлекать к самой суровой ответственности. «Настал момент, – заявлял он, – когда обманутые и преданные английскими, французскими и русскими империалистами чехословаки должны понять, что их спасение в

¹ См.: Внешняя политика СССР 1917 – 1944 гг. Т. 1. С. 150 – 151; Известия ВЦИК. 1918 г. 1 ноября.

союзе с российской советской властью, которая одна только может облегчить им возвращение на их Родину»¹.

Вслед за этим приказом нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин известил чешское правительство о предложениях Советского правительства в отношении корпуса в случае его выхода из противостояния красным. Всех поступающих с Восточного фронта чехословаков предполагалось содержать как военнопленных бывшей австро-венгерской армии в лагере в Твери, до «выяснения возможной отправки их на родину согласно обращению к чехословакам Совета Народных Комиссаров»².

Все предпринятые Советским правительством действия не могли не усиливать антиинтервенционистские и антиколчаковские настроения прежде всего среди рядового состава Чехословацкого корпуса.

Во второй половине января 1919 г. генерал М.Р. Штефаник пришел к выводу о том, что держать части на фронте и заставлять сражаться впредь не представляется возможным. По соглашению с А.В. Колчаком и союзниками он приказал стянуть весь Чехословацкий корпус в тыл и готовить его к отправке на родину. М.Р. Штефаник согласился с просьбой А.В. Колчака, чтобы до момента окончательной отправки домой чехословацкие части взяли на себя обязательства по охране железных дорог в Сибири и тыла белогвардейской армии.

Изученные диссертантом материалы показывают, что в тылу чехословакам приходилось непросто. Ведь многочисленные партизанские отряды, состоявшие в основном из недовольных политикой правительства А.В. Колчака крестьян, действовали главным образом вдоль железной дороги. Так что чехословакам постоянно приходилось ввязываться в бои, прибегая к крайним мерам, которые восстанавливали местное население против легионеров.

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 589, л. 21; АВП РФ, ф. 138, оп. 1, папка 2, д. 7, л. 27.

² АВП РФ, ф. 138, оп. 1, папка 1, д. 5, л. 30.

К примеру, начальник охраны железнодорожного участка Новониколаевск – Ачинск командующий 2-й дивизией полковник Р. Крейчий в своем приказе обязал должностных лиц волостного и сельского управления составлять списки заложников по числу деревень и сел в данной волости и содержать этих заложников под стражей. «В случае крушения поездов и нападения на служащих и караулы – подлежат выдаче карательному отряду и если в течение трех дней не будут выяснены и выданы виновники, то в первый раз заложники расстреливаются через одного, дома лиц, ушедших с бандами, невзирая на оставшиеся семьи, сжигаются, а во второй раз число подлежащих расстрелу заложников увеличивается в несколько раз, подозрительные деревни сжигаются целиком»¹.

Но, несмотря на жесткость наказания за проведение диверсий на железной дороге, в течение только апреля 1919 г. партизанами было подготовлено и совершено 10 крупных железнодорожных катастроф, не говоря о бесчисленных нападениях на поезда и станции и о разрушении путей. Часто партизаны присылали противнику следующие заявления: «Если будете с нами, мы вам поможем вернуться на родину, если будете против нас, все погибнете в негостеприимной Сибири»².

С весны 1919 г. Чехословацкий корпус оказался фактически скованным на железнодорожной магистрали между Новониколаевском и Иркутском. Чехословацкие солдаты, только что вырвавшиеся из окопов, очутились в огне партизанской войны и были вынуждены выполнять роль карателей, что, по мнению диссертанта, ускоряло процесс радикализации настроений, углубляло внутривойсковой кризис в корпусе.

Правительство Чехословакии и командование корпуса попытались хотя бы затормозить происходившее, прибегая к мерам материального стимулирования. «На оплату ранее произведенных заготовок и на уплату содержания воинских частей» было израсходовано 5 млн. руб., отпущенных колчаков-

¹ ГАРФ, ф. 200, оп.1, д. 366, л. 45.

² См.: Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914 – 1920 гг. С. 94.

ским Советом министров 27 ноября 1918 г.¹ Позднее, в конце марта 1919 г., доверенный по делам Чехословацкой Республики для России Б. Павлу обратился с письмом в Министерство иностранных дел Российского правительства с просьбой «позаботиться о правах тех граждан Чехословацкой Республики, которые, будучи уволенными из рядов нашего войска, пожелают поселиться в России ... и предоставить им право приобретать недвижимое имущество в областях: Актюбинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской, Тургайской, Амурской и Приморской. Таким образом, это право в виде справедливого возмездия предоставляется потомственно бывшим солдатам тех частей чехословацкой армии, которые принимали участие в боях на русской территории за интересы России»². В июне Совет министров удовлетворил данную просьбу, приняв постановление «О предоставлении гражданам Чехословацкой Республики права на покупку недвижимой собственности»³.

Но данные меры не могли уже существенным образом повлиять на настроение основной массы легионеров. Не давали заметных результатов и репрессии в отношении недовольных. И колчаковская, и чехословацкая контрразведки утверждали, что наиболее ненадежными были насильно мобилизованные в корпус чехословацкие солдаты⁴.

Командование корпуса, союзников и колчаковское правительство беспокоили начавшаяся демократизация чешского войска и проникающие в солдатскую среду пессимистические настроения ввиду неясности дальнейшей судьбы. Обещанная руководством эвакуация откладывалась на неопределенный срок. 18 июня 1919 г. управляющий Министерством иностранных дел И.И. Сукин в своей секретной телеграмме представителю колчаковского правительства в Париже С.Д. Сазонову сообщал: «Чешские войска продолжают держать в неведении о дальнейших задачах и перспективах. Результатом та-

¹ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 152, л. 55.

² Там же, д. 153, л. 113.

³ Там же, д. 178, л. 53.

⁴ Там же, ф. 147, оп. 8, д. 40, л. 79.

кого положения вещей явилось восстание первой чешской дивизии, расположенной в районе Иркутска», которое началось 15 июня 1919 г.¹

Конфликт удалось сгладить только усилиями командующего союзническими войсками французского генерала М. Жанена. Объехав все чешские части и восстановив в них на время спокойствие, он пришел к твердому убеждению, что чехословаков никакими силами нельзя заставить идти на фронт и пробить себе путь к Архангельску, как это предполагали англичане и американцы². Более того, он пришел к выводу о том, что оставлять чехословацкие части в Сибири еще на одну зиму было равносильно потерять эти войска. Однако М. Жанен высказал предположение, что эвакуацию пока достаточно только начать, чтобы смягчить напряженность среди легионеров и создать «уверенность в остающихся частях, что они скоро вернутся на Родину»³.

В конце июля 1919 г. начальником мобилизационного штаба корпуса полковником Н. Защенко была дана телеграмма начальнику штаба Иркутского округа с требованием об освобождении военнопленных, заявивших о желании стать гражданами Чехословацкой Республики, и передаче их представителям чехословацкого правительства. Исключение делалось лишь для военнопленных, находившихся на работах: они должны были передаваться по окончании этих работ⁴. Позже Б. Павлу в своей телеграмме управляющему Министерством иностранных дел Российского правительства от 28 ноября 1919 г., ссылаясь на решения Версальского договора, по которому все пленные чехословаки стали подданными Чехословакии, предложил уже беспрепятственно передавать их по заявлению чехословацким консульским учреждениям⁵.

Снижение боеспособности корпуса было налицо. И тем не менее различные политические силы, участвовавшие в Гражданской войне, сохраняли

¹ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 315, л. 18; ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 366, л. 24.

² ГАРФ, ф. 200, оп. 5, д. 14, л. 24, 33.

³ Там же, д. 366, л. 25 – 26.

⁴ Там же, оп. 1, д. 586, л. 7.

⁵ Там же, л. 8.

надежду на мобилизацию в своих интересах хотя бы части легионеров. С одной стороны, колчаковское правительство попросило союзников, в первую очередь американцев, обладающих необходимым морским тоннажем, срочно приступить к эвакуации чехов. Министр иностранных дел Российского правительства И.И. Сукин просил представителя колчаковского правительства С.Д. Сазонова повлиять на скорейшее решение вопроса относительно чехословаков, указывая на необходимость скорейшей их замены другими иностранными войсками «ввиду действительной ненадежности чехов»¹.

Однако одновременно колчаковцы высказали предложение о «вызове из среды чешских войск добровольцев, которые пожелали бы отправиться на фронт и пробиться домой гораздо скорее, нежели путем морской перевозки». За это правительство согласилось предоставить всем добровольцам привилегии, равные тем, которыми пользовались «русские участники освободительного движения»².

Против набора чешских добровольцев в ряды белогвардейской армии категорически выступил М. Жанен, мотивируя тем, что уход «лучших элементов» приведет к окончательному «разложению» корпуса³. Это не могло не вызвать усиления разочарования белых в союзниках.

Адмирал А.В. Колчак, владея вопросом морального состояния чехословацких солдат, несмотря на свою острую нужду в дополнительных частях, отказался от помощи чехословаков. 13 июля 1919 г. председатель Совета министров Франции Ж. Клемансо отправил телеграмму Верховному правителю А.В. Колчаку, в которой известил о решении конференции об отправке чехов на фронт. В ответной телеграмме А.В. Колчак «всецело разделил предположения Держав», но отказался, ссылаясь на возражения М. Жанена, от отправ-

¹ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 366, л. 38.

² Там же, д. 315, л. 30.

³ Там же, л. 31.

ки неблагонадежных войск на фронт и попросил начать «немедленное отправление чехов» из Сибири¹.

В среде членов Российского правительства еще не было принято окончательного решения по вопросу участия чехословаков в регулярной армии. В сентябре 1919 г. председатель подготовительной комиссии по разработке вопросов о Всероссийском представительном собрании учредительного характера А.С. Белоруссов сообщил по прямому проводу Управляющему Министерством иностранных дел, что на закрытом заседании Министерства должен быть рассмотрен вопрос о привлечении на фронт чешских войск. При этом предполагалось рассмотреть условия, на которых чехи могли бы согласиться «на эту новую помощь России»². Председатель Совета министров П.В. Вологодский заверил, что если чехословаки снова пожелают участвовать в боевых действиях на фронте, им будет гарантировано со стороны Российского правительства полное снабжение, предоставление всех тех преимуществ, которыми пользуются солдаты русские.

Понимая сложность создавшегося на фронте положения, где колчаковская армия несла потери и продолжала отступать под напором большевистских войск, и «затруднительность и длительность эвакуации чехословацких войск через восток», председатель Совета министров 11 октября 1919 г. предлагал поверенному в делах Чехословацкой Республики «выяснить возможность общего военного сотрудничества для продвижения через запад и разработки плана операций путем соглашения между чехословацким и русским командованием»³. Для достижения данной договоренности чехословацким добровольцам были обещаны «... все преимущества, которыми пользуются добровольцы русские», а также будут наделены земельными участками

¹ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 315, л. 27.

² Там же, д. 365, л. 37, 38.

³ Там же, л. 63, 68.

те из чехословаков, которые по завершению своих боевых трудов пожелали бы остаться в Сибири¹.

Однако ничто уже не могло значительно повлиять на решение правительства Чехословацкой Республики об эвакуации чехословацких частей на Родину, которая должна была начаться 18 октября 1919 г.² Это значительно ослабляло боевой потенциал русских войск. Не имея согласия иностранных государств об охране железной дороги, командование колчаковской армии вынуждено было снять с фронта две русские дивизии для несения охранной службы на железной дороге³.

Осенью 1919 г. инициатива на Восточном фронте уже окончательно принадлежала Красной Армии. Начав в середине октября новые наступательные операции на Тоболе, 5 и 3-я армии к началу ноября подходили к Омску. 5 ноября из Омска выехал М. Жанен в сопровождении 6-го чехословацкого полка. 10 ноября правительство Колчака оставило город. 12 ноября покинул столицу и сам А.В. Колчак, с которым выехал и его штаб вместе с золотым запасом. 14 ноября Омск был занят частями красных. Началось открытое крушение колчаковского режима.

В сложившейся политической ситуации чехословацкое командование искало выход. Стала вырисовываться тенденция ориентации на правоэсеровские группировки и возможного сотрудничества с большевиками. Еще в июле управляющий делами колчаковского правительства Г.К. Гинс утверждал, что чехословацкие руководители, с одной стороны, боятся активно выступить против большевиков, а с другой – опасаются, что в случае бездействия окажутся лицом к лицу с ними. Отсюда, по словам Г.К. Гинса «их колебание между преобразованиями власти и миром с большевиками...»⁴. Видимо, небезосновательными были опасения колчаковского генералитета, требовавшего разоружения Чехословацкого корпуса, этого «холодного нарыва», способ-

¹ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 365 л. 68 – 69.

² Там же, д. 366, л. 65.

³ Там же

⁴ Там же, ф. 176, оп. 3, д. 14, л. 278.

ного «дать когда-нибудь острое и опасное для нас воспаление»¹. Этот «нарыв» прорвался уже в ближайшее время.

12 ноября 1919 г. на тайном Всесибирском совещании земств и городов руководящими органами партии эсеров и меньшевиков Сибири был создан Политический центр, в задачу которого входила подготовка восстания против Колчака. Под знамена Политцентра стал и Сибирский союз социалистов – революционеров².

На следующий день, 13 ноября 1919 г., чехословаки опубликовали меморандум за подписью дипломатического представителя Чехословацкой Республики в России В. Гирса и уполномоченного чехословацкого правительства в России Б. Павлу, который засвидетельствовал, что чехословацкое руководство начинает менять политический курс. Этот документ был обращен к союзным державам с просьбой дать совет по вопросам «собственной безопасности и свободного возвращения на Родину». Авторы меморандума заявляли, что «чехословацкая армия вынуждена против своего убеждения содействовать и поддерживать ... состояние полного произвола беззаконности. Под защитой чехословацких штыков местные военные русские органы позволяют себе ... выжигание деревень, убийства мирных граждан целыми сотнями, расстрелы без суда людей демократических... Мы сами не видим из этого другого выхода, кроме как немедленного возвращения домой... для осуществления возврата нам дана была свобода возбранить бесправию и преступлениям, с какой стороны они ни приходили бы»³.

Оценив данный меморандум, как «политическое интриганство», Верховный правитель увидел в нем не что иное, «... как стремление получить

¹ См.: Будберг А. Дневник белогвардейца. М., 1929. С. 107; Janin M. Moje účasť na československém boji za svobodu. S. 275.

² См.: Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975. С. 311; Шишкин В.И. Политические позиции сибирских эсеров период колчаковщины // Изв. СО АН СССР. 1984. Вып. 3. № 14. С. 8 – 14.

³ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 366, л. 77; см. так же: Ческословенски денник. 1919. 16 октября.

санкцию на вмешательство вооруженной силой в русские внутренние дела...», и на это решил ответить «...вооруженной силой и борьбой, не останавливаясь ни перед чем...»¹. Впоследствии он заметил, что не имеет ничего против «содружественной работы и сближения с чехами»².

В специальной ноте от 29 ноября 1919 г. на имя колчаковского министра торговли и промышленности Н.С. Третьякова, боясь осложнения взаимоотношений с Российским правительством, В. Гирса утверждал, что «меморандум не правильно толкуется», так как в его тексте «имя Верховного правителя совершенно не упоминается и ни одним словом не критикуются действия правительства». В. Гирса заверял, что по-прежнему поддерживает Колчака. «Отношение к большевикам, – заключил он, – мы доказали на деле, кажется, довольно ясно и определенно, и борьбу с большевизмом продолжаем дальше...»³ Колчаковцам пришлось поверить, поскольку другого выхода в ситуации, сложившейся не в их пользу, у них не было.

«Положение колчаковской армии, – констатировал Б. Павлу 16 ноября 1919 г. в телеграмме Т.Г. Масарику и Э. Бенешу, – катастрофическое... ,мы убеждали Омск ввести парламентарный режим, чтобы спасти положение, нам ответили: сейчас некогда. Однако это колчаковское правительство предопределило свое падение. Мы предпринимаем меры, чтобы, падая, оно не увлекло и нас...»⁴. Приведенным заявлением, по мнению автора диссертации, можно объяснить содержание ноябрьского меморандума, как политического шага, направленного на отмежевание от тех преступлений, которые совершались правительством Колчака.

Командование Чехословацкого корпуса в целях обеспечения себе спокойного будущего пошло дальше, и генерал Я. Сыровы издал инструкцию, в соответствии с которой предписывалось в случае «большевистского восста-

¹ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 366, л. 78.

² Там же, л. 80.

³ Там же, л. 82 – 83.

⁴ См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... С. 343.

ния применять оружие», но «не препятствовать политическому перевороту, если он не имеет ничего общего с большевизмом». Таким образом, чехословаки стали на позицию неучастия в любых переворотах, кроме возглавляемых большевиками. Назвать это полным нейтралитетом нельзя. Более того, это было, как утверждает диссертант, сигналом к активизации вооруженного сопротивления существующему режиму со стороны буржуазно-демократических сил.

Проведенное исследование исторических документов наглядно показывает, как происходило крушение диктатуры и какое влияние на процесс ускорения ее развала оказал Чехословацкий корпус. Достаточно увидеть лозунг чехословацких легионеров, которым предписывалось отныне руководствоваться: «Наши интересы – выше всех остальных». Через несколько дней после опубликования меморандума последовал приказ приостановить всякую отправку эшелонов русской армии и ни в коем случае не пропускать их восточнее ст. Тайга до тех пор пока не проедут все чехословацкие части¹.

На железной дороге воцарилась анархия. Командиры чехословацких частей и начальники станций силой забирали локомотивы и вагоны у польской дивизии, которая совместно с сербскими частями по приказу командующего союзническими войсками в Сибири генерала М. Жанена была включена в аррьергард союзнических войск. Польское командование, в свою очередь, силой оружия захватывало вагоны и паровозы у колчаковцев.

А.В. Колчак, крайне недовольный подобным развитием событий, жаловался командующему союзническими войсками в России М. Жанену на происходящее. Одновременно он приказал генералу Г.М. Семенову, находящемуся в Забайкалье, не пропускать чехов через контролируемую ими территорию, в случае необходимости не останавливаться и перед взрывом мостов и туннелей.

¹ См.: Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус... С. 344.

Командующий армией генерал К.Н. Сахаров, ссылаясь на донесение начальника Томской железной дороги, в своем обращении 28 ноября к генералам Я. Сыровы, М. Жанену и Г. Ноксу, указывал, что «вмешательство чешских войск опрокинуло все расчеты. Когда паровозы забирают принудительным порядком и угрозами, то планомерная работа невозможна... при таком отношении чешских войск к железнодорожному аппарату неминуема гибель нескольких сотен наших эвакуирующихся эшелонов, находящихся к западу от ст. Тайги»¹. Но пресечь дезорганизирующие действия Чехословацкого корпуса командование армии Колчака было не в состоянии. Причиной тому явилось, по мнению диссертанта, серьезная поддержка со стороны союзников, и прежде всего Америки, которая была заинтересована в выводе чехословацкого корпуса.

Такая заинтересованность понятна. Это следует из письма Государственного секретаря США Р. Лансинга президенту В. Вильсону, где он выражает озабоченность тем, что правительство Колчака потерпело поражение и «большевистские армии приближаются к районам, где находятся наши солдаты»². Тормозя отступление русской армии, чехословацкие эшелоны сдерживали наступление частей Красной Армии, тем самым предоставляя возможность союзническим войскам успешно производить эвакуацию из опасных районов³.

Как подтверждают исторические материалы, изученные исследователем, участие военных лидеров чехословацких легионеров в сопротивлении не ограничивалось изданием приказов, подрывающих устои существующего

¹ ГАРФ, ф. 200, оп. 1, д. 366, л. 87 – 88.

² См.: Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов. М., 1961. Т. 2 С. 770.

³ В Сибири осенью 1919 г. союзнические войска насчитывали: чехословаки – 55 тыс. человек; поляки – 18 тыс. человек; сербы – 4 тыс. человек; румыны – 4 тыс. человек; итальянцы – 2 тыс. человек; англичане 1,6 тыс. человек; французы – 0,76 тыс. человек; японцы – 28 тыс. человек; американцы – 7,5 тыс. человек; канадцы – 4 тыс. человек. Всего – около 118 тыс. человек. (РГВА, ф. 108. оп. 3, д. 27, л. 130 – 131).

порядка. Наглядным примером может служить деятельность чехословацкого генерала Р. Гайды.

Он был отстранен от должности командующего Северной армии и отправлен во Владивосток для дальнейшего следования на родину. Однако по прибытии в Приморье в начале августа 1919 г. Р. Гайда заявил, что у колчаковского правительства нет возможности удержаться, и если союзники поддерживают его, то они совершат величайшую ошибку. Он утверждал, что правительство Колчака раскололось на две группировки, одна из которых издает обращения и ведет пропаганду, рассчитанные на помощь из-за границы, пытаясь убедить союзников, будто правительство настроено на созыв Учредительного Собрания, а другая – имеет тайный план реставрации монархии с помощью заговора. Р. Гайда был убежден, что правительство должно пасть и должно быть заменено другим, так как вся надежда на восстановление законности и порядка в России и Сибири утеряна¹. Чешский генерал не исключал того, что примет активное участие в организации восстания против правительства Колчака.

Восстание готовилось с двух сторон: эсерами областниками Владивостока во главе с председателем Сибирской областной думы И. А. Якушевым и группой из чешского командования во главе с генералом Р. Гайдой.

Готовя восстание, эсеры в октябре 1919 г. предложили Дальневосточному комитету РКП(б) участвовать в свержении колчаковской власти. Они заверили, что интервенты не будут участвовать в подавлении восстания, а чехи и американцы даже будут содействовать, так как переворот отвечает их интересам. И эту позицию указанных союзников подтверждали управляющий делами колчаковского правительства Г.К. Гинс и генерал К.В. Сахаров – командующий армией².

¹ См.: Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. Владивосток, 1995. С. 186.

² См.: Гражданская война в Сибири и в Северной области. М., 1965. С. 221.

Комитет партии большевиков решил поддержать восстание в целях укрепления своих политических позиций. На подготовку восстания была мобилизована вся партийная организация. В штаб восстания, который находился в поезде генерала Р. Гайды, были посланы председатель Центрального бюро профсоюзов Владивостока Г.Ф. Раев, бывший командующий Гродековским фронтом А.И. Абрамов, бывший командующий Уссурийским фронтом В.В. Сакович¹.

Опубликованный во владивостокских газетах чехословацкий меморандум подтолкнул заговорщиков к активизации своих действий. Мятеж продолжался два дня – 17 и 18 ноября 1919 г. и закончился полным поражением восставших. В результате вооруженных стычек 100 человек были убиты, 400 расстреляны сразу после боя, свыше 1500 человек было арестовано². К основной причине поражения заговорщиков можно отнести то, что американцы не оказали более действенной помощи повстанцам, а японцы оказали помощь русским войскам во главе с генералом С.Н. Рязановым, испугавшись того, что в результате переворота власть во Владивостоке перейдет к большевикам, которые выдвинули в ходе восстания лозунг: «Вся власть Советам!». Генерал Р. Гайда был выслан из России³.

Вслед за Владивостоком 6 декабря в Новониколаевске произошло открытое выступление солдат Барабинского полка, возглавленное полковником Н. Ивакиным, направленное против колчаковского режима. Офицерское собрание провозгласило «мир с советской Россией» и созыв Учредительного собрания в Сибири. Генерал С.Н. Войцеховский арестовал зачинщиков выступления, но остановить развал режима было уже невозможно.

¹ См.: Колчак и интервенция на Дальнем Востоке ... С. 187.

² См.: Цыпкин С., Шурыгин А., Булыгин С. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. М. – Хабаровск, 1933, С. 145; Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. М., 1963. С. 156.

³ См.: Попов Е.И. Заговор Политцентра // Политика США на Дальнем Востоке (1918 – 1922 гг.). М., 1967. С. 37.

К этому времени в Иркутске в подполье уже возникло альтернативное правительство – Политический центр, состоявший из эсеров, меньшевиков и земских деятелей. Вокруг него объединились все антиколчаковские силы социалистической ориентации. В его декларации говорилось, что Политцентр ставит своей задачей прекращение войны с Советской Россией, созыв сибирского Народного собрания и установление договорных отношений с государственно-демократическими образованиями, возникшими на территории России.

25 ноября на заседании Иркутской городской Думы, куда были приглашены и иностранные представители, против правящего режима открыто выступили члены Политцентра М.И. Константинов и Е.Е. Колосов. Дума своим постановлением выразила недоверие власти Колчака¹.

Центральным событиям предстояло разыгаться в Иркутске, где готовилось восстание под руководством Политцентра. Но у командовавшего там войсками генерала А. Артемьева не было достаточных сил. Поэтому предотвратить готовящееся в Иркутске восстание поручено было Г.М.Семенову, имевшему боеготовые войска. С ним начались переговоры о возможном захвате Иркутска. Атаман согласился при условии полного подчинения ему всех вооруженных сил на Дальнем Востоке и в полосе отчуждения КВЖД. На это Колчак отреагировал положительно: атаман Г.М. Семенов был назначен Главнокомандующим вооруженными силами Дальнего Востока².

Поводом к началу восстания в Иркутске послужил арест колчаковскими властями штаба Политцентра во главе с П.Я. Михайловым, одним из основателей Сибирского союза эсеров, и других лидеров (всего 31 человека). Все арестованные вскоре были зверски убиты. Бои между революционными войсками и юнкерами происходили при «полной пассивности» со стороны

¹ См.: Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: В 3 т. Белград, 1931. Т. 2, ч. 3 С. 67 – 68.

² См. там же. С. 83.

чехов и японцев под лозунгом: «Мир советской России на условиях полной капитуляции и борьбы с Семеновым»¹.

Восстание в Иркутске, продолжавшееся с 24 декабря 1919 г. по 5 января 1920 г., стало эпилогом борьбы не только соглашательских партий в Западной и Восточной Сибири, но и колчаковщины.

И тем не менее в такие напряженные боевые моменты чехословацкое командование продолжило свою политику отдаления от колчаковского правительства и сближения с эсеро-меньшевистской оппозицией. В момент, когда вспыхнуло восстание, в Иркутске находился батальон американцев и чехословаки. Кроме того, 30 тыс. чехословаков находилось к западу от города². Они не только не выступили на помощь колчаковцам, но и недвусмысленно заявили о своей поддержке Политцентра. Чехи выступали посредниками в переговорах с колчаковцами, требуя освобождения арестованных членов Политцентра. Когда начальник иркутского гарнизона генерал-майор А.И. Сычов предупредил союзников о своем намерении начать артиллерийский обстрел казарм 53-го восставшего полка, М. Жанен ответил, что не допустит этого, а в случае необходимости сам откроет стрельбу по колчаковским силам с помощью чехословацких частей. Когда же японское командование послало на помощь генералу А.И. Сычову отряды атамана Г.М. Семенова, М. Жанен потребовал их вывода из Иркутска, с чем японский представитель Като вынужден был согласиться. Для колчаковцев эта измена Антанты была громом среди ясного неба. Им ничего не оставалось, как начать переговоры с Политцентром о капитуляции.

Переговоры между представителями Политцентра (меньшевиком К. Ахматовым, эсером Н. Ходукиным) и колчаковской тройкой происходили в присутствии английского полковника В. Ходжсона, при посредничестве всех главных союзных представителей – М. Жанена, Я. Сыровы и др., среди кото-

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 500, л. 1.

² См.: Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957. С. 89.

рых американцы – консул в Иркутске В. Гаррис, недавний друг А.В. Колчака, и капитан Д. Дэйвис – играли не последнюю роль. Все единодушно соглашались с тем, что пора убрать А.В. Колчака. Союзные представители потребовали его отречения, за что обещали гарантировать ему выезд из России как частного лица.

4 января 1920 г. М. Жанен отдал чехам приказ ввести в город свои основные силы. Вслед за чехами в Иркутск вступили и повстанцы Политцентра. Остатки колчаковских частей перешли на их сторону, и Политцентр установил свою власть. В изданной затем декларации эсеры провозгласили: «Власть старая пала по воле народа. Политический центр вступает в исполнение своих обязанностей и передаст власть Национальному собранию, которое будет созвано в самом непродолжительном времени»¹. Повстанцы Политцентра заверили Запад, что будут продолжать борьбу с большевизмом. Выбора у Колчака не было. 28 декабря 1919 г. он был арестован и взят под охрану в Нижнеудинске вместе с некоторыми министрами и грузом золота ударным батальоном чехов².

4 января 1920 г. А.В. Колчак подписал указ о сложении с себя звания Верховного правителя и передаче его генералу А.И. Деникину. В ответ Политцентр прекратил переговоры с Советом министров и утром 5 января объявил о переходе власти в свои руки.

Поезд, в котором находились А.В. Колчак и В.Н. Пепеляев под охраной чехословаков, прибыл в Иркутск 15 января. Несмотря на торжественные обещания союзников об обеспечении личной безопасности Верховного правителя, по приказу М. Жанена чешское командование передало А.В. Колчака представителям Политцентра.

Японское командование, которое, конечно, не сочувствовало либеральному проамериканскому перевороту, официально соблюдало нейтраль-

¹ Цит. по: Попов Е.И. Заговор Политцентра // Политика США на Дальнем Востоке (1918 – 1922 гг.). С. 42.

² ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 500, л. 1.

тет. Однако этот нейтралитет был лишь кажущимся. Японский ставленник атаман Г.М. Семенов, как нами отмечалось, поспешил выслать в Иркутск войска на помощь генералу А.И. Сычову при первых же известиях о восстании. Вслед за семеновцами двинулся японский полк. По приказанию генерала Н. Оой японские части заняли туннели у озера Байкал, а в Токио генеральный штаб настаивал на отправке в Иркутск «для поддержания порядка» и в связи с угрозой «большевистского нашествия» еще, по крайней мере, двух батальонов пехоты¹.

В результате возникла острая политическая ситуация, когда формально шла борьба между колчаковцами и Политцентром, а по существу назревало столкновение между семеновскими и японскими войсками, с одной стороны, чехословаками и американцами – с другой.

В январе 1920 г. на станции Байкал, в 60 верстах от Иркутска, произошла вооруженная стычка чехов с семеновцами. В результате конфликта несколько чехословацких солдат было убито, железнодорожная и телеграфная связь прервана.

На следующий день на заседании в штабе М. Жанена чехи, поддержанные американцами и другими союзниками, категорически потребовали удаления семеновцев с Кругобайкальской железной дороги с ее десятками туннелей, так как эта «семеновская пробка» лишила возможности эвакуации. Соответствующий ультиматум был принят и отправлен Г.М. Семенову в Читту. Однако он не возымел действия.

По утверждению генерального консула США в Иркутске В. Гарриса «отношения между чехами и войсками Г.М. Семенова самые напряженные и конфликт может открыто вспыхнуть, как только Семенов попытается воспрепятствовать проезду чехословацких войск»².

В начале января 1920 г. семеновские войска обстреляли поезд В. Гарриса. Это стало поводом к тому, что по приказу М. Жанена чехи и американ-

¹ FR. 1919. Russia. P. 234.

² Там же, p. 527.

цы разоружили семеновские части на Кругобайкальской железной дороге. «...Когда атаман Семенов двинул свои части на запад, чтобы занять Иркутск и выгнать оттуда захватчиков власти – эсеров, то в тыл русским войскам выступили, чехословаки, поддержанные 30-м американским полком, и разоружили семеновские отряды»¹. Командующий американскими войсками в Забайкалье полковник Д.Морроу, которому была поручена эта операция, заявлял впоследствии, что ему пришлось разоружить 4500 семеновцев, чтобы обеспечить чехословакам безопасный проезд².

Генеральный консул США в Иркутске, проскочивший через «семеновскую пробку», доносил из Читы: «Между чехами и войсками атамана Семенова произошло столкновение у Мысовой и в других пунктах возле озера Байкал. Бронированный поезд и около тысячи человек захвачены чехами»³. Эту же информацию из американских источников автор диссертации обнаружил и в российских архивах. Вот как по поводу столкновений между чешскими и семеновскими войсками сообщает председатель реввоенсовета 5-й армии Смирнов в своей телеграмме В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому от 18 января: «Чехи разоружили большое количество семеновских частей, захватили генералов Скипертова, Сычева и др. Семенов не захвачен... Чехословаки ставят себе единственную цель – проезд на восток, среди них – сильное брожение»⁴.

18 января 1920 г. В. Гаррис докладывал из Читы, что Семенов официально протестовал против действий полковника Д. Морроу, что, японцы возьмут на себя охрану железной дороги от Мысовой до ст. Маньчжурия и не допустят дальнейших столкновений между чехами и Семеновым. И уже в донесении В. Гарриса буквально на следующий день говорилось, что чехи и

¹ FR. 1919. Vol. 3. P. 527 – 529.

² Tribune. April 13. 1922.

³ CR. Vol. 62. P. 6295 – 6306; FR. 1920. Vol. 3. P. 527 – 528.

⁴ ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 500, л. 3.

Семенов урегулировали свои разногласия¹. Хотя напряженность по-прежнему продолжала существовать.

Межсоюзный железнодорожный комитет (МЖК) срочно откомандировал в район конфликта своего члена американца Ч. Смита, передав ему все полномочия и поручив уладить отношения в сотрудничестве с М. Жаненом для быстрой эвакуации чехов².

По утверждению диссертанта, в целом американцы стремились не доводить дела до открытого столкновения с японцами, хотя тесное сотрудничество с чехами и крайне натянутые отношения их военных представителей с Семеновым не вызывали сомнения.

В конфликтах между чехами и колчаковцами, как показывают донесения главнокомандующего американскими войсками в Сибири генерала В. Грэвса, представителя США в МЖК Б. Стивенса, сочувствие американцев было на стороне чехов. В частности, Б. Стивенс писал, что чехи – единственная сила, реально защищающая интересы американцев в Сибири³. Подтверждение тому, что американцы, англичане и французы опираются «исключительно на чешские штыки», можно найти в телеграмме Председателя Реввоенсовета 5-й армии советских войск В.И. Ленину⁴.

Но эти военные силы были ненадежными для эсеро-меньшевистского Политцентра. И при первом же удобном случае чехословацкое командование изменило своим «товарищам».

Во второй половине января в Томске начались переговоры между делегацией Политцентра, возглавленной меньшевиком К. Ахматовым, и представителями Москвы – Реввоенсоветом 5-й Красной Армии и Сибревкомом, делегацию которых возглавлял Н.И. Смирнов. Идея буфера была принята

¹ FR. 1920 Vol. 111. P. 528.

² См: Попов Е.И. Политика США на Дальнем Востоке. 1918 – 1920 гг. М., 1967. С. 46.

³ FR. 1919. Russia. P. 234 – 235; Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918 – 1920 гг.). М., 1932. С. 23.

⁴ ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 475, л. 25 – 26; ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 500, л. 3.

Томским совещанием, а 21 января одобрена Москвой¹. Об этом председатель Сибревкома Н.И. Смирнов сообщал по прямому проводу в Москву. На следующий день В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий дали ответ: «В отношении буферного ваше предложение одобряем. Необходимо лишь твердо установить, чтобы наш представитель или лучше два представителя при Политцентре были осведомлены обо всех решениях, имели право присутствовать на всех совещаниях Политцентра»².

Однако борьба за власть, развернувшаяся в Иркутске между Политцентром и ревкомом, за несколько дней изменила ситуацию и привела к победе Советской власти. Буфер в этой части Сибири оказался излишним. Одержали верх те силы, которые стояли за прямое провозглашение Советской власти, за фактическое и формальное присоединение к РСФСР всей освобождаемой от интервентов территории.

На объединенном заседании большевиков и группы левых эсеров в Иркутске 20 января 1920 г. было принято решение предложить Политцентру сдать власть советскому органу, специально для этой цели создаваемому (до выборов в Совет), – военно-революционному комитету.

Кроме того, совещание гарантировало чехословакам беспрепятственный проезд на восток, и командование корпуса тут же отказалось от дальнейшей поддержки Политцентра. Тем самым, последний лишился своей единственной опоры, поскольку американские войска были малочисленны и также стремились домой, к тому же выяснилось, что крестьянство на деле эсеров не поддерживает, что земства вовсе не пользуются той популярностью, на которую рассчитывали (в частности, и США).

¹ См.: Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. С. 103.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 334.

22 января 1920 г. был подписан акт между ревкомом и Политцентром. Так произошло отстранение правительства соглашательских партий и установление власти ревкома в составе четырех большевиков¹.

С крушением заговора Политцентра решился и вопрос эвакуации из Сибири другой силы, на которую делали ставку американское командование, — чехословацких войск.

По мнению диссертанта, Чехословацкий корпус был единственной силой, способной противостоять продвижению Красной Армии на восток. Чехословацкие части на линии Канск — Иркутск насчитывали около 10 тыс. чел. и восточнее Иркутска еще 40 тыс. человек. Под его контролем находился весь железнодорожный аппарат, средства связи и туннели, очищенные от семеновцев от Канска до Иркутска и далее на восток.

Осознавая это, Советское руководство искало пути урегулирования вопроса передвижения эшелонов с красногвардейцами дипломатическим путем. Чехословакам была предложена эвакуация в западном направлении « по 1-му эшелону в день со скоростью 200 верст в сутки»², на что они ответили отказом, ссылаясь на транспортные причины³ и предпочитая отступление с боями.

Почти со середины января и до первых чисел февраля происходили крупные вооруженные столкновения между чехами и Красной Армией у Канска и Нижнеудинска. Чехословацкое командование было вынуждено пойти на перемирие с советским военным командованием после вооруженного столкновения у Нижнеудинска 4 февраля 1920 г., где чехословаки понесли существенные потери.

Через несколько дней, 7 февраля у станции Куйтун было подписано мирное соглашение между чехословацкой делегацией и командованием

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 500, л. 19 а.

² Там же, д. 475, л. 25 — 26; д. 500, л. 18 об.

³ Там же, 4, д. 500, л. 6.

Красной Армии¹. В соответствии с договоренностью обе стороны обязались содействовать быстрейшему выезду чехов на родину, а между двигающимися на восток чешскими войсками и идущим следом за ними советским авангардом устанавливалась нейтральная зона, т.е. промежуток между арьергардом чеховойск и авангардом войск Красной Армии «от депо до депо».

В соглашении подчеркивалось, что чехословаки должны были оставить адмирала А.В. Колчака и его сторонников, арестованных иркутским ревкомом, и не вмешиваться в распоряжения Советской власти в отношении арестованных. Командованию Красной Армии передавался и золотой запас, принадлежащий РСФСР, при уходе последнего чехословацкого эшелона из Иркутска, а также все мосты, водокачки, железнодорожные постройки и туннели в исправном состоянии. В отношении отрядов, действующих против Советской власти, они должны были соблюдать нейтралитет. Румыны, латыши и югославы, оставшиеся на территории Советской России, покидали ее вместе с последними эшелонами².

В день подписания соглашения Иркутский ревком в целях предотвращения контрреволюционного выступления офицеров, направленного на освобождение адмирала А.В. Колчака и членов его правительства, приговорил последних к расстрелу. При этом не было даже получено дополнительного согласия Сибирского ревкома (Сибревкома). По утверждению диссертанта, подписанное соглашение развязало руки Иркутскому ревкому и способствовало немедленному исполнению приговора над А.В. Колчаком. Пункт пятый «Условия мирного соглашения между правительством РСФСР и чехословацкими войсками в Сибири» дает четкое подтверждение этому: «Чеховойска оставляют адмирала Колчака и его сторонников, арестованных Иркутским ревкомом, в распоряжение Советской власти под охраной советских войск и

¹ См.: Приложение 10.

² ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 469, л. 5а – 13.

не вмешиваются в распоряжения Советской власти в отношении к арестованным»¹.

3 марта 1920 г. из Иркутска выехал последний чешский эшелон в направлении ст. Байкал², войска красных вступили в город. Чехи перестали быть заслоном, задерживавшим наступление Красной Армии и прикрывавшим возню с созданием либеральных правительств. Одновременно обанкротился и «заслуженный» американский лозунг помощи чехословакам. Если американцы, много говоря о такой помощи, на деле под разными предложениями задерживали эвакуацию чешских войск, то победы Красной Армии, поражение эсеро-меньшевистских и колчаковских сил ускорили ее проведение. Американский железнодорожный представитель Ч. Смит по поводу передвижения чехословацких эшелонов писал: «Относительно эвакуации чехов я хочу заявить, что она была проведена самими чехами и красными, которые помогали ей всеми возможными способами... Красные обещали не вызывать столкновений с японцами до тех пор, пока союзная эвакуация не завершится. Это было выполнено с абсолютной точностью»³.

Выдача Верховного правителя означала конец организованной в государственном масштабе антибольшевистской борьбы в Сибири. После поражения А.В. Колчака при поддержке остатков его армии еще возникали антибольшевистские правительства, но они имели локальный характер и никакого влияния на конечный результат борьбы не оказывали.

Передав золотой запас большевикам, Политцентр лишил Белое движение России главной материальной базы: из этого источника финансировались все вооруженные силы белых. И во всех этих событиях непосредственное участие принимал Чехословацкий корпус, сыгравшей не последнюю роль в развитии политической ситуации в России.

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 469, л. 9.

² Там же, л. 17.

³ FR. 1920. Vol. 111. P. 567.

С подписанием Куйтунского соглашения между чехословацким командованием и командованием народно-революционной армией (НРА) не прекратились политические игры с использованием Чехословацкого корпуса. В соответствии с существующей договоренностью чехословаки оказались буфером между отступающими войсками союзников и наступающими частями Красной Армии. Японское командование в целях успешной эвакуации своих войск и военных подразделений семеновской армии сдерживало продвижение чехословацких эшелонов.

Известно, что японское командование было против продвижения частей Красной Армии на восток, о чем красноречиво говорило заявление полковника Я. Конзо чешскому командованию о том, «что в случае их (отрядов НРА. – Авт.) следования, по линии откроет фронт и не ручается за сохранность железной дороги и продвижение чехословацких эшелонов»¹. 5 апреля 1920 г. уполномоченный Сибревкома А.М. Краснощекков докладывал в Совнарком, что отношения между чехословаками и японцами в Чите резко обострились, поскольку последние препятствовали эвакуации чехов, не допуская их к ремонту паровозов в железнодорожные депо восточнее Читы. На это чехословаки ответили решительным заявлением о начале разоружения семеновцев. Конфликт был разрешен начальником всех военных сил Забайкалья генералом С.Н. Войцеховским., который «удовлетворил все требования чехословаков вопреки воли японского командования»².

Намерения японского командования в отношении проводимой политики понятны, когда знаешь, потому что Япония не собиралась убирать свои экспедиционные войска из Сибири, преследуя политические экспансионистские цели. А с помощью чехословацких эшелонов пытались замедлить продвижение НРА на восток.

30 марта в прессе появилось заявление японского правительства о том, что цель помощи чехословакам практически достигнута: эвакуация японских

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 469, л. 39.

² Там же.

экспедиционных войск откладывается на неопределенный срок – до того момента, пока «положение стабилизируется»¹. Имелось в виду установление твердой политической власти в восточной Сибири, устранение угрозы Кореи и Маньчжурии, а также гарантирование неприкосновенности личности и собственности².

Как только 1 апреля закончилась основная эвакуация основных американских сил, стянутых к тому времени во Владивосток, японцами был совершен переворот. Этот переворот положил начало новому этапу интервенции в России, где главной иностранной силой выступила Япония.

На 9 апреля 1920 г. оставалось эвакуировать 47 335 чехов и словаков, за которых США взяли на себя ответственность. Всего же США обеспечили переброску во Владивосток и дальнейшую транспортировку морем более 70 тыс. чехословаков, оставив 23 600 поляков, румын, латышей, сербов на попечении англичан³.

К сентябрю 1920 г. закончилась эвакуация Чехословацкого корпуса, который оказал немаловажное влияние на развитие событий в России, особенно в период Гражданской войны и военной интервенции 1918 – 1920 гг. Ему отводилась особая роль в планах союзников и различных политических партий. Чехословаки были втянуты в Гражданскую войну в России, которая самым трагическим образом отразилась как на их судьбах, так и на судьбе российского народа.

¹ FR. 1920. Vol. 3. P. 505 – 506.

² ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 500, л. 111.

³ FR. 1920. Vol. 3. P. 566.

Выводы по 3 разделу

1. Руководству ЧСНС по политическим убеждениям были близки программные установки эсеровской партии, которая стояла на позициях демократии в области государственного устройства России. Разгон Учредительного собрания и подписание Брест-Литовского мира с Германией вынудили правых эсеров уйти на нелегальное положение с целью вести непримиримую войну с большевизмом, что значительно обострило политическую напряженность в стране. Центром этой борьбы должен был стать восток – Поволжье и Сибирь. Чехословацкий корпус стал объектом идеологической обработки со стороны антибольшевистских сил. Но до майского выступления, да и сразу после него чехословаки пытались соблюдать нейтралитет и стремились на Родину, о чем свидетельствует то, что вооруженные выступления антибольшевистских сил в Поволжье и на Урале не были поддержаны «мятежным корпусом».

После сызранского «предательства» большевиков в начале июня 1918 г., когда после заключения перемирия с чехословаками они ударили им в тыл, командование Чехословацкого корпуса объединило свои и бурно активизирующиеся на фоне чехословацкого выступления усилия антибольшевиков для борьбы с большевизмом и германизмом.

2. Летом 1918 г. почти на всей территории от Волги до Тихого океана Советская власть оказалась свергнутой при участии чехословацких подразделений «мятежного корпуса» и сформировавшихся под влиянием командования Чехословацкого корпуса частей белой армии. Установился Восточный фронт, главной целью которого была борьба чехословаков с прогерманскими силами, к которым они относили и большевиков.

На освобожденных от большевиков территориях было создано несколько демократических правительств, претендовавших с амбициями на верховную власть в России. Политическая борьба за лидерство и право называться Всероссийским правительством значительно подрывали силы и

уменьшали шансы победить большевиков. Поэтому, ощущая на себе эти раздоры, командование Чехословацкого корпуса приняло активное участие в объединении и примирении всех региональных правительств Сибири и Поволжья. Результатом такого участия стало создание Временного всероссийского правительства.

3. Переворот в Омске в ноябре 1918 г. и приход к власти адмирала А.В. Колчака прервал вялотекущие демократические процессы. Большинство чехословаков восприняло переворот отрицательно, увидев в новоявленной диктатуре подобие большевистской и поэтому первоначально готово было откликнуться на просьбы эсеров о помощи. Но этого не произошло по ряду причин. Во-первых, не все чехословаки поддерживали эсеров. Во-вторых, правительства стран Антанты были на стороне А.В. Колчака, а Чехословацкий корпус полностью зависел от них. В-третьих, капитуляция Германии в Первой мировой войне, признание независимости Чехословацкой Республики и большевистская агитация повлияли на настроение рядового состава корпуса, стремившегося на Родину.

4. Различные политические силы в России видели в чехословацком корпусе реальную силу, способную решать любые задачи.

Большевистское правительство, видя назревший душевный кризис среди рядового состава, пыталось вывести Чехословацкий корпус из борьбы и усилить в нем антиколчаковское настроение. Для достижения этих целей были предприняты дипломатические шаги, направленные на заключения договоренностей с чехословацким командованием о пропуске на Родину эшелонов с legionерами через центральную часть России. На это чехословацкое правительство ответило отказом.

Российское правительство, пытаясь вернуть боеспособные части на Восточный фронт, предприняло ряд мер по «задабриванию» чехословаков, в частности уравнивало их в правах с русскими солдатами и предоставляло им право приобретения земли в личную собственность. Это предложение не встретило должного отклика среди руководства Чехословацкой Республики.

5. Неопределенность в отношении эвакуации Чехословацкого корпуса и задержка его в России вызывали напряженность среди рядовых военнослужащих, что приводило к сближению их с демократическими силами, действовавшими против Колчака, а в иных случаях даже к открытому неповиновению своему командованию. В чехословацких частях начались восстания. Это подтолкнуло чехословацкое правительство и союзное командование к форсированию процесса эвакуации чехословацких войск из России. В октябре 1919 г. началась их активная экстрадиция на Родину через Владивостокский порт.

Для беспрепятственного продвижения эшелонов командование Чехословацкого корпуса стало осуществлять политику, направленную на сближения с антиколчаковскими политическими силами, и, видя близость падения диктатуры, открыто заявило о своем несогласии с проводимой политикой действующего правительства России. Данное поведение чехословаков наложило отрицательный отпечаток на отношения между командованием корпуса и Российским правительством.

Поражение на фронте и отступление белой армии на восток, отсутствие военной поддержки со стороны союзников и конфликтная ситуация с командованием Чехословацкого корпуса привели в конечном итоге к правительственному кризису. А.В. Колчак отрекся от власти и вскоре с косвенного согласия чехословацкого командования был расстрелян Иркутским ревкомом

6. С января по март 1920 г. Чехословацкий корпус выполнял функции буфера между наступающими частями Красной Армии и эвакуирующимися союзными войсками. Это позволило сохранить для большевиков Транссибирскую магистраль от разрушения со стороны семеновских войск и одновременно сдерживать в интересах союзников, прежде всего Японии, стремительное продвижение Красной Армии на восток страны.

Таким образом, Чехословацкий корпус в России был важной картой, которую разыгрывали основные политические силы России. А потому история возникновения и действия Чехословацкого корпуса привлекали и будут

привлекать отечественных и зарубежных ученых и политологов в плане выявления новых фактов, подтверждающих их значимость и судьбоносный характер для России и мира в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что с момента окончания Гражданской войны 1917 – 1922 гг. в России минуло более 80 лет, она до сих пор оказывает немалое влияние на общественное сознание российских граждан. Ко многим ее сторонам и сюжетам активно обращаются историки, перед которыми в современных условиях, когда стали доступными ранее закрытые архивы, отсутствует политическая цензура и есть возможность использовать разнообразный методологический инструментарий, открылись обширные исследовательские возможности.

На этом фоне, однако, не получила должного освещения история Чехословацкого корпуса, оставившего весьма заметный след в событиях Гражданской войны. Войсковое соединение, сформированное в годы Первой мировой войны из военнопленных чехов и словаков – бывших военнослужащих австро-венгерской армии для борьбы за независимость Чехословацкого государства, на самом деле стало орудием в руках политических сил, которые боролись за политическую власть в России. Его активное участие в боевых действиях против большевистской власти, начиная с 1918 г., позволило вырасти и окрепнуть силам Белого движения от Поволжья до Дальнего Востока, что придало Гражданской войне невиданные до того размах и ожесточенность.

Это обстоятельство, по мнению диссертанта, вызывает особый научный интерес к освещению роли Чехословацкого корпуса в российской истории в годы Первой мировой и Гражданской войн.

В результате проведенного исследования диссертант пришел к следующим выводам:

1. Формирование из числа добровольцев и военнопленных регулярного чехословацкого войскового соединения именно на территории России не было случайным. Национальные силы, заинтересованные в создании независимого Чехословацкого государства, закономерно рассчитывали, что в этом им поможет Российская империя как противник Австро-Венгрии. Российские власти – сначала императорское правительство, а затем и республиканское Временное

правительство действительно согласилось на создание на территории страны ядра будущей национальной армии будущего суверенного Чехословацкого государства.

«Чешские дружины» формировались как из колонистов, проживавших на территории России, так и из числа военнопленных австро-венгерской армии. На их основе были созданы воинские части, которые, действуя в составе русской армии, проявили героизм и воинское мастерство в боевых действиях на Юго-Западном фронте.

К началу декабря 1917 г. было завершено формирование корпуса, насчитывавшего в своих рядах свыше 50 тыс. человек. По согласованию с Временным правительством корпус должен был применяться только против внешних врагов России – Германии и Австро-Венгрии.

2. В строительстве корпуса чехословацкие политики не всегда встречали со стороны российских официальных лиц желаемого понимания и активной помощи. На это были свои веские причины: несмотря на этническое славянское единство русских, чехов и словаков, российские власти с осторожностью подходили к созданию на собственной территории иностранных воинских частей. Чехи и словаки, будучи подданными враждебного России Австро-Венгерского государства, хотя и военнопленными, не представлялись благонадежными. Вначале власти вообще предпочитали использовать их преимущественно как рабочую силу на производственных предприятиях.

Другой причиной, сдерживавшей быстрое формирование чехословацких частей, была разность позиций императорского правительства, с одной стороны, и чехословацких национальных лидеров, с другой, относительно политического устройства Чехии и Словакии в случае разгрома Австро-Венгрии. Царское правительство видело себя основным устроителем Чехословацкого государства и не разделяла взгляды Союза чехословацких обществ, ориентированные на Францию, как образец республиканского устройства государства, потому без особой охоты шло на ускоренное формирование чехословацкого войска.

С падением самодержавия, с приходом к власти Временного правительства и ухудшением положения на русско-германском фронте, связанным с кризисом в русской армии, перспективы формирования чехословацкого соединения улучшились.

3. После Октябрьской революции 1917 г., выхода Советской России из войны и изменения юридического статуса Чехословацкого корпуса, который в январе 1918 г. стал легионом в составе французской армии, цели национальных сил в лице Чехословацкого национального совета изменились. Они стали теперь стремиться к эвакуации корпуса за пределы России для его переброски во Францию.

На основе договоренности с Советским правительством эвакуация должна была происходить по железной дороге по маршруту Пенза – Владивосток. При этом руководство ЧСНС и командование Чехословацкого корпуса до определенного времени соблюдало нейтралитет и отклоняло попытки как официальных властей, так и антибольшевистских сил использовать корпус в собственных политических целях.

Успешное передвижение эшелонов с личным составом корпуса на восток осложнялось необходимостью оторваться от наступающих немецких войск, которые всячески препятствовали эвакуации чехословацких войск на Запад, а также нерешенность ряда проблем: долго не удавалось согласовать нормы перевозимого оружия, обеспечить достаточное количество паровозной тягой и передвижным составом, наладить взаимодействие местных органов власти с командованием конкретными эшелонами. Приходилось также противостоять стремлениям антибольшевистских сил склонить корпус на свою сторону.

4. Вооруженный мятеж корпуса в мае 1918 г., направленный против большевистского режима, имел под собой комплекс причин. Практически с самого начала реализация договоренности Советского правительства с командованием корпуса была осложнена разрухой на транспорте, недостаточным организационным и материальным обеспечением процесса эвакуации со стороны центральных и местных органов Советской власти, разногласий в их дейст-

виях при решении вопросов, связанных с наличием у личного состава оружия, направлением и темпами движения эшелонов. Свой негативный отпечаток накладывала агитация, которую вели большевики с целью привлечения легионеров в формирующуюся Красную Армию, неумение, а порой и нежелание органов Советской власти пресекать враждебность во взаимоотношениях между чехословаками, с одной стороны, и интернационалистами РККА из числа немцев, австрийцев и мадьяр, с другой.

Тем не менее, по мнению диссертанта, ответственность за обострение отношений, в конце концов вылившееся в вооруженный мятеж корпуса, с официальной властью должно разделить командование корпусом. Оно нередко игнорировало договоренности, достигнутые с Совнаркомом: силой захватывала подвижной состав, разоружало красногвардейские отряды, устраняло местные органы власти.

5. Мятеж Чехословацкого корпуса стал этапным событием Гражданской войны, выведя ее на новый уровень: от локальных столкновений небольших вооруженных отрядов преимущественно по линии Транссибирской железнодорожной магистрали – к широкомасштабным военным действиям с участием крупных войсковых группировок. Обширные районы Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока в короткий срок превратились в театр военных действий.

В то же время диссертант считает необоснованной распространенную в советской историографии точку зрения на мятеж Чехословацкого корпуса как на непосредственное начало Гражданской войны в России. Столь же несостоятельным, не отражающим всей сложности и многогранности проблемы следует считать и вывод о мятеже, как заранее спланированном и организованном странами Антанты.

Непосредственные причины вооруженного выступления Чехословацкого корпуса заключались в целом комплексе политических и военных замыслов и действий как сил, непосредственно втянутых в конфликт – чехословаков и Советской власти, так и внешних сил в лице стран Антанты и Германии и имевших место тогда, когда страна уже была по меньшей мере с февраля-марта 1917

г., охвачена Гражданской войной.

6. Результатом вооруженного выступления корпуса стало свержение Советской власти на обширных пространствах Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока и установление власти буржуазно-демократических правительств. Временному успеху чехословаков в борьбе с большевиками способствовали отсутствие у них достаточных военных сил и средств, необходимых для ликвидации очагов восстания, разобщенность действий центральных и местных властей, поддержка мятежников в некоторых регионах со стороны населения. В то же время мятеж заставил ЦК РКП(б) и Советское правительство ускорить строительство Красной Армии и мобилизацию сил для подавления контрреволюции и внешней интервенции.

Командование корпуса, в свою очередь, отказалось от планов эвакуации и перешло к участию в открытой вооруженной борьбе за смену в России политического режима, чем поставило себя вне закона. Оно пошло на тесную координацию действий корпуса со странами Антанты в реализации планов военной интервенции в России.

7. После полного разрыва взаимоотношений с большевистской властью руководство ЧСНС и командование корпусом не смогли установить прочных и длительных отношений ни с одной из политических сил, боровшихся за власть, и вынуждены были постоянно лавировать, искать и менять союзников.

Начиная с мая 1918 г., наиболее прочный союз чехословаки заключили с правыми эсерами, игравшими наиболее существенную роль в формировании антибольшевистских правительств на территории России, которая находилась вне юрисдикции Советской власти. Позднее логика политической борьбы заставила руководство ЧСНС и командование корпусом перейти к активному сотрудничеству с утвердившимся в Сибири режимом А.В. Колчака, а после его свержения – вновь возобновить отношения с эсерами. Что касается внешних сил, то на протяжении 1918 – 1920 гг. корпус неизменно действовал в русле политики стран Антанты.

8. Мятеж чехословаков позволил выйти из подполья и сформироваться

регулярным вооруженным силам различных антибольшевистских сил. На освобожденных от Советской власти территориях было создано несколько правительств, претендовавших на верховную власть в России. Командование Чехословацким корпусом, осознавая, что политическая борьба за лидерство подрывало силы антибольшевистского лагеря, активно способствовало объединению и примирению региональных правительств Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Результатом такого участия стало создание Временного всероссийского правительства.

Приход к власти адмирала А.В. Колчака в ноябре 1918 г. не изменил общей направленности политической и военной деятельности чехословацких руководителей. Они поддержали новый политический режим несмотря на то, что сочувствовали эсерам и не разделяли политических взглядов А.В. Колчака. Позднее, когда колчаковский режим исчерпал себя, политические и военные руководители корпуса дистанцировались от него.

9. Успехи Красной Армии в борьбе с антибольшевистскими правительствами Сибири и Дальнего Востока, рост недовольства и деморализация значительной части личного состава корпуса подтолкнули чехословацкое правительство и союзное командование к форсированию процесса вывода войск корпуса через Владивостокский порт. Чехословацкие руководители вынуждены были пойти на перемирие с командованием войск Красной Армии с тем, чтобы гарантировать его содействие быстрой эвакуации корпуса на родину. Этот процесс перешел в активную фазу в октябре 1919 г. и завершился в сентябре 1920 г. полным выводом корпуса с территории России.

10. Проведенные в диссертации исследования темы показали, что требуют дальнейших разработок, ряд существенных проблем, выявленных в процессе работы.

Так, проведенный анализ показывает, что предшествующие исследования проблем Гражданской войны и военной иностранной интервенции в Поволжье, Урале, Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке порой страдают односторонностью, идеологически ориентированным уходом от изучения в полном объеме

трудностей и противоречий этого сложного социального явления. Причиной тому являются, на наш взгляд, узость методологического подхода авторов, рассматривавших исторические процессы без учета всей совокупности обстоятельств как объективного, так и субъективного свойства, а также неблагоприятное положение с источниковой базой.

В этой связи автор рассматривает в диссертации критическое осмысление историографии и источниковой базы.

Наше исследование показало, что документы нормативного характера обеих сторон, отражающие содержание и направленность политики различных субъектов анализируемых событий, и служебная документация (в первую очередь, военная), опубликованная в соответствующих документах, содержат немало материалов, позволяющих преодолеть отмеченную крайность. Особую ценность представляют различного рода архивные материалы: доклады, отчеты, предписания, включающие в себя обилие цифрового и фактического материала. В первую очередь это относится к проблемам политического воздействия противоборствующих сил в России 1917 – 1920 гг.

Вместе с тем, анализ показал, что при исследовании ряда проблем истории Гражданской войны и военной интервенции на территории России целесообразно полнее привлекать новые документы архивного хранения, ранее не известных ученым.

Проведенное диссертационное исследование позволило сформулировать некоторые уроки:

1. Как показало время, определенная осторожность, с которой российские власти как до октября 1917 г., так и после подходили к формированию корпуса, оказалась оправданной. Наличие на территории страны иностранного военного формирования, тем более из военнослужащих армии противника, пусть и военнопленных, было чревато дестабилизацией внутренней обстановки, фактором серьезного риска. Собственно, деятельность корпуса, начиная с 1918 г., это ярко подтвердила.

Поэтому представляется не случайной та осторожность, с какой уже в хо-

де Второй мировой войны советское руководство подходило к формированию иностранных частей и соединений (польских, чехословацких и других) на территории СССР. Безусловно, сказывался опыт, почерпнутый в период Гражданской войны.

Этот урок может быть востребован центральными и региональными властями современной России, учитывая как реальную, так и потенциальную возможность создания непосредственно на российской, а также на сопредельной территории воинских формирований, полностью или частично состоящих из граждан других стран.

2. История Чехословацкого корпуса взывает к необходимости помнить трагические последствия Гражданской войны, не допустить повторения междоусобного вооруженного общенационального конфликта. Одним из факторов предотвращения Гражданской войны является ее углубленное изучение и широкое доведение до наших сограждан результатов научных исследований, разумеется, в приемлемой для этого форме. Без учета научно обобщенного исторического опыта Гражданской войны в России невозможно осуществлять и реформирование современных Вооруженных Сил.

3. Осмысление переломных моментов в жизни страны, в том числе и истории Гражданской войны и военной интервенции, невозможно без учета наработок зарубежных ученых, в том числе российских эмигрантов. Зарубежная историография накопила существенный положительный опыт в создании источниковой базы и научного анализа событий Первой мировой и Гражданской войн в России, который необходимо широко использовать для дальнейшего всестороннего изучения данного исторического периода.

Исследование позволяет также сформулировать некоторые практические рекомендации и предложения, направленные на совершенствование военного строительства, дальнейшее развитие исторической науки и улучшение учебно-воспитательного процесса в высшей военной школе:

Во-первых, в интересах осуществления реформирования Российских Вооруженных Сил следует активизировать изучение различных аспектов Граж-

данской войны, включая участие в ней иностранных вооруженных формирований. Накопленный диссертантом богатый фактологический материал по истории Чехословацкого корпуса, сделанные им обобщения и выводы убеждают в целесообразности обратить особое внимание на исследование таких проблем, как: установление и поддержание тесных рабочих контактов между органами власти и командованием воинских частей и соединений, ведение идеологической работы с личным составом, выполнение боевых задач, в т.ч. миротворческого характера, совместно с воинскими формированиями иностранных государств, и других.

Во-вторых, в целях повышения эффективности исследований проблем вооруженной борьбы в годы Гражданской войны и иностранной интервенции, в том числе в восточных регионах, предлагается силами военных ученых-историков подготовить и опубликовать сборник статей по наиболее острым и слабо изученным проблемам действий иностранных военных формирований на территории России в XX веке.

В-третьих, осуществить выявление в архивах ряда стран (России, Чехии, Словакии и, возможно, других) и публикацию на научной основе документов и материалов по истории Чехословацкого корпуса в период Гражданской войны и военной интервенции. Особое внимание при этом следует уделить обнародованию ранее не публиковавшихся, либо ставших библиографической редкостью материалов. Целесообразно привлечь к этому научному проекту не только отечественных, но и зарубежных специалистов.

В-четвертых, целесообразно шире использовать материал диссертации в лекционных и спецкурсах по истории России, которые читаются в Военном университете и других военных вузах, при подготовке слушателями и курсантами дипломных и курсовых работ, докладов на научных и научно-практических конференциях.

В-пятых, имеет смысл вопросы боевой деятельности Чехословацкого корпуса в период гражданского противостояния в России (1917–1920 гг.) обсудить на специальных военно-научных конференциях с приглашением ведущих

отечественных и зарубежных ученых-историков, а также исследователей из регионов.

Диссертант убежден, что дальнейшая разработка избранной им проблемы будет способствовать приращению знаний по актуальнейшим проблемам Первой мировой и Гражданской войн и военной интервенции в России в 1914–1920 гг.

СПИСОК**источников и литературы****I. Труды по теории и методологии проблемы**

- 1.1. Борьба за власть Советов в Приморье (1917 – 1922 гг.). М., 1985. 423 с.
- 1.2. Архив русской революции: В 22 т / Изд. И.В. Гессен. Берлин, 1921 – 1937. М., 1991.
- 1.3. Внешняя политика СССР. 1917 – 1920 гг.: В 2 т. М., 1944.
- 1.4. Гражданская война 1918 – 1921 гг. Т. III. М.– Л., 1930.
- 1.5. Гражданская война в Поволжье. Казань, 1974.
- 1.6. Гражданская война в Сибири и в Северной области. М., 1965.
- 1.7. Гражданская война в СССР: В 2 т. М., 1980.
- 1.8. История гражданской войны в СССР 1917 – 1922 гг.: В 5 т. М., 1935 – 1960.
- 1.9. История внешней политики СССР 1917 – 1945 гг.: в 2 т. М., 1976.
- 1.10. Минц И.И. История Великого Октября: В 3 ч М., 1979.
- 1.11. Троцкий Л.Д. Доклад на чрезвычайном объединенном заседании ВЦИК 5-го созыва совместно с Московским Советом Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов, профсоюзами и фабзавкомом 29 июля 1918 г. // Сочинения. Т. 17. Ч. 1. М – Л., 1926.
- 1.12. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция / Материалы и документы по истории Красной Армии: В 3 т. 1918. М., 1923. Кн. 1, т. 1.
- 1.13. Тухачевский М.Н. Первая армия в 1918 году // Избр. произв. М., 1964.

II. Документальные источники

- 2.1. Борьба за Казань: Сборник материалов о чехо-учредилловской интервенции в 1918 г. Казань, 1924. 26 с.
- 2.2. Подвиг Центросибири: Сборник документов. Иркутск, 1986. 317 с.

- 2.3. Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г. // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 9 – 10. 263 с.
- 2.4. Директивы Главного командования Красной Армии (1917 – 1920 гг.): Сб. документов. М., 1969.
- 2.5. Декреты Советской власти: в 5 т. М., 1957.
- 2.6. Документы внешней политики СССР: В 2 т. М., 1957 – 1958.
- 2.7. Документы героической борьбы: Сборник документов и материалов. Красноярск, 1959. 432 с.
- 2.8. Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов: В 3 т. М., 1961.
- 2.9. Из истории гражданской войны и интервенции 1917 – 1922 гг.: Сборник документов. М., 1974. 480 с.
- 2.10. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. Владивосток, 1995. 216 с.
- 2.11. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1997. 324 с.
- 2.12. Россия Учредительное собрание (1918): Воззвание членов Учредительного собрания. Самара, 1918. 14 с.
- 2.13. Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. 548 с.
- 2.14. Симбирская губерния в 1918 – 1920 гг.: Сб. док. Ульяновск, 1958. 250 с.
- 2.15. Строительство Красной Армии: Сб. статей. М., 1919. 201 с.
- 2.16. Хроника событий 1917 – 1922 гг. М., – Хабаровск, 1933. 368 с.
- 2.17. Боевой путь Первой революционной армии. Ашхабад, 1972. 293 с.
- 2.18. 8-я Конференция РКП(б): Протоколы. М., 1951. 245 с.

III. Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

3.1. Фонд 130. – Совет Народных Комиссаров РСФСР:

оп. 1, д. 13, 39, 40, 87, 90;

оп. 2, д. 422, 489, 490, 500, 544, 546, 574, 589, 626, 636, 696, 760, 802, 898, 1006, 1112, 1113, 1148;

оп. 3, д. 422, 423, 443, 519, 553, 559, 572, 970;

оп. 4, д. 219, 469, 475, 500.

3.2. Фонд 175. – Совет министров Временного правительства Автономной Сибири. Владивосток, 1918 г.

3.3. Фонд 200. – Министерство иностранных дел «Российского правительства» (Колчака):

оп. 1, д. 25, 26, 27, 33, 44, 133, 148, 152, 153, 178, 215, 258, 264, 266, 289, 302, 315, 340, 356, 365, 366, 392, 586, 618, 637, 688, 704.

3.4. Фонд 667. – Иностраный отдел при комитете членов Всероссийского Учредительного Собрания:

оп. 1, д. 7, 16, 38.

3.5. Фонд 749. – Комитет членов Всероссийского Учредительного Собрания. (Комуч):

оп. 1, д. 3, 51.

3.6. Фонд 6219. – Материалы штаба Колчака. Коллекция:

оп. 1, д. 1, 2, 3, 4, 10, 13, 17, 18, 25, 26, 31, 39, 41, 47.

3.7. Фонд 6401. – Русская делегация в Яссах:

оп. 1, д. 1, 2, 3, 4.

3.8. Фонд 8310. – Опись дел Сибирского революционного комитета. г. Иркутск 1920 г.:

оп. 1, д. 1, 2, 3, 5, 6, 7.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

3.11. Фонд 2000. – Главное управление Генерального штаба (ГУГШ):

оп. 1, т. 4, д. 6427, т. 5, 7176, 7183, 7295, 7332, 7350, 7598, 8277, 8280, 8333;

оп. 6, д. 166, 167, 168, 172.

3.12. Фонд 2003. – Штаб Верховного главнокомандующего. (Ставка):

оп. 1, д. 26, 80, 739;

оп. 2, д. 323, 324, 325, 326, 327, 328, 330, 333, 334, 342, 343, 498, 499, 544, 545, 550, 551, 770;

оп. 4, д. 24, 26, 32, 36.

3.13. Фонд 2067. – Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта:

оп. 1, д. 2985;

оп. 2, д. 201, 332, 503, 513, 533, 538, 539, 1175.

Российский государственный военный архив (РГВА).

3.15. Фонд 1. – Управление делами Народного комиссариата по военным делам:

оп. 1, д. 28, 203, 499;

оп. 2, д. 27, 28, 44.

3.16. Фонд 10. – Высшая военная инспекция Рабоче-Крестьянской Красной Армии при революционном совете республики:

оп. 1, д. 32, 240.

3.18. Фонд 106. – Главное управление армиями Восточного фронта:

оп. 3, д. 104.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

3.19. Фонд 4. – Секретариат наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина (1917 – 1930):

оп. 4, д. 53922, 53924, 53928;

оп. 43, д. 53919, 53920;

оп. 42, д. 53921.

3.20. Фонд 82. – Референтура по Германии (1918 – 1955 гг.):

оп. 2, папка 10. д. 146.

3.21. Фонд 138. – Референтура по Чехословакии. 1918 г.:

оп. 1, папка 1, д. 1, 5;

оп. 1, папка 2, д. 7;

оп. 2, папка 1, д. 2;

оп. 3, папка 2. д. 21.

Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ)

3.22. Фонд. – Дипломатическая канцелярия:

оп. 617, д. 83, 86, 93.

3.23. Фонд. – Особый политический отдел:

оп. 474, д. 222.

Российский государственный архив Дальнего Востока (РГВИА ДВ)

3.24. Фонд 28. – Владивостокская городская управа. 1870 – 1926 гг.

оп. 1, д. 99, 798, 799, 834, 873, 918, 942.

3.25. Фонд 159. – Владивостокская городская дума. 1884 – 1922 гг.

оп. 1, д. 12, 35.

Государственный архив Приморского края

3.26. Фонд 715. – Коллекция документов о событиях в Приморье в 1917 – 1922 гг.:

оп. 1, д. 6, 10, 13.

Архивный отдел администрации г. Уссурийска

3.27. Фонд 327. – Бюро секции ветеранов революционного движения на Дальнем Востоке при исполнительном комитете Уссурийского городского совета депутатов трудящихся:

оп. 1, д. 3.

IV. Монографии, научные труды

4.1. Абрамовский А.П., Машин М.Д. Героическая борьба трудящихся южного Урала весной и летом 1918 г. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1971. С. 126 – 149.

4.2. Алексеев В.Н. Два года борьбы. Ульяновск, 1927. 96 с.

4.3. Арестант пятой камеры: Сборник. М., 1990. 479 с.

4.4. Беус А. Крах восточной интервенции. Л., 1931. 56 с.

4.5. Валеховский Ф. Чехословаки в России. Екатеринбург, 1918. 39 с.

4.6. Вегман В., Циркунов Ю. Сибирская Красная гвардия и отряд Петра Сухова. Новосибирск, 1934. 87 с.

4.7. Вендрих Г.А. Декабрьско – январские бои 1919 – 1920 гг. в Иркутске. Иркутск, 1957. 67 с.

4.8. Гармиза В.В. Крах эсеровских правительств. М., 1970. 235 с.

4.9. Голуб П. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов. Киев, 1958. 130 с.

- 4.10. Гражданская война в России: Материалы 10-й Всероссийской заочной научной конференции / Науч. ред. Полтораки С.Н. С.-Пб., 1998. 155 с.
- 4.11. Гуговский А.И. Ликвидация Пермской катастрофы (И.В. Сталин и Ф.Э. Дзержинский на Восточном фронте (1918 – 1919 гг.)). М., 1939. 45 с.
- 4.12. Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975. 388 с.
- 4.13. Добровольский А.В. Социалисты – революционеры Сибири в конце 1917 – начале 1920 г. Новосибирск, 1999. 142 с.
- 4.14. Документы об антинациональной политике Масарика / Отв. ред. М.Туманова. М., 1954. 320 с.
- 4.15. Допрос Колчака // Колчак А.В. – последние дни жизни. Л., 1925. С. 188.
- 4.16. Зиновьев Г.Е. Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс. М., 1927. 75 с.
- 4.17. Зыков Е.М. Образование Чехословацкой группы РКП(б) и ее деятельность в России по интернациональному сплочению и мобилизации трудящихся чехословаков на защиту Советской республики (1918-1920 гг.) : Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л., 1964. 19 с.
- 4.18. Ильин Н. Чехословаки: (Самостоятельное чешское государство. Чехия под властью Австрии. Чешский народ в период Европейской войны.) Уфа, 1918. 51 с.
- 4.19. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. 294с.
- 4.20. Какурин Н. Е. Восстание чехо-словаков и борьба с Колчаком. М. – Л., 1928. 80 с.
- 4.21. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М. – Л., 1925. Т. 1. 314 с.
- 4.22. Клеванский А.Х. Классовая борьба чехословацкого пролетариата в годы послевоенного революционного подъема (1918 – 1920 гг.): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1958. 16 с.
- 4.23. Клеванский А.Х. Некоторые проблемы истории военнопленных и интернационального движения. М., 1967. 13 с.

- 4.24. Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и военные формирования в России 1914 – 1921 гг. М., 1965. 366 с.
- 4.25. Константинов С.И. Выступление чехословацкого корпуса: детонатор гражданской войны или возможность ее альтернативы? (опыт альтернативной истории) // Урал в событиях 1917 – 1921 гг.: актуальные проблемы изучения. (К 80-летию прекращения действий на Урале: Материалы регионального научного семинара 24 – 25 апреля 1999 г.). Челябинск, 1999. С. 56 – 72.
- 4.26. Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918 – 1920 гг.). Владивосток, 1972. 234 с.
- 4.27. Кутяков И.С. С Чапаевым по Уральским степям. Борьба с уральской и чехословацкой контрреволюцией. М. – Л., 1928. 144 с.
- 4.28. Ларьков Н.С. Основные этапы и особенности довоенного строительства Сибири в 1918 г. // История Белой Сибири: Тез. 1-й науч. конф. Кемерово, 1995. С. 3 – 17.
- 4.29. Левидов М. К. История союзной интервенции в России. Л., 1925. 196 с.
- 4.30. Левчук А.П. Еще раз о «проданном корпусе»: (К вопросу о возникновении чехословацкого мятежа) // Из истории революций в России: первая четверть XX в. Томск, 1996. Вып. 2. С. 3 – 12.
- 4.31. Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири: Сб. документов. М., 1926. С. 57 – 68.
- 4.32. Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918 – 1919 гг.). Саратов, 1974. – 352 с.
- 4.33. Минц И.И. Год 1918-й. М., 1982. 576 с.
- 4.34. Миронов М. Красная гвардия на берегу Байкала // Бойцы революции: Сборник. Иркутск, 1980. 234 с.

- 4.35. Мухачев Б.И., Наумов И.В. Гражданская война на Дальнем Востоке в освещении советских историков // Гражданская война и Дальний Восток России: итоги и уроки: (Тезисы докладов и сообщений 5 – 9 декабря 1992г.) Владивосток, 1992. С. 9 – 12.
- 4.36. Наумов В.П. К историографии белочешского мятежа в 1918 г. // Ученые записки. М., 1958. Вып. 40. С. 142 – 180.
- 4.37. Новиков П.А. Части чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май – август 1918 г.) // Белая армия. Белое дело. 2000. № 8. С. 7. (Екатеринбург).
- 4.38. Октябрь 1917-го и судьбы политической оппозиции: (Совместное российско-белорусское исследование) / Под ред. Энтина Э.М. Гомель, 1993. Часть 1. С. 25 – 47.
- 4.39. Панкратов Н.Р. Разработка В.И. Лениным военной программы пролетарской революции. М., 1980. 256 с.
- 4.40. Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957. 423 с.
- 4.41. Партия социалистов – революционеров: Документы и материалы: В 3 т. Т. 3, ч. 2: Октябрь 1917 – 1925 гг. М., 2000. 1055 с.
- 4.42. Парфенов П.С. Гражданская война в Сибири 1918-1920. М., 1925. 221 с.
- 4.43. Плотников И.Ф. Челябинск: разработка стратегического плана наступления русской армии А.В. Колчака, успехи в его осуществлении и последующий провал (февраль – май 1919 г.) // Урал в событиях 1917 – 1921 гг.: Актуальные проблемы изучения (К 80-летию прекращения действий на Урале: Материалы регионального научного семинара 24 – 25 апреля 1999 г.). Челябинск, 1999. С. 73 – 83.
- 4.44. Плотникова М.Е. Колчак и эсеровская оппозиция // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 168 – 181.
- 4.45. Подшивалов И. Гражданская война на Урале (1917 – 1918 гг.). 1925. 345 с.
- 4.46. Познанский В.С. Сибирский красный генерал. Новосибирск, 1972.

261 с.

- 4.47. Попов Е.И. Заговор Политцентра // Политика США на Дальнем Востоке (1918 – 1922 гг.). М., 1967. 295 с.
- 4.48. Попов Е.И. Политика США на Дальнем Востоке (1918 – 1922). М., 1967. 317 с.
- 4.49. Попов Ф.Г. Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. Куйбышев, 1932. 260 с.
- 4.50. Поршнева О.С. Война и мир? Идеиная борьба вокруг Брестского мира в ноябре 1917 – марте 1917 г.: (На материалах Урала) // Урал в событиях 1917 – 1921 гг.: Актуальные проблемы изучения. (К 80-летию прекращения действий на Урале: Материалы регионального научного семинара 24 – 25 апреля 1999 г.). Челябинск, 1999. С. 47 – 53.
- 4.51. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902 – 1924 гг. Иркутск, 1994. 398 с.
- 4.52. Сидоров А.Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917 – 1922 гг.) М., 1998. 173 с.
- 4.53. Солнцева С.А. Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) // Вопросы истории. 2000. № 4. С. 98 – 105.
- 4.54. Софинов П. Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. 1940. № 12, С. 47 – 60.
- 4.55. Спиринов Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России. М., 1968. 525 с.
- 4.56. Троцкий Л.Д. Вокруг Октября // А. Луначарский, К. Радек, Л. Троцкий. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 56 – 98.
- 4.57. Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000: 256с.
- 4.58. Фирсов Е.Ф. Формирование геополитических установок Масарика в России // Тезисы докладов международной конференции: «Т.Г. Масарик и Россия». СПб., 1997. С. 48 – 62.

- 4.59. Фоминых С.Ф. К истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: Критический анализ американской дипломатической переписки как исторического источника. Томск, 1988. 198 с.
- 4.60. Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940. 99 с.
- 4.61. Цыпкин С., Шурыгин А., Булыгин С. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. М. – Хабаровск, 1933. 378 с.
- 4.62. Шишкин В.И. Сибирские эсеры и колчаковщина (конец 1918 – начало 1920 г.) // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и учениями. М., 1983. С. 98 – 110.
- 4.63. Шишкин В.И. Политические позиции сибирских эсеров периода колчаковщины // Изв. СО АН СССР. 1984. Вып. 3. № 14. С. 8 – 14.
- 4.64. Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. М., 1960. 295 с.

V. Диссертационные исследования

- 5.1. Волков Е.В. Офицерский корпус вооруженных сил адмирала А.В. Колчака: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2000. 304 с.
- 5.2. Воронов В.Н. Вооруженные формирования на территории Сибири в период гражданской войны и военной интервенции 1917 – 1922 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. 563 с.
- 5.3. Добровольский А.В. Эсеры и меньшевики в общественно-политической жизни Сибири 1919 – 1924 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 231 с.
- 5.4. Казанчиев А.Д. Уфимская директория 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1995. 265 с.
- 5.5. Каревский А.И. Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима – осень 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 215 с.
- 5.6. Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус (1914 – 1918 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1967. 423 с.

- 5.7. Константинов С.И. Деятельность Коммунистической партии по созданию и укреплению Восточного фронта в годы военной интервенции и Гражданской войны (1918 – 1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 210 с.
- 5.8. Константинов С.И. Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны: Дис. ... д-ра ист. Екатеринбург, 1998. 420 с.
- 5.9. Медведев В.Г. Белое движение в Среднем Поволжье в мае 1918 – 1919 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 1995. 215 с.
- 5.10. Рынков В.М. Экономическая политика контрреволюционных правительств Сибири, вторая половина 1918 – 1919 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. 308 с.
- 5.11. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия. Май – декабрь 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 279 с.
- 5.12. Сташевский Т.П. Подрывная деятельность дипломатов и разведок держав Антанты на территории Советской республики в 1918 г. (заговор Локкарта): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 203 с.
- 5.13. Сунцов Н. П. Строительство и деятельность политорганов вооруженных сил Дальнего Востока в период иностранной интервенции и гражданской войн. (1918 – 1922 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 212 с.
- 5.14. Тымчик В.И. Гражданская война и иностранная военная интервенция на востоке России (1918 – 1922 гг.): проблема информативности источников: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. 396 с.

VI. Периодические издания

- 6.1. Алексеев В.Н. Борьба с чехословацким мятежом в Поволжье // Пролетарская революция. 1928. № 4.

- 6.2. Бондаренко С.Ю. Чехословацкие военнопленные на Дальневосточной земле в годы гражданской войны и военной интервенции // Россия АТР. 2001. № 4. С. 13 – 21. (Владивосток).
- 6.3. Волков Е.В. Дневник Е.В. Войцеховского: новые штрихи к выступлению чехословацкого корпуса в мае 1918 г. // Белая армия. Белое дело. 2001. № 9. С. 90 – 99. (Екатеринбург).
- 6.4. Волков Ф.Д. Новые документы об использовании пленных чехословаков для интервенции против Советской России // Вопросы истории. 1971. № 2.
- 6.5. Иванов А.В. К вопросу о причинах антисоветского выступления чехословацкого корпуса в 1918 г. // Белая армия. Белое дело. 1997. № 4. С. 7 – 23. (Екатеринбург).
- 6.6. Иоффе Г. Играть с огнем в деревянных домах опасно // Московские новости. 1992. 12 июля. № 28.
- 6.7. Кручинин А.М. «Даешь Екатеринбург!»: Военные действия в районе г. Екатеринбурга в августе 1918 г. // Белая армия. Белое дело. 1999. № 6. С. 13 – 23. (Екатеринбург).
- 6.8. Новиков П.А. Части чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май – август 1918 г.) // Белая армия. Белое дело. 2000. № 7, С. 5 – 17, № 8, С. 5 – 20. (Екатеринбург).
- 6.9. Отчет о митинге, посвященном истории самарского переворота // Вестник Комуча. 1918. 6 сентября.
- 6.10. Резолюция крестьянского съезда // Симбирское слово. 1917.
- 6.11. Речь А.П. Климушкина // Вестник Комуча. Самара, 1918. С. 103 – 107.
- 6.12. Сибирские записки. 1918. № 1. Красноярск. С. 22.
- 6.13. Софинов П. Чехословацкий мятеж // Исторический журнал. 1940. № 12. С. 47 – 60.
- 6.14. Трукан Г.А. Верховный правитель России // Отечественная история. 1999. № 6. С. 27 – 46.

- 6.15. Утгоф В.Л. Уфимское Государственное Совецание 1918 года: из воспоминаний участника // Былое. 1921. № 16. С. 15 – 41.
- 6.16. Цветков В. Мятеж. // Родина. М., 2001. № 6. С. 55 – 61.
- 6.17. Юрченко В. Мятеж, которого не было. // Родина. М., 1994. № 1. С. 23 – 31.
- 6.18. Власть труда, 1918. 27 июня. № 119.
- 6.19. Голос рабочего. 1918. 23 ноября.
- 6.20. Известия войск Восточного фронта. 1918. 26 августа. Иркутск.
- 6.21. Известия ВЦИК. 1918. 1 ноября.
- 6.22. Известия. 1922. 8 июля.
- 6.23. Красная армия. 1918. 7 октября. Пенза.
- 6.24. Народ. 1918. 30 ноября.
- 6.25. Правительственный вестник. 1918. 14 декабря. (Омск).
- 6.26. Русская Армия. 1919. 8 июня, 12 июля. (Омск).
- 6.27. Свободный край. 1918. 13 августа.
- 6.28. Угроза растет // Правда. 1918. 24 июля.
- 6.29. Ческословенски денник. 1918. 4 апреля, 18 сентября; 1919. 16 октября

VII. Мемуарная литература, воспоминания

- 7.1. Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919. 47 с.
- 7.2. Бенеш Э. Речи и статьи. Прага, 1925. Вып. 1. 263 с.
- 7.3. Будберг А. Дневник белогвардейца: (Колчаковская эпопея). Л., 1929. 302 с.
- 7.4. Буревой К.С. Колчаковщина. М., 1919. 40 с.
- 7.5. Гай Г.Д. Борьба с чехословаками на Средней Волге. М., 1931. 47 с.
- 7.6. Гай Г.Д. В боях за Симбирск: (Краткий очерк гражданской войны в губернии). Ульяновск, 1928. 43 с.
- 7.7. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Харбин, 1921. Т. 1, ч. 1. 432 с.

- 7.8. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920 гг.: Впечатления и мысли члена Омского правительства. Пекин, 1921. Т. 2. 546 с.
- 7.9. Головин Н.Н. Военные усилия России в первой мировой войне. Париж, 1913. 287 с.
- 7.10. Гудошников М.А. Очерки по истории гражданской войны в Сибири. Иркутск, 1959. 206 с.
- 7.11. Иржичко Л. Марьяновский бой. Омск, 1958. 14 с.
- 7.12. Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М. – Пг., 1923. 360 с.
- 7.13. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. М., 1963. С. 156.
- 7.14. Ольгин И. Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак. Харьков, 1919. 31 с.
- 7.15. Подвойский Н.И. Правда о чехословаках. М., 1918. 16 с.
- 7.16. Поезд смерти. Куйбышев, 1966. 192 с.
- 7.17. Россия – Революция – Гражданская война в оценках и воспоминаниях современников. Пенза, 1993. 144 с.
- 7.18. Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М., 1982. 147с.
- 7.19. Рябиков В.В. Центросибирь. Новосибирск, 1949. 254 с.
- 7.20. Святицкий Н.К. К истории Всероссийского Учредительного Собрания. 223 с.
- 7.21. Садуль Ж. Записки о большевистской революции 1917 – 1919. М., 1990. 392 с.
- 7.22. Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири: 1918 – 1922. М. – Пг., 1923. 172 с.
- 7.23. Устинкин С.В. Участие чехословацкого корпуса в интервенции в России (1918 – 1920 гг.) // Русская, украинская и белогвардейская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Прага, 1995. ч. 2. С. 590 – 596.
- 7.24. Филиппов Н.С. Поезд смерти. Куйбышев, 1940. 119 с.

7.25. Чехо-словаки в Самаре. М., 1918. 14 с.

VIII. Справочная литература

- 8.1. Гражданская война и военная интервенция в СССР // Энциклопедия. 2-е изд. / Под ред. С.С. Хромовой. М., 1987. 720 с.
- 8.2. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983.
- 8.3. Советская военная энциклопедия: В 10 т М., 1980. Т.8. 473 с.
- 8.4. Уфимское Государственное Совещание // Советская историческая энциклопедия: В 22 т. М, 1973. Т. 14. С. 912 – 913.

IX. Зарубежная историография проблемы

9.1. Мемуарная литература, воспоминания, научные труды.

- 9.1.1. Бенеш Э. Речи и статьи. Прага, 1925. Вып. 1. 263 с.
- 9.1.2. Будберг А. Дневник белогвардейца: (Колчаковская эпопея). Л., 1929. 302 с.
- 9.1.3. Веселы И. Чехи и словаки в революционной России 1917 – 1920 гг. М., 1965. 184 с.
- 9.1.4. Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное Собрание. Париж, 1932. 274 с.
- 9.1.5. Голечек В. Чехословацкое войско в России. Иркутск, 1919. 86 с.
- 9.1.6. Грэвс В. Американская авантюра в Сибири (1918 – 1920 гг.) М., 1932.
- 9.1.7. Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 5 т. Париж – Берлин, 1921 – 1926.
- 9.1.8. Драгомирецкий В.С. Чехословаки в России 1914 – 1920 гг. Париж – Прага, 1928. 219 с.
- 9.1.9. Ирджи С. Возникновение и борьба чехословацкого корпуса – основа

- ние чехословацкого государства. М., 1934. 121 с.
- 9.1.10. Каржанский Н. Чехо-словаки в России. М., 1918. 95 с.
- 9.1.11. Климускин П.Д. Чехословацкое выступление. «Волжское движение» и образование директории. Прага, 1925. 138 с.
- 9.1.12. Колосов В.Г. Сибирь при Колчаке: Воспоминания. Материалы. Документы. Прага, 1923. 183 с.
- 9.1.13. Котомкин А О чехословацких legionерах В Сибири. 1918 – 1920: Воспоминания и документы. Париж, 1930. 173 с.
- 9.1.14. Краль В. О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. М., 1955. 280 с.
- 9.1.15. Кратохвил Я. Путь революции. Прага, 1922. 256 с.
- 9.1.16. Куделя И.Ф. Зборов: Очерк истории чехословацкого революционного движения. Челябинск, 1918. 15 с.
- 9.1.17. Куделя И.Ф. О российском золотом запасе чехословацких legionерах. Прага, 1924. 28 с.
- 9.1.18. Лебедев В.И. «Чехословацкий фронт» и московский процесс // Воля России. 1922. № 23224. С. 7 – 16.
- 9.1.19. Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков: Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. 61 с.
- 9.1.20. Локкарт Б. История изнутри: Мемуары британского агента. М., 1991. 374 с.
- 9.1.21. Масарик Т.Г. Мировая революция: Воспоминания в 2-х томах . Прага, 1926-1927.
- 9.1.22. Масарик Т.Г. О большевизме. Прага, 1921. 59 с.
- 9.1.23. Масарик Т.Г. Россия и Европа. СПб., 2000. 446 с.
- 9.1.24. Материалы для Сибирской библиографии: гражданская война и интервенция в Сибири 1917 – 1920 гг. Прага, 1935. 16 с.
- 9.1.25. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири: В 3 ч. Белград,

1930 – 1931. С. 50 – 56.

- 9.1.26. Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч 2. 584 с.
- 9.1.27. Сайдлер И. Возникновение и борьба чехословацкого корпуса. Основание Чехословацкого государства // Т.Г. Масарик и Россия. СПб., 1997. С. 212 – 234.
- 9.1.28. Сахаров К.В. Белая Сибирь: внутренняя война (1918 – 1920 гг.). Мюнхен, 1923. 324 с.
- 9.1.29. Сахаров К.В. Чешские легионы в Сибири (чешское предательство). Берлин, 1930. 456 с.
- 9.1.30. Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири. Токио, 1921. 26 с.
- 9.1.31. Солодовников Б. Сибирские авантюры и генерал Гайда. Прага, 1919. 92 с.
- 9.1.32. Степанов А.П. Симбирская операция // Белое дело: Летопись белой борьбы. Берлин, 1926. Т. 1. С. 84 – 94.
- 9.1.33. Шмераль Б. Образ Чехословацкой республики в 1918 г. М., 1967. 339 с.
- 9.1.34. Шмераль Б. Чехословаки и эсеры. М., 1922. 30 с.
- 9.1.35. Bouček, V.: Prosím, aby zápisník byl odevzdán mé žene jako pozůstatek. Medard, Praha, 1997. 158 s.
- 9.1.36. Cervinka J. Az kam ? Praga, 1923. S. 20 – 22.
- 9.1.37. Holeček. Naše vojsko. Irkutsk, 1919. S. 58 – 59.
- 9.1.38. Janin M. Moje účast na československém boji za svobodu. Praha (без даты) S. 131 – 132.
- 9.1.39. Klecanda V. Bitva u Zborova. Praga, 1927. 157 s.
- 9.1.40. Klecanda V. Operace československého vojska ua Rusi v letech 1917 – 1920. Praha, 1921. 347s.
- 9.1.41. Kudela J. Přehled vývoje čsl. Revolučního vojska na Rusi. Praha, 1923. 231 s.
- 9.1.42. Mašin E. Česká Družina. Praha, 1922. 193 s.
- 9.1.43. Masaryk T.G. Cesta demokracie. I. Praha, 1933. 173 s.

- 9.1.44. Najbrt V. Rozlet a rozlom sibiřského bratrstva. Brno, 1936. 116 s.
- 9.1.45. Kudela J. Přehled vývoje čsl. Revolučního vojska na Rusi. Praha, 1923. 231 s.
- 9.1.46. Repka J. II sjezd československého vojsko na Rusi. Praha, 1928. 230 s.
- 9.1.47. Sak. R.: Anabáze. Drama československých legionářů v Rusku (1914 – 1920), H & H, Praha, 1996. 234 s.
- 9.1.48. Skácel J. Československá armáda v Rusku a Kolčak. Praha, 1926, 123 s.

9.2. Периодическая печать

- 9.2.1. Генерал Чечек. От Пензы до Урала // Воля России. 1928. № 8 – 9. С. 243 – 251. (Прага).
- 9.2.2. Новости жизни. 1918. 13 декабря. (Харбин).
- 9.2.3. Николаев С. Возникновение и организация Комуча // Воля России. 1928. № 8 – 9. С. 234 – 242. (Прага).
- 9.2.4. Климушкин П.Д. Перед Волжским восстанием // Воля России. 1928. № 8 – 9. С. 211 – 233. (Прага).
- 9.2.5. Брушвит И.М. Как подготовлялось волжское выступление // Воля России. 1928. № 10 – 11. С. 91 – 95. (Прага).
- 9.2.6. Кирилов А.А. Сибирская армия в борьбе за освобождение // Вольная Сибирь. 1928. Т. 4. С. 48 – 56. (Прага).
- 9.2.7. Tribune, April 13, 1922.

9.3. Архивные материалы и документальные материалы по проблеме.

- 9.3.1. Naše revoluce. Roč. 3. Sv. 3 – 4.
- 9.3.2. CR. Vol. 62. P. 6295 – 6306.
- 9.3.3. FR. 1919. Russia. P. 234.

9.3.4. FR. 1919. Vol. 3. P. 527 – 529.

9.3.5. FR. 1920. Vol. 3. P.527 – 528.

9.3.6. FR. 1918. Russia. Vol. 2. P. 206 – 207.

9.3.7. FRUS, 1918. Russia. P. 242.

9.3.8. Za svobodu. Obrázková kronika československého revolučního hnutí na Rusi
1914 – 1920. D. 1. Praha, 1926. 345 s.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

Божьей милостью

Мы, Николай Второй, император и самодержец Всероссийский и проч..

Объявляем всем нашим верным подданным:

Немного дней тому назад манифестом Нашим оповестили о войне, объявленной Германией. Ныне Австро-Венгрия, первая зачинщица мировой смуты, обнажая среди глубокого мира меч против слабейшей Сербии, сбросила с себя личину и объявила войну не раз спасавшей ее России. Силы неприятеля умножаются. Против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы, но с удвоенной силой растет навстречу им справедливый гнев мирных народов, и с несокрушимой твердостью встает перед врагом вызванная Россия, верная славным преданиям своего прошлого. Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность богом хранимой Нашей Империи, беремся за правое дело. В предстоящей войне народов мы не одни. Вместе с нами стали доблестные союзники наши, также вынужденные прибегнуть к силе оружия, дабы устранить, наконец, вечную угрозу германских держав общему миру и спокойствию. Да благословит Господь Вседержатель наше и союзное нам оружие, и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце.

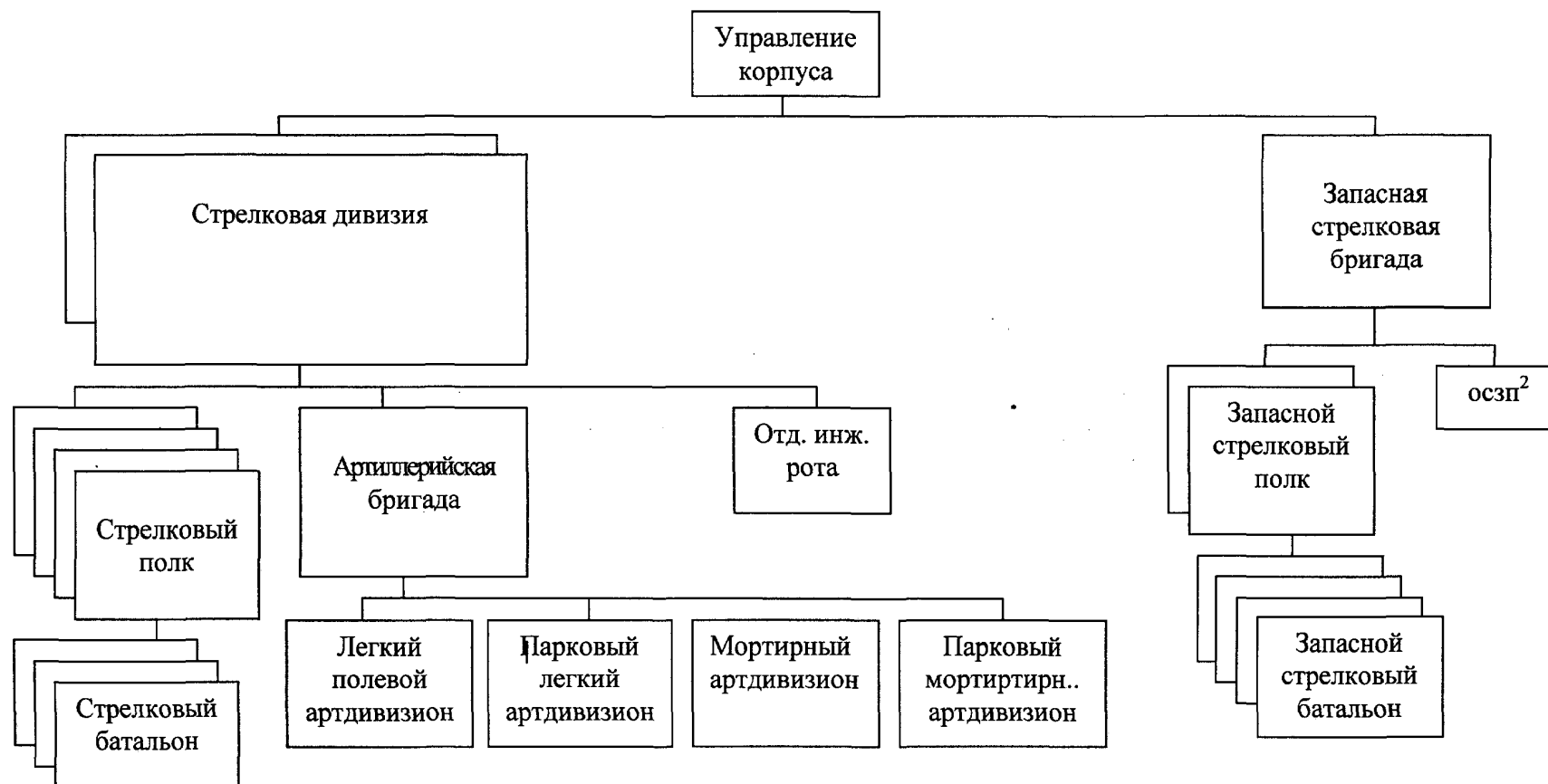
Санкт-Петербург

26 июля 1914 г.

Николай

Чехословацкий стрелковый корпус к концу 1917 г.¹

(На основании приказов Главковерха № 849 от 19 августа 1917 г., и Начтаверха № 613 от 26 сентября 1917 г.)

¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 342, лл. 41, 41 об., 58, 60.

² Отдельная саперная запасная полурота

Название стрелковых полков Чехословацкого корпуса на 17.10.17 г.¹**1-я Чехословацкая стрелковая дивизия**

- 1-й чехословацкий стрелковый полк имени Яна Гуса.
- 2-й чехословацкий стрелковый полк имени Юрия из Подебрад.
- 3-й чехословацкий стрелковый полк имени Яна Жижки.
- 4-й чехословацкий стрелковый полк имени Прокопа Великого.

2-я Чехословацкая стрелковая дивизия

- 5-й чехословацкий стрелковый полк Пражский Фомы Масарика.
- 6-й – чехословацкий Ганацкий полк.
- 7-й – чехословацкий стрелковый Татранский полк.
- 8-й – чехословацкий стрелковый Силезский полк.

¹ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 342, л. 67.

**Телеграмма
Народного Комиссара по военным делам Л.Д. Троцкого¹**

Омск, Крассовету, Запсибдепу, всем совдепам по железнодорожной линии от Пензы до Омска, всем военным комиссариатам по железнодорожной линии от Пензы до Омска. Москва, Комиссару путей сообщения Кобозеву для соответствующего распоряжения по железным дорогам.

Все Советы по железной дороге обязаны под страхом тяжкой ответственности разоружить чехословаков. Каждый чехословак, который будет найден вооруженным на железнодорожной линии должен быть расстрелян на месте. Каждый эшелон, в котором окажется хотя бы один вооруженный должен быть выброшен из вагона и заключен в лагерь для военнопленных. Местные военные комиссариаты обязуются немедленно выполнять этот приказ. Всякое промедление будет равносильно бесчестной измене и обрушит на виновных суровую кару.

Одновременно посылаются в тыл чехословацким эшелонам надежные силы, которым поручено проучить мятежников.

С честными чехословаками, которые сдадут оружие и подчинятся Советской власти будет поступлено как с братьями. Им будет оказана всяческая поддержка.

Всем железнодорожным частям сообщается, что ни один вагон с чехословаками не должен двигаться на Восток.

Кто уступит насилию и окажет содействие чехословакам в продвижении их на Восток будет сурово наказан.

Настоящий приказ прочесть всем железнодорожным служащим по месту нахождения чехословаков. Каждый военный комиссар обязан об исполнении донести.

Народный комиссар по военным делам Л. Троцкий
25 мая 1918 г.

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 636, л. 33.

Телеграмма
Советскому правительству о решении съезда депутатов
Чехословацкого корпуса из Челябинска¹

Съезд депутатов чехословацкого корпуса Челябинска постановил передать верховное руководство транспортом Чешко-Словацких войск исключительно съездом избранному временному исполнительному комитету. Распоряжения других представителей Чешско-Словацких органов объявляются недействительными.

Относительно приказа приказов представителя чешско-словацкого Совета Москвы и военному Аралова о сдаче оружия съезд единодушно постановил оружия до Владивостока не сдавать, считая оружие гарантом безопасности в своем продвижении. Обеспечение учреждениями Советской федеративной республики ввиду неопределенности общего положения неудовлетворительно.

Съезд протестует против замечаемых попыток разоружить и остановить чехословацкие эшелоны и всякую попытку такого рода считать насильственным действием.

Принимая необходимые меры предосторожности, Чехословацкий исполнительный комитет не лишен надежды, что советская власть не захочет препятствовать отходу революционных чехословацких войск, стремящихся на тот фронт куда нас зовет интерес нашего народа. Мы тем более надеемся на мирный исход из запутанного положения, что всякое столкновение лишь бы осложняло положение местных органов советской власти Сибири.

Председатель Чехословацкого Временного
исполнительного комитета Богдан Павлу
Секретарь Франц Рихтер

¹ ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 636, л. 37 – 39.

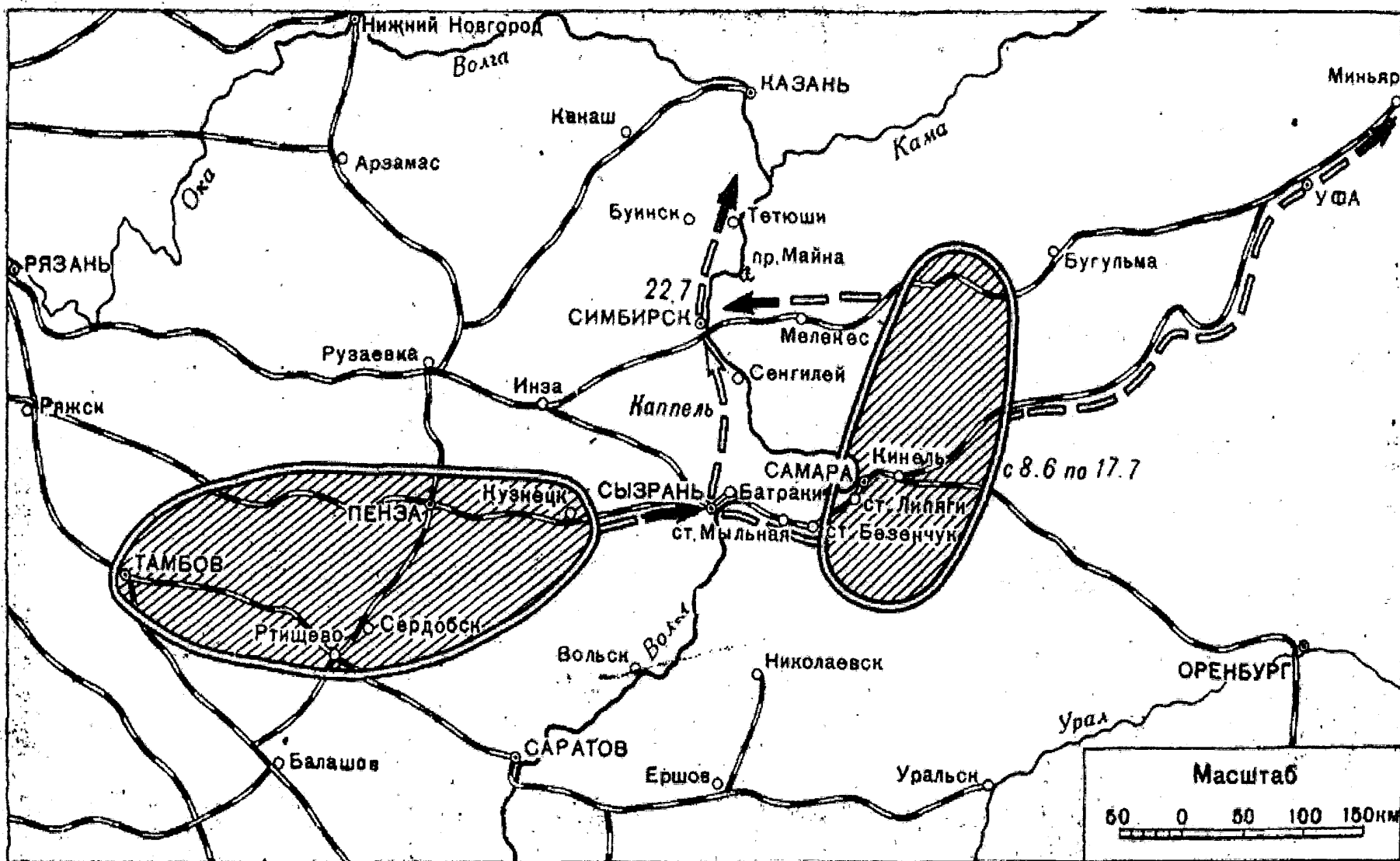
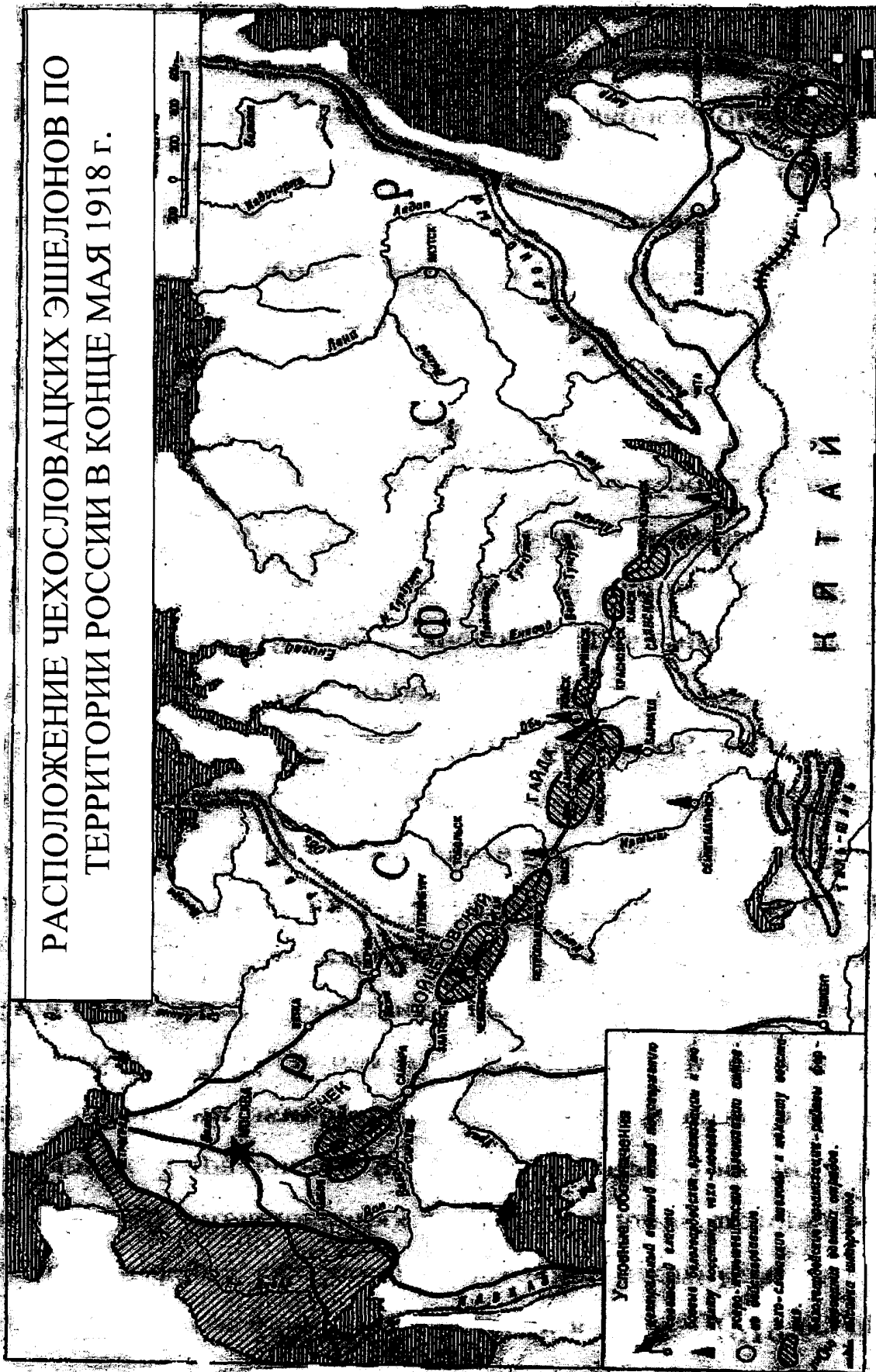

Схема действий группы С. Чечека с 29 июня по 22 июля 1918 г.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЭШЕЛОНОВ ПО
ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В КОНЦЕ МАЯ 1918 Г.

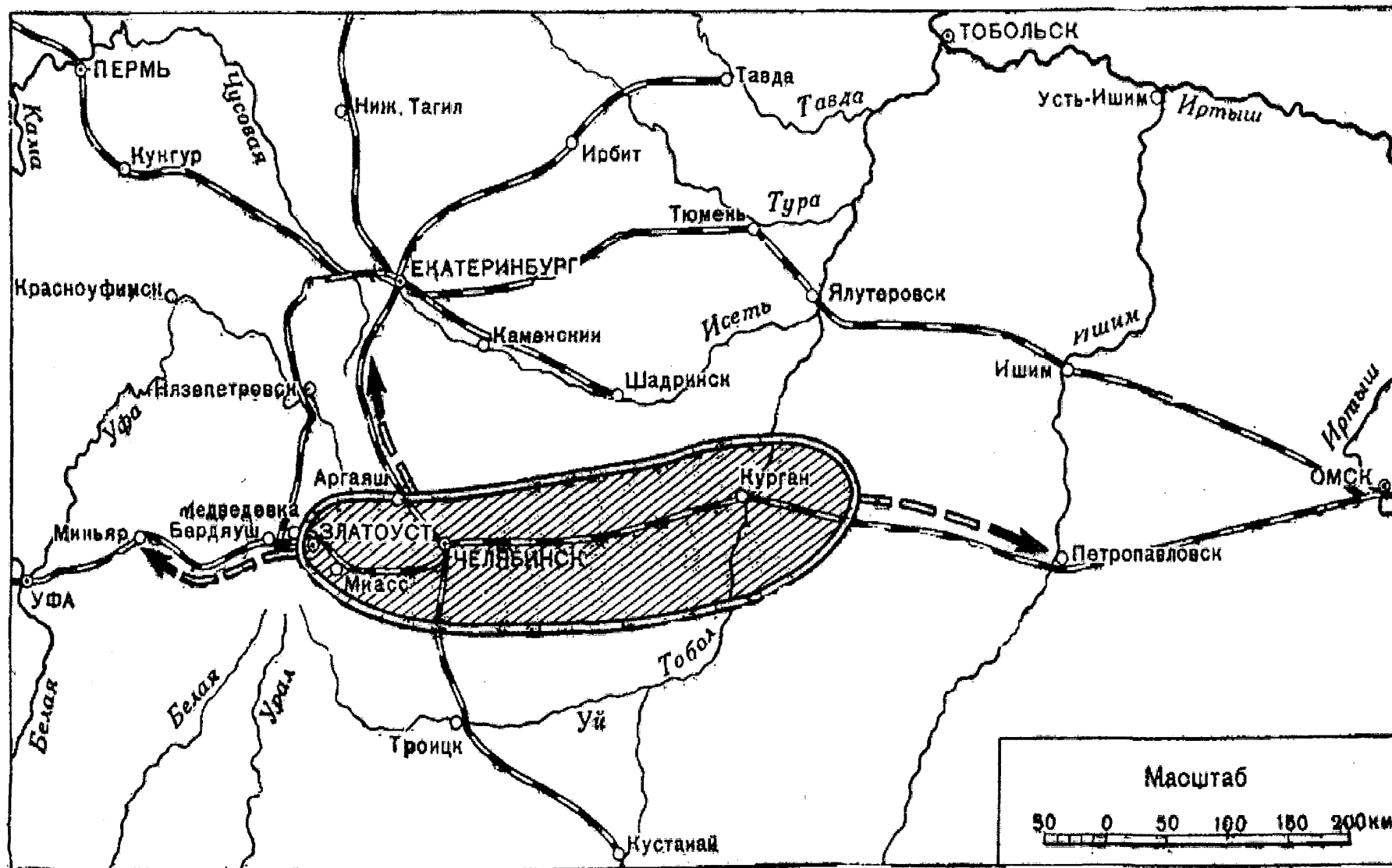

Схема действий группы С.Н. Войцеховского

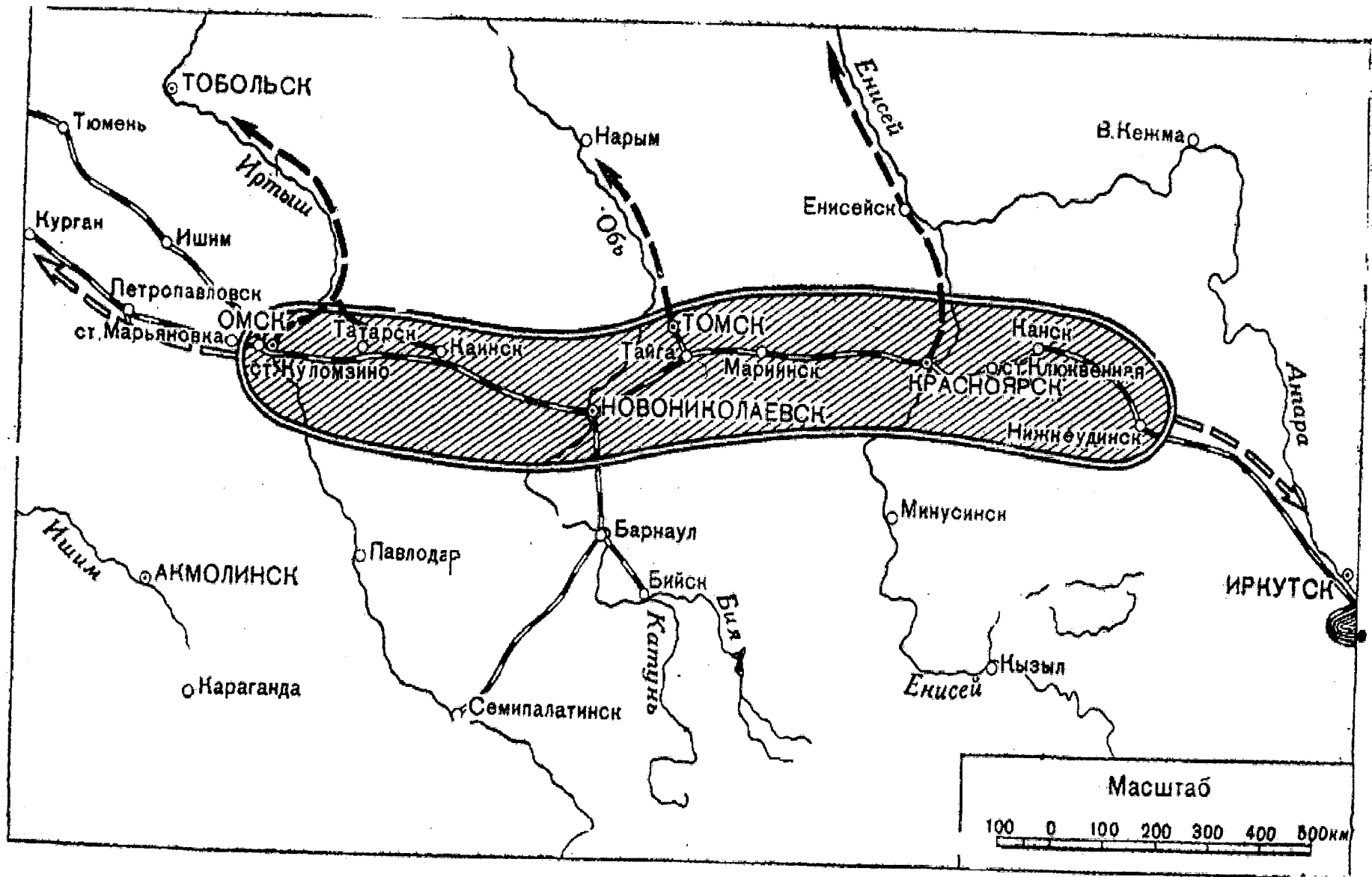

Схема действий группы Р. Гайды

Выписка из условий мирного договора между председателем Сибирского ревкома и члена революционного совета 5-й армии Смирновым и уполномоченным от чехословацкого войска по подписанию мирного соглашения поручиком Губ. (7 февраля 1920 г.)¹

1. При передвижении чехословацких войск на восток для следования на Родину устанавливается нейтральная зона между арьергардом чеховойск и авангардом советских войск на расстоянии от депо до депо. Причем ни советские ни чехословацкие армии не будут предпринимать боевых действий в нейтральной зоне по линии железной дороги по ее меридиану и воздуху. Нейтральная зона определяется расстоянием следующими станциями: Зима – Половина – Иннокентьевская – Слюдянка – Мысовая и следующими деповскими дистанциями.

2. Скорость передвижения будет происходить в зависимости от технических условий, которые будут доноситься советской армией ее представителям, находящимся в чехословацком арьергарде. Чехословацкое командование обязуется со своей стороны принимать все меры к быстрейшему продвижению частей на восток.

3. Для содействия чеховойскам в передвижении и урегулировании их отношений с железнодорожным революционным советом 5 армии, командирует своего представителя в г. Иркутск для совместной с чехословацкими уполномоченными организации достижения по железной дороге, как в смысле продвижения чеховойск на восток так и встречного движения на запад. Встречное движение на запад допускается лишь в том случае, если оно не будет нарушать плановности эвакуации чехословацких эшелонов на восток.

5. Чеховойска оставляют адмирала Колчака и его сторонников, арестованных иркутским ревкомом в распоряжении Советской власти под

¹ ГАРФ, ф. 130 оп. 4, д. 469, лл. 7 – 13.

охраной советских войск и не вмешиваются в распоряжения советской власти в отношении арестованных.

6. Золотой запас, принадлежащий РСФСР ни в каком случае не вывозится на восток и остается в Иркутске, охраняется смешанными караулами чехословацких и русских войск и передается Иркутскому исполнительному комитету при уходе последнего чешского эшелона из Иркутска.

7. Чеховойска следуют на восток только лишь в составе своих войсковых соединений. Войсковыми соединениями понимаются румынские, латышские и юго-славянские части, находящиеся под общим союзным командованием, которые подчиняются всем пунктам настоящего договора. Зачисление русского офицерского состава в ряды чешских частей с подписанием настоящего соглашения прекращается..

8. Чеховойска обязуются держать нейтралитет в отношении отрядов действующих, действующих против Советской власти и не оказывать им никакого содействия.

9. Все мосты и водокачки, железнодорожные постройки, имеющие важное значение охраняются в нейтральной зоне местными советскими отрядами и после ухода чехословаков на восток передаются в полной целостности. Советская власть командует своих представителей при караулах охраняющих туннели. Чеховойска обязуются передать туннели советским войскам в полном исправном виде.

10 Чеховойска обязуются не эвакуировать с собой военное имущество армии Колчака за исключением военного имущества приобретенного чеховойсками.

11. Чеховойска обязуются не эвакуировать железнодорожное имущество за исключением подвижного состава и топлива и смазочных средств, необходимых для их передвижения. Чеховойска обеспечивают возвращение паровозов и подвижного состава по достижении ими конечного

пункта. Для наблюдения исполнения этого ревноенсовет 5 армии назначает своего представителя.

12. Чеховойска возвращают советской власти для восстановления разрушенных железнодорожных сооружений все восстановительное имущество и средства принадлежащие железной дороге.

14. Для наблюдения за правильностью выполнения условий мирного соглашения командование советских войск имеет двух представителей в арьергарде чеховойск, а чеховойска двух представителей в авангарде советских войск.

16. Чехословаки, румыны, латыши и юго-славяне, оставшиеся по независящим от них обстоятельствам на территории советской России уходят вместе с последними эшелонами. Куда они будут доставлены с места их нахождения.

17. Чеховойска обязуются передать ст. Зима депо и железнодорожный мост через реку Ока авангарду Красной Армии 7 февраля в 12 часов дня по московскому времени...

18. Настоящее соглашение входит в силу с момента его подписания членами революционного совета 5 армии тов. Смирновым и представителем чеховойск поручиком Губ.

19. Несоблюдение одной из сторон какого-либо пункта соглашения влечет за собой нарушение мирного соглашения. Об открытии военных действий предупреждаются находящиеся в армии представители за 24 часа.

Уполномоченный СНК РСФСР по подписанию условий мирного соглашения председатель Сибирского ревкома и член революционного совета 5 армии Смирнов.

Уполномоченный чехословацких по подписанию условий мирного соглашения с Советской Красной Армией поручик Губ.

9 часов по моск. времени, 7 февраля 1920 г.

г. Куйтун

Хронологическая таблица событий, связанных с историей формирования и вооруженного восстания Чехословацкого корпуса.

№ п/п	Дата	Событие
1.	12 августа 1914 г.	Советом министров одобрен проект формирования «чешской дружины» из числа добровольцев чешской и словацкой национальностей, поданных России.
2.	11 октября 1914 г.	«Чешской дружине» вручено боевое знамя
3.	22 октября 1914 г.	«Чешская дружина» направлена на Киевский фронт в распоряжение командующего 3-й армией генерала Радко Дмитриева.
4.	19 ноября 1914 г.	Первый бой «чешской дружины» у дер. Недзелиска и Боржучин в Западно Галиции.
5.	31 декабря 1914 г.	«Чешская дружина» переименована в первый чехословацкий стрелковый полк.
6.	10 июня 1916 г.	Николай II одобрил рапорт Военного министра генерала Д.С. Шуваева о формировании отдельного чехословацкого соединения.
7.	24 марта 1917 г.	Военным советом России утверждено положение о формировании чехословацкого войска из числа военнопленных.
8.	18 июня 1917 г.	Сражение под Зборовом.
9.	22 августа 1917 г.	Приказ Верховного главнокомандующего № 785 о формировании двух чехословацких стрелковых дивизий
10.	26 сентября 1917г.	Приказ Начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Н.Н. Духонина № 613 о формировании чехословацкого корпуса.
11.	15 января 1918 г.	Правительство Франции признало Чехословацкий корпус частью своей армии.
12.	16 февраля 1918 г.	Председатель ЧСНС и командующий революционными войсками Южного фронта А.А. Муравьев заключили соглашение об уходе чехословацких войск с территории Украины.
13.	26 марта 1918 г.	В Курске заключено соглашение между представителями ЧСНС в России и представителем СНК в лице И.В. Сталина по передвижения эшелонов с чехословацким корпусом во Францию через восточный порт Владивосток.
14.	14 мая 1918 г.	Вооруженный конфликт между чехословаками и Челябинским советом. Начало мятежа.

15.	22 мая 1918 г.	Съезд депутатов чехословацкого войска отказался выполнить распоряжение представителей ЧСНС в России о сдаче оружия. Верховное командование чехословацким транспортом передано Временному Исполнительному Комитету.
16.	25 мая 1918 г.	20 часов телеграмма местным советам об полной остановке и разоружении чехословацких эшелонов от Пензы до Омска.
17.	25 мая 1918 г.	Вооруженные столкновения чехословаков с местными властями в Мариинске и ст. Марьяновка. Начало крупномасштабных боевых действий чехословацких вооруженных формирований против Советских войск.
18.	26 мая 1918 г.	Чехословацкие части захватили Челябинск и Новониколаевск.
19.	27 мая 1918 г.	Чехословацкие части захватили Пензу.
20.	8 июня 1918 г.	В Самаре при поддержке чехословацких войск провозглашено правительство Кому-ча.
21.	29 июня 1918 г.	Чехословацкие части вооруженным путем устранили советы во Владивостоке.
22.	6 июля 1918 г.	Представители союзников подписали декларацию, указывающую на интервенцию союзнических войск Дальнего Востока в целях поддержки и обеспечения безопасности чехословацких войск. Провозглашение открытой интервенции иностранными государствами Дальнего Востока.
23.	11 июля 1918 г.	Чехословацкие части захватили Иркутск.
24.	25 июля 1918 г.	Чехословацкие части захватили Екатеринбург.
25.	7 августа 1918 г.	Чехословацкие части захватили Казань.
26.	30 августа 1918 г.	Сибирская группировка чехословацкого корпуса на ст. Оловянной соединилась с войсками атамана Г.М. Семенова.
27.	10 сентября 1918 г.	Советские войска освободили Казань. Спад военной активности чехословацкого корпуса.
28.	23 сентября 1918 г.	В Уфе под влиянием представителей союзников и командования чехословацкого корпуса сформировано Временное Всероссийское правительство (Директория).
29.	18 октября 1918 г.	Решение ЧСНС об эвакуации Чехословацкого корпуса на родину.
30.	28 октября 1918 г.	Провозглашение независимости Чехословацкой республики.

31.	31 октября 1918 г.	Нота Народного комиссариата иностранных дел Временному чехословацкому правительству о предоставлении возможности, при условии сложения оружия, проследовать через Россию на родину.
	3 ноября 1918 г.	Приказ Председателя РВСР Л.Д. Троцкого о возможности пропуска чехословацких эшелонов на запад. При условии сдачи оружия.
	4 ноября 1918 г.	Воззвание ВЦИК к солдатам чехословацкой армии с предложением о мире и возможности пропуска чехословацких эшелонов через территорию России на родину.
32.	13 ноября 1919 г.	Опубликован меморандум представителей Чехословацкой Республики в России В. Гирсы и Б. Павлу.
33.	17 – 18 ноября 1919 г.	Мятеж эсеров, большевиков и чехословацких военных частей под командованием генерала Р. Гайды во Владивостоке.
34.	15 января 1920 г.	В Иркутске чехословацкое командование передало адмирала А.В. Колчака эсеровскому Политцентру.
35.	7 февраля 1920 г.	Подписан Куйтунский мирный договор между представителями реввоенсовета 5-й армии и представителем чехословацкого войска об эвакуации чехословацких эшелонов на восток.
36.	3 марта 1920 г.	Иркутск покинул последний чехословацкий эшелон.
37.	2 сентября 1920 г.	Последний транспорт с военнослужащими чехословацкого корпуса покинул порт Владивосток.

**Краткие биографии военно-политических лидеров
Чехословацкого корпуса в России**

Бенеш Эдвард (1884 — 1948 гг.) — Родился он в большой крестьянской семье в Кожланах 28 мая 1884 г. Получил блестящее образование, изучая философию в Карловом университете, литературу — в Сорбонне, право — в Дижоне, слушая лекции известных профессоров в Берлинском университете. Прекрасно знал французский, английский, немецкий языки, глубоко интересовался социологией, искусством. С 1918 г. по 1935 г. министр иностранных дел. Б. оказывал большое влияние и на внутреннюю политику страны. В 1921 — 1922 гг. он занимал пост председателя правительства, в 1919 — 1926 гг. и в 1929 — 1935 гг. избирался депутатом Национального собрания. Б. принимал активное участие в создании и деятельности Лиги Наций, в 1923 — 1927 гг. был членом ее Совета, а в 1927 — 1928 гг. — председателем Комитета безопасности. Он представлял Чехословакию на многочисленных международных форумах, шесть раз избирался председателем Совета Лиги Наций и один раз председателем ее Ассамблеи. В 1935 г. Б., исходя из экономических и политических соображений, заключил советско-чехословацкий союзнический договор, предусматривавший оказание взаимной помощи, если таковую стране-жертве агрессии предоставит Франция в этом же году становиться Президентом Чехословакии и остается им до 1938 г. После распада Чехословакии и оккупации Чешских земель фашистской Германией в марте 1939 г. Б. создает в США центр «чехословацкой заграничной акции», вернувшись летом того же года в Европу пытается объединить все некоммунистическое чехословацкое сопротивление за рубежом и возглавить его. В декабре 1943 г. состоялся визит Б. в Москву по вопросам обустройства послевоенной Европы и сотрудничества СССР и Чехословакии. С 1946 г. Президент Чехословакии. Б. поставил перед собой задачу балансирования между Западом и Востоком, но

в новых условиях начавшейся «холодной войны» оно стало нереальным. Умер в 1948 г.

Войцеховский Сергей Николаевич (1883 – 1951 гг.) – Родился 16 октября 1883 г. Сын подполковника. Образование: реальное училище; артиллерийское училище; Императорская Николаевская военная академия.

С 7 августа 1917 г. назначен на должность начальника штаба 1-й Чехословацкой дивизии. С 23 февраля 1918 г. командир 3-го Чехословацкого полка имени Я. Жижки. 27 мая назначен приказом командира корпуса командующим войсковыми частями Челябинской группы. 11 июня 1918 г. полковник и назначен временно исполнять обязанности начальника штаба корпуса без освобождения от других должностей. 17 октября 1917 г. произведен Чехословацким Национальным Советом в генерал-майоры и назначен командующим Самарской группой войск. В январе 1919 г. допущен к командованию 2 Уфимским армейским корпусом.

26 января 1920 года после смерти В.О Каппеля генерал-майор В. возглавил командование белыми войсками. 20 февраля 1920 года В. был назначен Главнокомандующим вооруженными силами Российской Восточной окраины. Из-за разногласий с атаманом Г.М. Семеновым 27 апреля В. сдал свой пост и после недолгого пребывания в Маньчжурии эмигрировал в Чехословацкую республику.

В 1921 г. В. принял чехословацкое гражданство и был принят на службу в армию Чехословацкой Республики. Три года генерал В. командовал 24-й пехотной бригадой, четыре года - 9-й пехотной дивизией и почти восемь лет был командующим военного округа Брно. Во время немецкой оккупации генерал В. был одним из руководителей чешской подпольной армии «Обрана Народа».

В мае 1945 г. 62-летний генерал был арестован советской контрразведкой СМЕРШ и насильно этапирован в СССР. Он содержался в Бутырской тюрьме и 15 сентября 1945 года был осужден на десять лет исправительно-трудовых лагерей. Четыре года генерал содержался в

Унжлаге, а затем был перевезен в Озерлаг. Умер В. 7 апреля 1951 г. от туберкулеза легких и истощения. Его могила находится на лагерном кладбище у деревни Шевченко Тайшетского района Иркутской области.

Гайда Радола (1892 – 1910 гг.) – родился 14 февраля 1892 г. в г. Которе. 1 октября 1910 г. поступил на действительную военную службу в качестве волноопределяющегося. По окончании действительной службы остался в армии в качестве офицера административной службы (бухгалтера). 28 июля мобилизован в Австро-Венгерскую армию, где дослужился до надпоручика. В сентябре 1915 г. попал в плен, добровольно перешел на службу в Черногорскую армию. 25 декабря уволен из союзной сербской армии в России. 30 января перешел в Чехословацкую бригаду, зачислен во 2-й чехословацкий стрелковый полк. 26 марта 1917 г. командир роты. 28 марта 1917 г. командир 1-го батальона 2 стрелкового полка чехословацких легионов. 12 июля 1917 г. временно назначен командиром 2-го полка. 28 марта 1918 г. назначен командиром 7-го полка. В мае 1918 г. делегат Челябинского съезда. Избран членом временного исполнительного комитета. 11 июля 1918 г. восточная группа Г. заняла столицу Восточной Сибири Иркутск и открыла дорогу к оз. Байкал. 1 сентября 1918 г. произошла встреча авангарда Восточной группы Г. с Владивостокской группой генерала М.К. Дитерихса. 2 сентября 1918 г. получил чин генерал-майора. 26 сентября 1918 г. принял командование 2-й чехословацкой дивизией. 12 октября принял командование армией Временного Сибирского правительства. Женится на сестре А.В. Колчака – Екатерине. 1 января 1919 г. поступил на службу в колчаковскую армию. 10 июля отстранен от командования Сибирской армии. 2 сентября 1919 г. А.В. Колчак лишил Г. чина генерал-лейтенанта. Г. становится во главе антиколчаковских сил. 17 ноября подавление возглавлявшегося Г. антиколчаковского путча во Владивостоке. 11 февраля возвращается в Чехословакию. 1 декабря 1924 г. назначен первым заместителем начальника Главного штаба. 20 марта 1926 г. допущен к исполнению обязанностей начальника Главного штаба. 2 июля Р. Гайде было

предложено уйти в отпуск на неопределенный срок, ссылаясь на сведениях о его шпионаже в пользу Советского Союза. 14 августа признан негодным к военной службе. 2 января 1927 г. избран лидером Национальной фашистской общины. 11 марта 1939 г. в отношении Г. отменены все наказания, лишавшие его воинского чина и пенсии. 12 мая 1945 г. арестован органами чехословацкой безопасности как коллаборационист. 15 мая 1948 г. Г. казнен по приговору суда в Праге и похоронен на Ольшанском кладбище.

Дитерихс Михаил Константинович (1874 – 1937 гг.) – родился 5 апреля 1874 г. Генерал-лейтенант (1919 г.). Образование получил в Пажеском корпусе (1894 г.) и Николаевской академии Генштаба (1900 г.). С 2 апреля 1910 г. старший адъютант штаба Киевского ВО, с 30 июня 1913 г. начальник отделения ГУГШ. При мобилизации 23 августа 1914 г. назначен и. д. генерала для делопроизводства и поручений при Верховном главнокомандующем.

1 апреля 1915 г. назначен генерал-квартирмейстером штаба армий Юго-Западного фронта. Один из ближайших помощников ген. А.А. Брусилова, сыграл большую роль в подготовке наступления Юго-Западного фронта (Брусиловского прорыва). 10 сентября 1917 г. назначен генерал-квартирмейстером при Верховном главнокомандующем. 8 ноября 1917 г. бежал на Украину, где вскоре занял пост начальника штаба Чехословацкого корпуса (до янв. 1919 г.). 17 января 1919 г. по поручению А.В. Колчака возглавлял следственную комиссию по делу об убийстве на Урале членов царской семьи и др. членов дома Романовых. С янв. 1919 г. начальник штаба Западного фронта. 11 – 22 июля 1919 г. командующий Сибирской отдельной армией. С 22 июля по 4 ноября 1919 г. командующий Восточным фронтом; одновременно с 10 авг. по окт. 1919 начальник штаба Верховного правителя, а 10 – 27 авг. – военный министр. После поражения войск Колчака, не принявшего план Д. об отводе войск с линии Иртыша, направился в Харбин, где жил до 1922. 1 января 1922 г. после свержения правительства Меркулова принял власть как командующий войсками Временного Приамурского

правительства. 8 августа 1922 г. ему передана Собором власть как воеводе Земской рати и правителю Приморского края. В сент. – окт. 1922 г. его войска были разбиты частями Красной армии, после чего Д. эмигрировал в Китай. 19 июня 1930 г. сменил ген. Ханжина на посту начальника Дальневосточного отдела РОВС; был почетным членом Офицерского собрания в Шанхае. Автор книги «Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале». Умер. 8 октября 1937 г., в Шанхае.

Масарик Томаш Гарриг (1850 – 1937 гг.) – чехословацкий государственный и политический деятель, философ – позитивист, родился 7 марта 1850, Годонин. Получил образование в Венском и Лейпцигском университетах. С 1876 доктор философии, в 1882 – 1914 профессор философии Пражского университета. Один из основателей (1889) либерально-политической группы "Реалистов" (до 1890 связана с политической партией старочехов, затем с младочехами), либеральной Чешской народной (реалистической) партии (1900 г.; в 1905 – 1918 гг. – Чешская прогрессивная партия), стремившейся к автономии Чехии в составе Австро-Венгрии. С декабря 1914 – в эмиграции (Женева, Париж, Лондон, Чикаго, Вашингтон, Бостон и др.). Основал в Париже Чешский (затем Чехословацкий) Национальный Совет (1915 г.), ориентировавшийся в вопросе создания самостоятельного чехословацкого государства на Антанту. С мая 1917 г. по март 1918 г. в России, стремился сблизиться с партией кадетов. В речах и заявлениях поддерживал политику Временного правительства. Великую Октябрьскую социалистическую революцию встретил враждебно. В декабре 1918 г. прибыл в Прагу, в ноябре Национальным собранием Чехословацкой республики был избран президентом (переизбирался в 1920, 1927, 1934 гг.). В общей сложности был президентом Чехословацкой республики с 1918 – 1935 гг. Во внешней политике ориентировался на западные державы. Умер 14 сентября 1937, Лани, близ Праги.

Медек Рудольф (1890 – 1940 гг.) – родился в 1890 г. в восточно-чешском городе Градец Кралове в небогатой семье. Он окончил педагогический институт и до 1914 г. работал учителем в своем родном городе. Вскоре после того, как он был призван в австрийскую армию, он получил офицерский чин, и в конце 1915 г. на галичском фронте перешел к русским. Весной 1916 г. он вступил в чешские легионы и сразу проявил себя в битве вблизи украинской деревни Зборов, За эти заслуги М. в 1919 г. назначили начальником военного управления чехословацких легионов. В декабре того же года он вернулся на родину и поселился в Праге. Много писал. Первых два сборника стихов «Полночь богов» и «Перстень» он опубликовал еще до войны, после войны издал сборники «Зборов», «Львиное сердце», «Живой круг», «Речь судьбы» и многие другие. Кроме того, в течение 20-х годов вышел в свет монументальный цикл из пяти романов писателя, военная пенталогия «Огненный змей», «Великие дни», «Остров в буре» «Могучий сон» и «Анабазис». Его романы и стихи были несколько раз оценены государственной премией, сам М. в 1931 г. получил звание генерала. Кроме того, ему в 1920 г. поручили руководство строительством мемориала освобождения народа на холме Витков над Прагой. М. был его директором до нацистской оккупации Чехословакии в 1939 г.

От ареста М. спасло лишь воспаление брюшины, в связи с чем его положили в больницу. К сожалению, от того же воспаления он в августе 1940 г. скончался.

Сыровы Ян (1888-1971) – генерал-майор Чешской армии с августа 1918г. Участник первой мировой войны: доброволец Чешской дружины в составе. Русской армии, Юго-Западный фронт с сентября 1914 г. Командир 2-го полка Чехословацкого корпуса, с марта – май 1918 г. В Белом движении: командующий чехословацкими войсками в районе Курган – Челябинск – Омск – Екатеринбург в период мятежа май – август 1918 г. Командующий Западным фронтом и чешскими войсками, а также войсками Российской армии Уфимской директории 12 августа по 24 декабря 1918 г. Командир

Чехословацкого корпуса август 1918 г. по сентябрь 1920 г. После эвакуации войск Чехословацкого корпуса в сентябре 1920 г. из России через Владивосток вернулся в Чехословакию. В чехословацкой армии с 1920 по 1938 г., занимал ряд высших офицерских постов: начальника Главного штаба, генеральный инспектор армии, военный министр в 1938 г. Осенью 1938 г. премьер-министр. Умер в 1971 г.

Шокоров Владимир Николаевич (1868 – 1940 гг.) – родился 15 июля 1868 г. Закончил 3-й Московский кадетский корпус 1886 г., Александровское военное училища 1888 г. Академия Генштаба. Генерал-майор, командир Чехословацкого корпуса. В эмиграции жил в Чехословакии. Умер 11 июля 1940 г. в Праге. Умер 11 июля 1940 г.

Штефаник Милан Ростислав (1880 – 1919 гг.) – родился 21 июля 1880 г., Кошариска, чехословацкий политический и военный деятель в семье евангелического священника. Окончил Пражский университет; с 1904 жил во Франции (в 1910 принял французское гражданство), выполнял специальные поручения (дипломатические, разведывательные и др.) властей. В годы 1-й мировой войны 1914 – 1918 гг. служил офицером (с лета 1918 генерал) во французской армии. В 1916 г. вошёл в состав Чехословацкого национального совета (Париж). Занимался формированием чехословацких воинских частей (из военнопленных, эмигрантов в странах Антанты и США). С октября 1918 г. военный министр в чехословацком эмигрантском Временном правительстве. Участвовал в осуществлении интервенции Антанты в Советской России.

С осени 1918 г. он находился при чехословацком армейском корпусе в Сибири в связи с выступлением чехословацких легионов в России. По его предложению было принято решение о переброске легионов в тыл, а затем в ЧСР. Лишь в начале 1919 г. Ш. вернулся в Европу. Его перелёт из Италии на родину 4 мая 1919 г. стал последним в его жизни. При невыясненных обстоятельствах самолёт перед самым приземлением близ аэродрома Вайноры у Братиславы разбился. Погибли все члены экипажа.